

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2(29) / 2020

серия

**Язык. Система. Личность:
Лингвистика креатива**

Екатеринбург 2020

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
"URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"

INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

**URAL
PHILOLOGICAL
HERALD**

№ 2(29) / 2020

series

**Language. System. Personality:
the Linguistics of creativity**

Ekaterinburg 2020

УДК 81(082)
ББК Ш1
У68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Б.Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.

(Белорусский государственный университет)

Е.Ю. Протасова, д-р пед. наук, профессор

(Хельсинкский государственный университет)

И.А. Ваулина, к. филол. наук, доцент

(Уральский государственный педагогический университет)

У68 Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет ; главный редактор Т.А. Гридина. – Екатеринбург : [б. и.], 2020. – №. 2. – 316 с. – (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 29: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Екатеринбург, Россия, 23-25 апреля 2020)

Сборник содержит материалы докладов Международной научной конференции, посвященной широкому кругу проблем, разрабатываемых в рамках направления "Лингвистика креатива", в том числе обсуждению интегральной методологии исследования механизмов языковой креативности, описанию форм и сфер лингвокреативной деятельности современного общества, реализации творческого потенциала языковой личности. Сборник адресован специалистам-филологам, психологам, аспирантам и студентам, преподавателям-практикам, а также всем, кто интересуется проблемами языкового творчества

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2020

© Уральский филологический вестник, 2020

UDC 81(082)

Editorial board:

Series " Language. System. Personality: linguistics of creativity":

T. A. Gridina, Dr. Philol. science, prof.

(Ural state pedagogical University)

N. I. Konovalova Dr. Philol. science, prof.

(Ural state pedagogical University)

B. Y. Norman, Dr. Philol. science, prof.

(Belarusian state University)

E. Y. Protassova, doctor of pedagogical sciences, Professor

(Helsinki University)

Vaulina, I. A., candidate of philological sciences. associate Professor

(Ural state pedagogical University)

Ural philological herald / Ural state pedagogical univ.; editor-in-chief T.A. Gridina – Ekaterinburg, 2020. – №. 2 (29). – 316 p. – (*Series « Language. System. Personality: the Linguistics of creativity». Issue 29: Materials of the International scientific conference "Linguistics of creativity: trends and prospects for the development of a new scientific direction". Yekaterinburg, Russia, April 23-25, 2020*)

. The collection contains materials of reports of the International scientific conference devoted to a wide range of problems developed within the framework of the direction "linguistics of creativity", including discussion of the integral methodology of research of mechanisms of language creativity, description of forms and spheres of linguocreative activity of modern society, realization of the creative potential of the language personality. The collection is addressed to specialists-philologists, psychologists, postgraduates and students, teachers-practitioners, as well as anyone interested in the problems of language creativity.

Editor of issue: T.A.Gridina

ISSN 2306-7462

© FSBEI HE «USPU», 2020

© Ural philological herald, 2020

Содержание

Раздел I. Лингвистика креатива как методология исследования феноменов языкового сознания

<i>Гридина Т. А.</i> «Внутри» будущих сюжетов: креативные истоки художественного речемышления	7
<i>Зыкова И. В.</i> Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе	23
<i>Киосе М. И.</i> Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа	37
<i>Норман Б. Ю.</i> Формальные ассоциации слов как стимул (двигатель) текстопроизводства	48
<i>Павлова А. В.</i> Языковая игра на основе просодии	63

Раздел II. Сферы и формы лингвокреативной деятельности современного социума

<i>Бубнова И. А.</i> Мем: двуликий Янус нашего времени	79
<i>Вепрева И. Т.</i> Диалог взрослого с ребенком: подшучивание как разновидность патерналистского стиля общения	87
<i>Виданов Е. Ю., Муль И. Л.</i> Куркулий, котий, залазий и другие элементы современных периодических систем (к вопросу о миромоделирующей функции языковой игры)	98
<i>Голованова Е. И.</i> Лингвокреативный характер профессиональной номинации	106
<i>Гоннова Н. В.</i> Лингвокреативный потенциал рекламных имён (на примере дериватов с оценочными компонентами)...	116
<i>Гурова И. В.</i> Лингвистический креатив в «Живом журнале» (на примере блога Е. Касперского)	127
<i>Доброва Г. Р.</i> Проявления креативности при заполнении языковых лакун детьми	135
.....	
<i>Еленевская М. Н.</i> Повседневная речь мигрантов: многоязычие, аттриция и креативность	146
<i>Иванова Е. Н.</i> Трансформация жанра письма в интернет-коммуникации	156
<i>Казаченко О. В., Ковальчук О. В.</i> Дивергентная редупликация как феномен языковой игры	165
<i>Кислова И. С.</i> Формирование дискурсивной креативности у	

школьников путем моделирования мультфильма.....	173
Кулакова Н. В. Потенциальная вариативность словотворческих игр.....	187
Цонева Л. М. Ономастическая игра в медиаобразе Ангелы Меркель.....	199
Шляхова С. С. Цветообозначения в условиях бикультурализма исторически полиэтнических регионов (коми-пермяки): экспериментальное исследование.....	207
Шмелева Т. В. Метонимия в городском ономастиконе.....	219

Раздел III. Лингвокреативные аспекты текстовой Деятельности

Авдеева Г. А. Филологические аллюзии и цитаты в романе А.Варламова «Душа моя Павел».....	228
Бекасова Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте.....	239
Коновалова Н. И. Креативный синкретизм речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры.....	257
Купина Н. А. Филологическая календарная поэзия: аксиологические предпочтения и лингвокреативные технологии (на материале сборника стихов Леонида Быкова «Второй состав»).....	270
Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Метафоризация пространства в научном тексте.....	282
Петров А. В. Лингвокреативный потенциал сравнения в народной речи (на материале повести Федора Абрамова «Пелагея»).....	291
Ружицкий И. В. Игровая функция инвектив в текстах Ф. М. Достоевского.....	300
Черняк В. Д. Интертекстуальные включения в беллетристике: ребусы и ключи.....	309

TABLE OF CONTENTS

**Part I. Linguistics of creativity as a methodology
for studying the phenomena of language consciousness**

<i>Gridina T. A.</i> "Inside" future stories: creative origins of artistic speech	7
<i>Zykova I.V.</i> Methodological perspectives of studying linguistic creativity in the cinematic discourse	23
<i>Kiose M.I.</i> Linguistic creativity in discourse: The research perspective of cognitive semiotics	37
<i>Norman B.Yu.</i> Formal associations as a stimulus (speaking) of text production	48
<i>Pavlova A.V.</i> Language games based on prosody	63

**Part II. Spheres and forms of language creativity
in the activities of modern society**

<i>Bubnova I. A.</i> Meme: the two-faced Janus of our time	79
<i>Vepreva I.T.</i> Dialogue between adult and child: banting as variety of paternalistic communication style	87
<i>Vidanov E.Yu, Mul I.L.</i> Kurkulyiy, kotiy, zalazyiy and other elements of modern periodic systems (revisiting the world-modeling function of a language game)	98
<i>Golovanova E.I.</i> Linguistic and creative nature professional Nominations	106
<i>Gonnova N.V.</i> Linguocreative potential of advertising names (on the example of derivatives with evaluation components).....	116
<i>Gurova I. V.</i> Linguistic Creativity in LiveJournal (by the example of E Kaspersky's blog)	127
<i>Dobrova G. R.</i> Manifestations of creativity in children filling in the language gaps	135
<i>Yelenevskaya M.N.</i> Migrants' everyday speech: Multilingualism, attrition and creativity	146
<i>Ivanova E. N.</i> The transformation of genre "letter" in the internet-communication	156
<i>Kazachenko O. V., Kovalchuk O. V.</i> Divergent reduplication	

as a phenomenon of linguistic creativity	165
Kislova I. S. Formation of discursive creativi in school children by modeling cartoon	173
.....	
Kulakova N. V. Variability of potential word games	187
Tsoneva L. M. Onomastic play in the media image of Angela Merkel	199
Shlyakhova S. S. Color designations in the context of biculturalism of historically multi-ethnic regions (Komi-Permyaks): an experimental study	207
Shmeleva T. V. Metonymy in the city onomasticon	219

Part III. Linguistic creativity in textual activity

Avdeeva G.A. Philological allusions and citations in the «My soul Paul» Novel by A. Varlamov	228
Bekasova E.N. Creativity on the brink of sacral and profiled in the old russian text	239
Konovalova N. I. Creative syncretism of speech genres threats and appeasement in sacred texts of traditional folk culture	257
Kupina N. A. Philological calendar poetry: axiological preferences and linguocreative technologies (on the material of Leonid Bykov's verse collection «The Second Composition»).....	270
Mikhailova O.A., Mikhailova Ju.N. Metaphorization of space in a scientific text	282
Petrov A.V. Linguocreative Potential of Simile in Colloquial Speech (Based on Feodor Abramov's Novel <i>Pelagea</i>)	291
Ruzhitsky I. V. Invectives Game Function in the Texts of Fyodor M. Dostoyevsky	300
Chernyak V.D. Intertextual inclusions in fiction: rebuses and keys	309

Раздел I. Лингвистика креатива как методология исследования феноменов языкового сознания

Т.А. ГРИДИНА
г. Екатеринбург, Россия
tatyana_gridina@mail.ru

8138
DOI 10.26170/ufv20-02-01

«ВНУТРИ» БУДУЩИХ СЮЖЕТОВ: КРЕАТИВНЫЕ ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕЧЕМЫШЛЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности художественного речемышления, отраженные в «Записных тетрадах» писателя. Характеризуется специфика игрового слова С.Д. Кржижановского как творческого импульса, связанного с замыслом и реализацией будущих сюжетов. Сюжетообразующими стимулами могут выступать: микродиалоги; заглавия; протосюжеты в сжатом конспективном изложении; «перевертыши» прецедентных сюжетов; словотворческие номинации (ключевые текстопорождающие игры); фразеотрансформации, составляющие основу развития сюжета в парадоксальном русле. Приводятся результаты пилотного эксперимента, связанного с читательской рецепцией окказионального слова писателя (представленного в виде заглавия) и порождением потенциального текста на его основе.

Ключевые слова: лингвокреативность, языковая игра, парадокс, речемыслительный процесс, художественное творчество, эксперимент

GRIDINA TATYANA
Ekaterinburg, Russia

"INSIDE" FUTURE STORIES: CREATIVE ORIGINS OF ARTISTIC SPEECH

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the writer's artistic thinking. In this context, the author analyzes the specifics of S. D. Krzhizhanovsky's game word as a creative impulse associated with

design and implementation of future stories. Plot-forming impulses can be microdialogs; names of future stories, short plot summaries; "inverted" plots; word-making innovations; phraseological transformations. The results of an experiment related to the reader's perception of an occasional writer's word (presented as a title) and the formation of a potential text based on it are presented.

Keywords: linguistic creativity, language game, paradox, speech-thinking process, artistic creativity, experiment.

Феномен *креативности* широко обсуждается применительно к самым разным видам человеческой деятельности, в том числе речемыслительной деятельности, сопряженной с использованием интерпретационного и порождающего потенциала языковых знаков. Выделяются разные аспекты креативности: креативность *как осознание проблемы*, требующей нестандартного решения; креативность *как процесс*, ведущий от постановки проблемы к ее решению; креативность *как продукт творческого решения*; креативность *как проявление творческой самореализации личности* (персональные, личностные, качества творца). В основе любого вида креативности, в том числе и многообразных форм ее проявления, лежат *ассоциативные механизмы соединения уже известного с новым*. Ассоциативное мышление, с одной стороны, автоматизирует процесс обработки информации в опоре на имеющийся у говорящего опыт, знания, объем оперативной памяти (ср. *беглость* как критерий креативности, связанный со скоростью латентных процессов обдумывания и выдвижения идей); с другой стороны, обнаруживает такие качества креативной личности, как *гибкость* (способность «схватывать» одновременно разные связи одного и того же объекта, переключая коды его восприятия и интерпретации) и *оригинальность* (способность устанавливать «отдаленные ассоциации» [Трик 1981]). Соотношение спонтанности и преднамеренности в креативном речемыслительном процессе имеет сложный и взаимопересекающийся характер. Так, *компенсаторная (спонтанная)* лингвокреативность (например, как черта инноваций детской речи) и противопоставляемое ей *осознанное речетворчество* (например, в поэтическом тексте) соотноситель-

ны не только по своим механизмам, но и в плане их обусловленности потребностью в восполнении «недостающих средств» языка для самовыражения личности. Психологами подчеркивается, что креативность и творчество не тождественные понятия, однако креативность – обязательная составляющая любого вида творчества как проявления *уникальных способностей* личности и культурной значимости результатов деятельности творца. Не менее значим и аспект исследования креативности как индивидуального стиля речемышления творческой личности, проявляющего специфику ее картины мира и мировоззренческие установки. Особый интерес в этом ключе представляет литературное творчество, предполагая исследование того, как в авторском слове транслируется (воплощается) замысел произведения, каковы индивидуальные лингвокреативные истоки ассоциативного мышления писателя. «Претворение исходной интенции и смысла в окончательный продукт – текст» <... в процессе художественного творчества осложняется тем, что>, «кроме передачи объективной, “рациональной” информации, имеет место передача информации эстетической, и это составляет отдельную сферу знаний» [Норман 2011: 5].

Одним из постулатов современной психолингвистики является идея представления модели языкового сознания в виде ассоциативно-вербальной сети (см. [Караулов 1993]), в которой каждый элемент обладает подвижностью в плане его комбинаторики при извлечении из памяти говорящего и представления мысли в ее предречевой готовности. В русле заявленной в статье проблематики эту модель можно экстраполировать и на процесс зарождения и формулирования замысла художественного произведения, когда он, еще не являясь реализованным, служит претечей будущего сюжета.

Такую возможность дает жанр записных тетрадей писателя, отражающих его творческие импульсы, истоки художественных образов, которые должны по принципу ассоциативного «вызова» развиваться в какой-то сюжет, историю.

В данной статье анализируются «Записные тетради» С.Д. Кржижановского. В. Перельмутер, описывая почти детек-

тивную историю поисков и находки этих тетрадей, подчеркивает, что «... это были – просто тетради. Лежавшие на столе, всегда под рукой, “бумага для записей”, с тою лишь особенностью, что все записи эти сделаны писателем Кржижановским – для себя, без заботы о том, чтобы кто-либо другой мог понять – что имел в виду писавший. При чтении Записных Тетрадей, многое в них аукается с новеллами, повестями, очерками, статьями. <...> Однако еще интересней <...> по наброскам замыслов не реализованных, по строчкам, ни в какие произведения не попавшим, по беглым очеркам мыслей, отзвука которым в прочитанном не найти, вообразить *масштаб несделанного*, того, что *могло быть*, сложись судьба иначе...» [Кржижановский 2010: 596]¹. Здесь, конечно, имеется в виду и тот факт, что ни одно произведение С.Д. Кржижановского не было опубликовано при его жизни.

Главный вектор творческого почерка С.Д. Кржижановского – парадокс, «выворачивающий» наизнанку всякую логическую предсказуемость, работа с квазиденотатом, символом, метафорой, балансирование на грани реальности и фантазмагорического вымысла, аллюзивность (как на уровне содержания, так и на уровне формы), образование гнезд окказиональных слов, «системно» развивающих идею и насыщенных разного рода импликациями; ключевое слово-символ заключено, как правило, уже в самом названии, глубина восприятия которого образуется «вливанием» смыслов (Л.С. Выготский) в ходе развертывания текста (см. об этом [Гридина 2012; Гридина, Кубасов 2017; Гридина 2018]). Рассматривая семиотическую природу архитектуры художественного текста, Ю.М. Лотман в образной форме высказывает мысль о том, что «символ – ген сюжета» [Лотман 2001: 120]. Перефразируя данный тезис, сформулируем постулат о том, что замысел (*в любой его предтекстовой форме*) есть «ген сюжета».

¹ Далее все ссылки приводятся по данному изданию в круглых скобках с указанием тома и страницы, например, (5, 327).

Не ставя перед собой задачу проанализировать всю полноту и жанровое разнообразие «схваченной словом» мысли, представленной в «Записных тетрадах» С.Д. Кржижановского, сосредоточим внимание на креативных истоках парадоксального речемышления писателя как ассоциативном процессе развертывания сюжетопорождающего стимула (вербализованной формы замысла) в текст.

При этом нас будет интересовать прежде всего тот регистр творчества писателя, который связан с использованием кодов языковой игры, ломающих обычную логику «течения» и выражения мысли. Подчеркнем тот факт, что для Кржижановского как личности, не признающей номенклатурный устав советского «общежития» (в том числе и любые литературные шаблоны), игровая словесная эквилибристика, создающая символическую многослойность текста, – органичный способ самопрезентации. В «Записных тетрадах» в виде афоризма он формулирует главный принцип своего «свободного» отношения к форме: *«Форма – это выполнение известных формальностей»* (выделено нами. – Т.Г.) *при изложении содержания»* (5, 324). Мысль о том, что художественное произведение есть выражение авторской саморефлексии, Кржижановский передает в метафорическом образе: *«Археология самого себя»* (5, 324). Именно погружение в глубины человеческой психики – основная тема писателя. Ср. аллегорично-ироническую дискредитацию Кржижановским тривиальности мыслеобразов, которые могут воплотиться в сюжете произведения: *«Изображать свои интимности, эпизоды из личной жизни в литературном произведении – вырезать «Катя» и «Миша» на кавказских обрывах и т.п.»* (5, 327). В новеллах Кржижановского такого рода сюжеты «исключены». Вспомним столь же ироничное обыгрывание И.Ильфом и Е.Петровым подобной фразы в романе «Двенадцать стульев»: «Здесь были Ося и Киса». Показательна для понимания специфики художественного мышления Кржижановского и следующая игровая трансформа, отсылающая к фразеологическим прецедентам и содержащая импликацию, с одной стороны, «опасного» неподчинения власти, с другой стороны, сложности самого процесса

реализации творческого замысла: «Мысли шли вдоль генеральной линии: или по острию ножа и сквозь игольное ушко» (5, 327).

«Протосюжеты», представленные в «Записных тетрадах» С.Д. Кржижановского, можно разделить на несколько типов в зависимости от перспективы, заданной а) эвристическим механизмом словесного воплощения авторского мыслеобраза, меняющем привычную оптику восприятия языковых знаков и проявляющих их ассоциативный потенциал [Гридина 1996]; б) конструктивным принципом, моделирующим ассоциативный контекст игровой трансформы, соотносительной с неким опознаваемым прототипом (по принципу ассоциативной выводимости, ассоциативной провокации, ассоциативной идентификации, ассоциативной интеграции, ассоциативного наложения; имитации); в) конкретным приемом языковой игры как лингвокреативной техники, требующей декодирования в свете авторского замысла. Сюжетообразующими стимулами могут выступать разные жанровые формы: 1) микродиалоги; 2) заглавия; 3) сюжетный набросок в виде сжатого, конспективного изложения; 4) «перевертыши» прецедентных сюжетов; 5) словотворческие номинации (номинативные ярлыки); 6) фразеотрансформации, реализованные часто в буквализованном виде в сюжете будущих новелл; 7) афоризмы (в том числе философизмы, «самопризнания», саморефлексия) и т.п.

Переключка между намеченной идеей (замыслом будущего произведения с использованием кодов языковой игры) и потенциальной или реальной реализацией этой идеи в тексте имеет опосредованный характер.

Такую опосредованную связь можно, на наш взгляд, установить, например, между рассказом «Единогласно» (1937) и следующим, зафиксированным в «Записных тетрадах» **микродиалогом**: – *Руки вверх! – Единогласно...* (5, 330). Вне сопоставления с названным текстом данный микродиалог может быть интерпретирован как реплика-приказ и реплика-констатация (с использованием речевых клише военной команды и канцелярского «регламента»). Соотношение этих реплик создает эффект

обманутого ожидания. Смысл первой реплики, воспринимаемой изначально как требование сдаться в плен, опрокидывается второй репликой, обозначающей результат голосования (когда поднятие руки вверх означает согласие с предлагаемым решением). Обыгрывание прямого и переносного смыслов выражения создает перспективу парадоксального несовпадения предлагаемой формы речи и стоящего за ней содержания.

В новелле «Единогласно» сюжет развивается, как и в приведенном микродиалоге, по принципу ассоциативной провокации, обыгрывая контраст между содержанием описываемой ситуации и тем формализованным языком протокола, который использует герой (молодой человек, делающий девушке предложение выйти за него замуж). Приведем этот небольшой текст целиком (с выделением знаковых для его интерпретации деталей – жирный курсив наш. – Т.Г.).

Кафетерий. Столик в углу у стены. Их двое, перед ними два стакана с остывшим чаем и два раскрытых портфеля. У него желтый, у нее черный. Оба очень молоды. Он что-то подчеркивает в папке, на обложке которой написано: «Дело»; она отмечает в блокноте. Один портфель защелкнулся, другой лежал, свесив черную нижнюю губу. Он улыбнулся, запустив руку в густую путаницу волос, и, чуть нагнувшись над столом, говорит: - И еще одно в повестке дня. Почему бы вам не выйти за меня замуж? Она молчит и осторожно отодвигает стакан с чаем: еще секунда – и стакан упадет на пол. Пауза. - Проголосует. Кто за? Он резким движением поднимает руку. Она – секунды через три – тоже. Они смотрят друг на друга круглыми, немного испуганными глазами. - Кто против? Но пустые столики вокруг ни за, ни против: им все равно. Воздержавшиеся? Принято единогласно. Они снова улыбаются друг другу, но уже другой, открытой улыбкой, - и палец его, согнувшись, стучит по доске стола: счет .

Кржижановский ведет с читателем двойную игру, с выделением деталей, направляющих ассоциативный процесс «считывания» заданных импликатур. Символика названия отсылает к ситуации принятия коллективного единогласного решения, что ассоциируется с тоталитарным режимом, где несогласие с генеральной линией партии равносильно «расстрелу» (заметим, что рассказ написан в 1937 году). В свете данной политической подоплеку показателен символический атрибут экспозиции рассказа – папка с надписью «Дело» (ср. судебные дела репрессированных). Однако эта импликатура составляет лишь потенци-

альный аспект авторского замысла. Гораздо более очевиден психологический разворот сюжета. Как видно из развития событий, настоящее «дело» – это шаг двух «еще очень молодых» людей навстречу своему чувству. Читатель должен разгадать смысл «текста в тексте», представленного стилистическим кодом императивных оборотов нарочито «канцелярской» речи персонажа, резко контрастирующих с «лексикой и фразеологией» любовного признания. Что это? Речь как второе «я» делового функционера, вытеснившее из его практики язык искренних чувств? Инерция мышления в параметрах, сформированных обществом? Безусловно, в использовании автором данного приема есть элемент пародийного гротеска. Однако герой «педантирует» ситуацию в соответствии с правилами игры по заданному им самим сценарию. И Кржижановский через целый ряд деталей дает понять читателю, что нарочитая официальность – лишь маска, скрывающая внутреннее напряжение и волнение героя и побуждающая ЕЕ ответить ЕМУ *ожидаемым* согласием (ср. знаковую деталь: ее единственную реплику – ответ «да» *спустя три секунды*). Связь между данным рассказом и приведенным микродиалогом из «Записных тетрадей» писателя раскрывает сложный механизм создания текстовых импликатур в ходе сюжетного развертывания творческого импульса, заданного игровой словесной формулой.

Как одну из форм художественного замысла и лингвокреативный источник «будущих сюжетов», безусловно, можно рассматривать *заглавия* (так сам писатель обозначает этот «субжанр» в «Записных тетрадях»). Известно, что заглавие является сильной позицией текста, а для Кржижановского – чаще всего – и ключевым символом. Ср., например, «Вопросительные знаки (загл<авие>)» (5, 353), которое впоследствии при реализации переходит в «зону» многомерно обыгрываемого ключевого символа рассказа «Старик и море», в текстовой проекции получающего смысл философского вопроса о сущности бытия и жизненном предназначении человека) (см. подробный анализ в: [Кубасов 2020]). Заглавия, содержащие ключевое слово текста, представлены в новеллах С.Д. Кржижановского «Мухослон»,

«Квадратури́н», «Странствующее “странно”, «Поэтому» и мн. других (см. [Гридина 2012, Гридина, Кубасов 2017]). Каждое из таких заглавий содержит в себе ассоциативный потенциал, отсылающий к «считываемому» прототипу и одновременно переключающий фокус его восприятия. Так, сюжет рассказа «Мухослон» является буквализацией метафорического смысла фраземы «делать из мухи слона», а сам авторский окказионализм (производное сложное слово от *муха* и *слон*) отсылает к идее соединения несоединимого, что выливается в развитии сюжета в проблему самоидентичности, альтернативы жизненного выбора, нереализованных возможностей, трагического несоответствия видимости и сущности.

Приведем в качестве иллюстрации примеры заглавий, отмеченных в «Записных тетрадах», но не получивших реализации в виде «самостоятельного» текста, хотя каждое из этих заглавий, несомненно, содержит в себе сюжетообразующее «зерно» парадоксального характера. Ср., например: *Клуб лысых женщин* (5, 324). Оксюморонное заглавие отсылает к прототипической пресуппозиции «клуб как объединение его участников по интересам» и «лысый – обычно о мужчине», «лысые женщины – аномалия, нонсенс». Правда, эта эпатажность, очевидно, символизирующая некий феминистический протест, в настоящее время уже не кажется такой «эпатажной», приобретая статус экстравагантной модной тенденции. Кржижановский вообще во многом выступает в сюжетах своих рассказов провидцем неких назревающих тенденций в жизни общества. Некоторые версии будущих сюжетов, не маркированные в «Тетрадах...» как заглавия, по сути, могут являться таковыми. Ср.: *Чудесные приключения внутри учебника логики* (5, 324). Данный посыл содержит возможность развития приключенческого сюжета в фантастическом русле свойственного писателю парадоксального мышления, нарушающего законы формальной логики. *Бездетная муза* – оксюморон, метафорически выражающий идею творческой бесплодности (художника, писателя, поэта). В известной степени эта идея реализована в новелле «Поэтому», развивающей сюжет о перерождении поэта в прагматика и утрачивающего

вследствие этого способность слышать «голос» Музы (ср. обыгрываемое в сюжете превращение стихотворной фразы «**Поэт о музе не скорби...**» в «Поэтому...»). Данное ключевое слово выступает как символ рациональности, не совместимой с творческим «я» и мироощущением поэта) – см. подробнее в: [Гридина 2018].

Интересно характерное для Кржижановского проявление аллюзивно-игровой составляющей намеченных им сюжетов-«перевертышей»: в их основе лежит отсылка к прецедентному прототипу, известному литературному произведению, в котором парадоксально меняются местами исходные роли персонажей (и соответственно должна измениться мотивация их поведения). Ср.: *Назад к Дон Кихоту. Дон Кихот в услужении у Санчо Панса* (5, 326). Еще один нестандартный протосюжетный игровой ход – обыгрывание ассоциативного фона онимов, вынесенных в заглавие, – создает эффект обманутого ожидания: *Пьеса: Джон и Жанна (Фальстаф и Жанна д'Арк)* (5, 326).

Фразеотрансформации – наиболее востребованный ресурс лингвокреативной палитры Кржижановского, используемый им как способ сюжетостроения. В большинстве случаев такие фразеотрансформации переключают переносный смысл выражения в буквальный план, составляя фабульную основу сюжета («Когда рак свистнет...») или ключевую доминанту его развития (ср. фразу «*Поле, оханьем перейденное*» в «Записных тетрадах» и использование вариации этой реплики «*Поле оханьем не перейти*» в рассказе «Мухослон» как ассоциативного аналога выражения «*Слезами горю не поможешь*»). Данная трансформация в рассказе маркирует поворот сюжета о свершившемся «нелепом чуде», превращении мухи в слона, повлекшем за собой трагические последствия. «*Живут же слоны, чем мы хуже*» – такова жизненная установка новоявленного «ослоненного существа» с душой мухи.

Механизм «расфразеологизации», запускающий ассоциативный процесс восприятия смысла образного оборота в русло его исходной (буквальной) мотивации, лежит в основе иронической афористики писателя: *Он знает это на зубок, только*

зубов у него нету (5, 327), ср. прототипы *выучить назубок* и *попробовать на зубок*, контаминированные с выражением *знать жизнь*, а также потенциальной актуализацией буквального смысла *все испробовать* (о жизненном опыте), *вкусить* радостей/горестей жизни. Ср. из той же серии: *Он скрипнул пломбами* (5, 327). Трансформация прототипического выражения *скрипеть зубами* с намеком на «старческое бессилие» придает реплике саркастический смысл. Провокативный игровой «буквализм» Кржижановского побуждает к парадоксальному переключению возможных аспектов восприятия слова и стоящих за ним ситуаций, например: *У нас с вами ничего общего, кроме общих собраний* (5, 327) – афористическая максима обнаруживает нонсенс отождествления личных и «уставных» общественных отношений, за которыми стоят разные ценностные ориентиры. Игровой эффект смоделирован по принципу ассоциативной провокации, нарушающему автоматизированный ход речемыслительного процесса. В фантазмагориях Кржижановского данный принцип является ведущим.

Показательны в плане потенциальной реализации творческого замысла своеобразные ассоциативные цепочки, которые возникают у Кржижановского применительно к всплывающему словесному стимулу и фиксируются им в «Записных тетрадах» как некая идея, способная воплотиться в сюжет. Например: *Игра в кости – умирать* (5, 327). Ср. развертывание потенциального сюжета жизни писателя в одной фразе, обыгрывающей последовательную смену ситуаций, стоящих за разными значениями глагола *читать* и грамматическими конструкциями его употребления: *История писателя: сначала он читает, затем его читают, потом читают над ним* (5, 327).

Как один из лингвокреативных истоков художественного мышления Кржижановского отметим представленные в «Записных тетрадах» словотворческие номинации, в свернутом виде намечающие характеристику обозначаемого через его доминирующую (часто гротескно гипертрофированную) черту, что задает перспективу восприятия авторского замысла.

Данные инновации Кржижановского прозрачны по своей внутренней форме и отсылают к пресуппозициям, основанным на оценочных стереотипах. Например: *Портфеленосцы* (5, 325) – инновация, созданная по продуктивной модели сложных слов с аффиксоидом *-носец* (ср. *орденоносцы* и т.п.). Однако ассоциативное наполнение игрового слова писателя содержит потенциальные иронические импликатуры «тот, кто носит и готов носить портфель некоего начальника из подбострастия, желания выслужиться» или это «чиновник, бюрократ, своеобразная эхо-реплика чеховского человека в футляре» и т.п. *Идеист* (5, 327) – возможно, «ревнитель некой идеи» и т.п. Авторская мотивация в известной степени задана прототипическими смыслами слов подобной структуры и соответствующей тематической сферы (ср. *моралист*, *марксист*).

С учетом постулата об интерпретационной многомерности художественного текста (в частности, основанного на языковой игре) возникает закономерный вопрос о том, как соотносится смоделированный автором игровой код с предсказуемыми пресуппозициями его актуализации в собственной смысловой перспективе воспринимающего. В этом плане представляется необходимой (продуктивной) экспериментальная верификация обозначенного соотношения. Нами, в частности, был проведен пилотный эксперимент по выявлению рецепции игр, которые предъявлялись респондентам (магистрантам-филологам) для толкования и придумывания возможного сюжета (создания «своего» текста). В качестве примера приведем данные относительно восприятия игры, которая в источнике представлена в свернутом контексте, задающем авторский вариант потенциального смысла слова: *Только для бездарных: талантизатор напрокат*» (5, 325). Предсказуемость смыслового наполнения этого окказионализма определяется его словообразовательной структурой: идиоматика суффиксального форманта позволяет трактовать игру и как указание на некий предмет по его функции (ср. *синхронизатор*), и как указание на лицо по роду деятельности (ср. *организатор*, *морализатор*); мотивационная форма слова и авторские оценочные маркеры (*напрокат* и

только для бездарных) дают основания предположить, что это прибор (или вещество) для приобретения, «усиления» таланта, «компенсации» бездарности и/ или, возможно, ее «сокрытия» от окружающих. Представляется, что сюжетомоделирующей проекцией данной игры могли бы быть как положительные, так и отрицательные последствия «всеобщей талантизации». Полученные толкования и тексты в целом соответствуют намеченным векторам трактовки авторского слова, развиваемой респондентами в фантазийном сюжете: см. например, 1) специально разработанное устройство, подключаемое к мозгу человека, которое программирует развитие его способностей: *Ученые изобрели талантизатор, теперь все желающие могут успешно реализоваться в той сфере деятельности, которую сами выберут. Чем это грозит?... // Мальчик, начисто лишенный музыкального слуха, мечтает стать известным музыкантом. Осознав свою полную бездарность, он решает изобрести талантизатор, вживляемый в мозг. Однако талантизатор делает из него музыканта-«робота»; 2) талантизатор – чиновник, вписывающий в свидетельство о рождении ребенка «талант», который полагается ему по реестру: *Сегодня у талантизаторов города N выдался трудный день. Неделю назад в местных родильных домах появилось на свет более трехсот младенцев. Но в перечне талантов значится только 70 позиций. Чтоб не нарушить инструкцию, исполнительный, но недалекий чиновник решает воспользоваться закрытым списком «криминальных талантов». Трудно представить себе масштаб катастрофы, которая случится в этом городе через 20 лет, когда подрастут талантливые поддельватели чужих подписей, ловкие музыканты-плагиаторы, гениальные взламыватели сейфов....**

Креативный сюжетобразующий потенциал игрового слова Кржижановского в приведенных экспериментальных версиях вполне очевиден.

В «Записных тетрадах» наиболее эксплицированной формой представления замысла выступает его сжатое (конспективное) изложение, намечающее не только событийную коллизию будущего рассказа, но часто и вербальный образный код развития

сюжета. Ср., например: «Белая мышь». *Уснувший рыцарь. Меч через ручей. Душа уходит по мечу, как по мосту, по своим делам. Возвращается: течением поставило меч острием вверх. Душу разрезает надвое.* <Затем намечаются следствия такого события. – Т.Г.>. 1) Половины совещаются. 2) Одну половину уносит течением, другая возвращается. Дальнейшие приключения (рыцаря) с половиной души: разрез через логизмы, любовь, отец, мать и т.д. (5, 326). В данном протосюжете в символическом (олицетворенном ключе) обыгрывается идея неразрывной связи физической и духовной субстанций: души и тела.

Лингвокреативный посыл, организующий развитие сюжета («**разрез через логизмы**»), сформулированный самим писателем, как нельзя более точно характеризует ассоциативную природу его парадоксального художественного речемышления. «Записные тетради» С.Д. Кржижановского можно рассматривать в качестве «черновика текущей мысли», отражающей многорегистровый потенциал авторского лингвокреатива как игровую доминанту его художественного идиостиля и одновременно как эвристический ресурс языка, востребованный творческой личностью. Операциональная концепция языковой игры как формы лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных механизмах актуализации и переключения стереотипов порождения, восприятия и употребления словесных знаков (в том числе текстов), представляется продуктивной для развития научного направления «Лингвистика креатива»² как интегральной методологии изучения творческого потенциала языка в любых его проявлениях и сферах.

² «**Лингвистика креатива**» как новое научное направление, интегрирующее исследования в области языкового творчества было инициировано нами (Т.Г.) в 2009 году при поддержке гранта РГНФ. С этого момента издано 4 коллективных монографии «Лингвистика креатива» (2009 / 2013 (изд.2); 2012, 2014, 2018) под общей редакцией Т.А.Гридиной. Ежегодно выпускается сборник научных трудов «Уральский филологический вестник» (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»)

Литература

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры). Дисс. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 1996.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2 /Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С.272-288.

Гридина Т.А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте /Лингвистика креатива-4: коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 270-281.

Гридина Т.А., Кубасов А.В. Игровой текст как форма авторского художественного миромоделирования (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. №14. – С. 46-63.

Кржижановский С.Д. Собр. соч: в 6 тт. Т. 5. Записные тетради. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Перельмутера. – М.: СПб., 2010. – С. 324-430.

Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.

Коновалова Н.И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею Заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко. 2016. – С. 130-136.

Кубасов А.В. «Старик и море» С.Д. Кржижановского: развертывание метафоры //Лингвистика креатива-5: коллективная монография / Под ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2020 (в печати).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001. – С. 150-392.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. – Минск, 2011.

Трик Х.Е. Основные направления экспериментального изучения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. – М., 1981. – С. 357-362.

REFERENCES

Gridina T.A. Associativnyj potencial slova i ego realizaciya v rechi (yavlenie yazykovoj igry). Diss. na soisk. uch. stepeni d-ra filolol nauk. – М., 1996.

Gridina T. A. «Delat' iz muhi slona»: associativnaya pro-ekciya slova v hudozhestvennom tekste // *Lingvistika kreativa-2 / Pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj.* – Ekaterinburg, 2012. S.272-288.

Gridina T. A. Smyslovaya perspektiva slova v igrovom hudozhestvennom tekste / *Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya / Pod red. T.A. Gridinoj.* – Ekaterinburg, 2018. S. 270-281.

Gridina T. A., Kubasov A. V. Igrovoy tekst kak forma avtor-skogo hudozhestvennogo miromodelirovaniya (stat'ya pervaya) // *Tekst. Kniga. Knigoizdanie.* 2017. №14. S. 46-63.

Krzhizhanovskij S. D. *Sobr. soch: v 6 tt. T. 5. Zapisnye tet-radi. / Sost., podgot. teksta i komment. V. Perel'mutera.* – M. - SPb., 2010. S. 324-430.

Karaulov Yu. N. *Associativnaya grammatika russkogo yazyka.* – M., 1993.

Konovalova N.I *Perceptivnye obrazy soznaniya v svete dan-nyh «Russkogo associativnogo slovary» // Novaya Rossiya: tradi-cii i innovacii v yazyke i nauke o yazyke. Materialy dokladov i soobshchenij Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvya-shchennoj yubileyu Zasluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora fi-lologicheskikh nauk, professora L. G. Babenko.* 2016. S. 130-136.

Kubasov A. V. «Starik i more» S.D. Krzhizhanovskogo: raz-vertyvanie metafory // *Lingvistika kreativa-5: kollektivnaya monografiya / Pod red. prof. T.A. Gridinoj.* – Ekaterinburg, 2020 (v pechati).

Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchih mirov // Lotman Yu.M. Semiosfera.* – SPb., 2001. S. 150-392.

Norman B. Yu. *Osnovy psiholingvistiki.* – Minsk, 2011.

Triukh H. E. *Osnovnye napravleniya eksperimental'nogo izu-cheniya tvorchestva // Hrestomatiya po obshchej psihologii. Psiho-logiya myshleniya / Pod red. Yu.B. Gippenrejter, V.V. Petuhova.* – M., 1981. S. 357-362.

©Гридина Т.А., 2020

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

ЗЫКОВА И.В.

г. Москва, Россия

irina_zykova@iling-ran.ru

81'42

DOI 10.26170/ufv20-02-02

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КРЕАТИВНОСТИ В КИНОДИСКУРСЕ³

Аннотация. Исследование посвящено разработке теории и методологии поэтики кинодискурса, основанной на анализе феномена лингвистической креативности. В статье отмечаются основные направления современного развития теории лингвокреативности. Освещается специфика трех подходов к изучению лингвокреативности, развиваемых в рамках поэтики кинодискурса – активно формирующейся сегодня междисциплинарной области гуманитарного знания. Данные подходы, базируясь на единой теоретической платформе и общих ключевых понятиях, отличаются применяемыми в них комплексными методами с целью решения конкретных теоретических проблем и практических задач. Это методы дискурсивно-параметрического и корпусного анализа лингвокреативности, метод полимодального измерения лингвокреативности и метод лингвокультурологического анализа лингвокреативности. В целом предлагаемые подходы позволяют выявить специфику проявления креативного потенциала языковой системы в построении художественной реальности кинопроизведения и его особой поэтики.

Ключевые слова: лингвокреативность, кинодискурс, поэтика, дискурсивно-параметрический анализ, корпусный анализ, полимодальный анализ, лингвокультурологический анализ.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ZYKOVA IRINA

Moscow, Russia

METHODOLOGICAL PERSPECTIVES OF STUDYING LINGUISTIC CREATIVITY IN THE CINEMATIC DISCOURSE

Abstract. The research is devoted to the elaboration of the theory and methodology of the cinematic discourse poetics that is based on the analysis of linguistic creativity. The present paper highlights the main directions in which the theory of linguistic creativity is developing nowadays. Special attention is paid to the description of three approaches to the study of linguistic creativity that we elaborate within the framework of the poetics of cinematic discourse – a special interdisciplinary field of research. The given approaches have one and the same theoretical platform and share common key notions, but differ in the complex methods used to solve certain theoretical issues and practical tasks. These are the methods of discursive-parametric and corpus analysis of linguistic creativity, the method of multimodal measuring of linguistic creativity and the method of linguocultural analysis of linguistic creativity. The approaches under consideration aim to establish the specifics of how the creative potential of the language system is realized in the process of constructing films' fictional reality and their peculiar poetics.

Keywords: linguistic creativity, cinematic discourse, poetics, discursive-parametric analysis, corpus analysis, multimodal analysis, linguocultural analysis.

В настоящее время наблюдается значительный научный, общественный и практический интерес к происходящим изменениям в современной коммуникации, ключевой составляющей которой является естественный язык. Информационно-технологический прогресс создает условия для значимых преобразований в языковой системе, что способствует активизации научных усилий, направленных на постижение глубинных онтологических оснований языкового творчества, осознание эпистемологического статуса и эвристического потенциала лингвистической креативности, обретающей особую специфику в эпоху новых высокотехнологических возможностей коммуникативного взаимодействия. Эволюция средств и условий совре-

менной коммуникации выявляет необходимость пересмотра фундаментальных вопросов о лингвокреативной деятельности и лингвокреативном мышлении, который обеспечивает обновление теории лингвокреативности посредством получения новых эмпирических данных о механизмах, способах, стратегиях и когнитивных основаниях креативности в дискурсе и языке. При этом все острее ощущается потребность в осмыслении как с позиции теории, так и с позиции практической целесообразности пределов креативного использования языка, не нарушающего его самотождественности (при всех его неизбежных творческих модификациях и преобразованиях в разных типах дискурса) и не приводящего к утрате связи с его предшествующими состояниями.

Мировой научный опыт изучения лингвокреативности в дискурсе и языке весьма обширен. Исследования в этой области затрагивают как общетеоретические, так и частнонаучные вопросы особенностей реализации креативного потенциала языковой системы в различных дискурсивных практиках и национальных языках, которые разрабатываются в рамках разных направлений филологии и, в частности, лингвистики. По мере изучения этих вопросов общая методологическая база постоянно пополняется новым методологическим инструментарием. В настоящее время разработаны разные научные подходы и исследованы определенные научные аспекты явлений лингвокреативности, вариативности и нормативности в языке (см. подробный обзор в [Зыкова 2017]). Отдельные направления исследования лингвокреативности, процессов стереотипизации и воспроизводимости формируются в рамках (этно)психолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, лингвофилософии, теолингвистики и др. (см., например, [Гридина 2018; Постовалова 2020; Уфимцева 2011; Bartminsky 2005]). Значительное количество научных работ посвящается изучению реализации креативного потенциала языка в отношении единиц его определенных уровней (см., например, [Демьянков 2009; Купина 2013; Сквородников 2010; Langlotz 2006]). Результаты исследования отдельных явлений креативности (языковой игры, языковых ано-

малый, речевых ошибок, девиаций, аллогизмов и под.) описываются, например, в [Апресян 1990; Радбиль 2012; Рахилина 2014; DW3 2016]. Особое внимание в последние десятилетия уделяется разработке принципов фиксации и учета языковых изменений, случаев языкового варьирования, модификаций языковых средств в лексикографической практике (см., например, [Караулов, Гинзбург 2001; Телия 2006; Шестакова 2017]). Отдельную научную область формируют исследования лингвокреативных новаций в разных типах дискурса, в политическом, рекламном, художественном, эпистолярном, философском дискурсах, дискурсе детской литературы и др. (см., например, [Киосе 2019; Соколова 2014; Фещенко, Коваль 2014; ЯТДСВ 2011]).

В фокусе нашего внимания находится изучение лингвокреативных явлений в кинодискурсе. Как показал аналитический обзор современных филологических работ по кинодискурсу, весьма релевантные наблюдения и выводы о креативном использовании языковых средств можно обнаружить в результате: 1) изучения вопросов перевода кинофильмов на иностранные языки; 2) выявления разного рода (вербальных и невербальных) механизмов создания в кинопроизведениях комического или юмористического эффекта, а также иронии и парадокса; 3) анализа воспроизводимости паремий и фразеологизмов в кинодискурсе; 4) рассмотрения специфики функционирования лексики определенной предметной области (например, эмотивной лексики) и особенностей реализации стилистических тропов в кинофильмах разных жанров; 5) установления форм и способов выражения имплицитных смыслов и подтекста в кинопроизведении, а также 6) исследования процессов неонимации, варьирования и окказионализации единиц разных языковых уровней в кинодискурсе (см., например, [Габриэль 2018; Зарецкая 2010; Зыкова 2019; Казакова 2014; Корячкина 2017; Нуриев 2017; Piazza 2011]).

Наше исследование нацелено на разработку теории и методологии поэтики кинодискурса – активно развивающейся сегодня междисциплинарной области гуманитарных наук, передо-

вую позицию в которой занимает изучение феномена креативности и лингвокреативности, в частности (см. подробнее в [Зыкова 2020]). Нами предлагаются три взаимосвязанных подхода к анализу лингвокреативности в поэтике кинодискурса. Данные подходы базируются на единой теоретической платформе и едином понятийном аппарате, ядро которого составляют понятия «поэтика кинодискурса» и «лингвокреативность». Под **поэтикой кинодискурса** мы понимаем совокупность разного рода художественных принципов, приемов, стратегий и средств, направленных на построение кинематографического дискурса как специфической по своей природе (т.е. многомерной, полимодальной, поликодовой, мультиканальной, виртуальной и др.) кинематографической (художественной) реальности, существующей в фикциональном пространстве и времени и отражающей определенную концепцию мира (или определенное мировоззрение, определенную идеологию). Проводимое нами исследование опирается на определение, согласно которому **лингвокреативность** представляет собой «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т.е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638]. Разделяя общие ключевые понятия и обладая общим теоретическим основанием, предлагаемые в нашей работе подходы отличаются методологически, т.е. с точки зрения применяемых методов изучения лингвокреативности в поэтике кинодискурса с целью решения разных теоретических проблем и практических задач. Представим в кратком изложении их методологическую специфику.

(I). Один из подходов направлен на изучение проблемы выявления и дифференциации лингвокреативных явлений в кино-

дискурсе, которое осуществляется посредством **метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности и метода корпусного аннотирования**. С учетом сложной природы феномена лингвистической креативности и разнообразия факторов и средств построения кинодискурса, мы выделяем три уровня анализа особенностей реализации креативного потенциала языковой системы, соответствующие трем группам параметров: **уровень 1:** внешние (макродискурсивные) параметры, которые эксплицируют связь и влияние внешних факторов на реализацию креативного потенциала языковой системы в кинодискурсе (например, культурных, общественных, политических и международных событий, научно-технического прогресса); **уровень 2:** внутренние (микродискурсивные) параметры, указывающие на креативное (нестандартное, оригинальное) использование в кинодискурсе языковых средств разных уровней (фонологического, морфологического, лексико-фразеологического, синтаксического); **уровень 3:** интердискурсивные параметры, которые раскрывают связь кинодискурса с другими дискурсами (рекламным, авангардным, политическим и т.д.), обуславливающую изменение (повышение или понижение) его лингвокреативного потенциала.

При исследовании кинокомедий из сформированного нами корпуса, в состав которого вошло более 40 отечественных кинофильмов, было выделено 52 микродискурсивных параметра лингвокреативности. Например, креативную специфику лексико-фразеологических средств в кинодискурсе можно оценить с помощью следующих 14 микродискурсивных параметров: «смена регистров коммуникации»; «смена языкового кода»; «смена социально-территориального кода»; «смена профессионального кода»; «смена лингвосемиотического кода»; «лексический экспрессив или эмотив»; «лексический неологизм и окказионализм»; «стилистический троп»; «парадигматическая новация»; «многозначность»; «(нестандартное) использование имени собственного»; «(ненамеренная) лексическая ошибка»; «фразеологизм»; «(ненамеренная) фразеологическая ошибка». Проводимое в дальнейшем корпусное аннотирование текстов анализи-

руемых кинокомедий отражает наличие выделенных параметров лингвокреативности и специфику их проявления. Аннотирование сопровождается приведением кратких описаний параметризованных языковых явлений, а также числовой разметкой кодов параметров (см. подробнее в [Зыкова, Киосе 2020]).

Важно подчеркнуть, что дискурсивно-параметрический и корпусный анализ позволяет выделить две разновидности лингвокреативности и дифференцировать в кинодискурсе: а) случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения литературной (языковой) нормы, универсальные средства выразительности (т.е. характерные для любого дискурса) и специфические случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов (лингвокреативность-1); б) случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения дискурсивной нормы, дискурсивно обусловленные (т.е. характерные для кинодискурса) как средства выразительности, так и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов (лингвокреативность-2). В целом методы дискурсивно-параметрического анализа и корпусного аннотирования направлены на создание шкалы, определяющей степень лингвокреативности того или иного кинопроизведения, а также пороговую величину языковых новаций, свойственных кинодискурсу как дискурсу особого типа. Применение данных методов к другим типам дискурса позволяет получить и сопоставить данные о специфике проявления лингвокреативности в разных дискурсах и выявить дискурсы с высокой/низкой степенью лингвокреативности.

(II). Другой разрабатываемый нами подход призван изучить лингвокреативность с учетом специфики полимодальной природы кинодискурса. В основе данного подхода лежит метод, который представляется возможным охарактеризовать как **метод полимодального измерения лингвокреативности**. В рамках данного подхода основным объектом изучения являются кинематографические образно-выразительные средства, или кинематографические тропы (кинометафора, кинометонимия, киноирония и др.), источником которых выступают вербальные единицы

разных структурно-семантических и функциональных классов (слова, переменные словосочетания, фразеологизмы, поговорки, афоризмы и т.д.). Одним из центральных является положение о том, что лингвистическая креативность в кинодискурсе может являться следствием «постановки» (или «инсценировки»; см. англ. «staging», «performing», «doing») в кинофильме вербальных единиц, в результате которой возникает сложное полимодальное (перцептивное) образование – кинематографический троп. Созданный кинотроп меняет (модифицирует, трансформирует) лежащую в его основе вербальную единицу, наделяя ее новыми, оригинальными и уникальными качествами (структурными, семантическими, прагматическими), свидетельствующими об определенной степени ее лингвокреативного преобразования в кинофильме.

Разрабатываемый нами метод полимодального измерения лингвокреативности апробирован на материале отечественных комедийных фильмов, а также драматических фильмов, представляющих собой экранизации литературных произведений. Данный метод является комплексным и включает следующие основные аналитические этапы анализа вербально обусловленных кинематографических тропов: 1) распознавание (или идентификация) кинотропа (кинометафоры, кинометонимии и т.д.); 2) анализ специфики кинематографической перформативности вербального источника кинотропа (например, кинометафоры); 3) изучение лингвокреативности кинотропа (в частности, кинометафоры); 4) реконструкция модели поэзиса киновосприятия (см. подробнее в [Зыкова 2020]).

Следует отметить, что изучение кинематографических образно-выразительных средств с помощью указанного метода позволяет учитывать в конструировании поэтики кинодискурса сложные межсемиотические связи естественного языка с изображением, звуком (музыкой) и кинесикой и выявлять определенные **полимодальные стратегии воплощения** вербальных единиц в художественном пространстве кинопроизведения. Применение данных стратегий раскрывает специфическое преобразование вербальных единиц в кинофильме как результата

проявления лингвокреативного потенциала кинематографических тропов, основанных на данных единицах.

(III). Отличительная черта третьего подхода к изучению лингвокреативности в кинодискурсе состоит в применении **методов и установок лингвокультурологии**. В разработке этого подхода мы исходим из лингвокультурологических штудий В.Н. Телля, являющейся основоположником данной междисциплинарной науки. В настоящее время лингвокультурология обладает мощным теоретическо-методологическим арсеналом, направленным на изучение глубинных оснований взаимодействия культуры, языка и личности, в котором находят свои истоки разнообразные формы творческой деятельности и, в частности, кинематографическое творчество, результатом которого является развитие особого вида искусства – киноискусства. В основе лингвокультурологических методов лежат современные концепции и теории, позволяющие изучать лингвокреативность в кинодискурсе с позиции особенностей концептуализации и категоризации явлений мира в разных культурах, языковой репрезентации культурно релевантных феноменов мира и реалий, межкультурных и межъязыковых трансферов знаний и информации, специфики развития концептуальной и языковой картин мира лингвокультурных сообществ, формирования универсальных и культурно обусловленных эталонов, символов и стереотипов, а также роли мифологем и архетипов в организации смысловой структуры кинофильма, его сюжетной композиции (см. тж. [Слышкин, Ефремова 2004; Опарина 2019]). Лингвокультурологический подход к изучению лингвокреативности в кинодискурсе разрабатывается нами главным образом на материале англоязычных экранизаций произведений русской литературы и русскоязычных экранизаций английской литературы. В фокусе внимания находятся прежде всего вербальные средства, наиболее репрезентативные с концептуально-культурологической точки зрения. К ним относятся, например, эмотивная лексика, фразеологизмы, прецедентные феномены, языковые единицы, репрезентирующие ключевые культурные концепты. Анализ направлен на установление специфики реализации креативных

возможностей данных вербальных средств в процессе их перевода в иноязычную форму, их воплощения в поликодовом пространстве кинодискурса, а также их адаптации к культурным установкам и ценностям другого (англоязычного или русскоязычного) социума.

В заключение отметим, что представленные в настоящей статье **методологические векторы исследования лингвистической креативности в рамках активно развивающейся междисциплинарной области знаний – поэтики кинодискурса**, позволяют расширить научные представления о природе лингвокреативных явлений, обретающих в многомерном художественном пространстве кинопроизведения свои уникальные черты и формирующих в нем особый пласт художественно-выразительных средств. Разрабатываемые подходы нацелены на решение ряда общетеоретических проблем. Прежде всего это проблема разграничения креативных и «некреативных» явлений в дискурсе и языке, а также проблема выделения лингвокреативных явлений, которые поддерживают языковую норму, и лингвокреативных явлений, которые модифицируют языковую норму. Особо значимым представляется и поиск новых эффективных способов установления специфики создаваемых языковых новаций (в широком понимании), обусловленной конкретным типом дискурса, временем и культурой, в которых они стихийно возникают или целенаправленно создаются, факторов порождения языковых изменений, которые формируются в дискурсе и затем входят в язык.

Литература

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986)*. – М.; Л., 1990. – С. 50–71.

Габриэль Д.А. Средства выражения юмора в литературных и кинематографических работах Вуди Аллена: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2018.

Гридина Т.А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре. – Екатеринбург, 2018.

Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // *Язык как медиатор между знанием и искусством*. – М., 2009. – С. 11–19.

Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2010.

Зыкова И.В. Константа ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ // Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. – М., 2017. – С. 542–667.

Зыкова И.В. Языковая игра в конструировании поэтики кинодискурса // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. Вып. 19. – С. 205–214.

Зыкова И.В. Лингвокреативное мышление и поэтика кинодискурса: К теории лингвоэстетического воздействия // Когнитивные доминанты языкового сознания: коллект. моногр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2020. (в печати).

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. (в печати).

Казакова А.И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства: Дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2014.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта. – М., 2001. – С. IX – LXII.

Киосе М.И. Параметры и техники «настройки» лингвистической креативности в детском художественном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. 4. – С. 66–76.

Корячкина А.В. Англоязычный художественный кинодискурс и потенциал его интерпретативно-коммуникативного перевода: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб, 2017.

Купина Н.А. Креативная стилистика. – М., 2013.

Постовалова В.И. Философия и богословие творчества как концептуальное основание лингвокреативности в современном гуманитарном познании // Язык, культура, творчество: мировые практики изучения: Межд. сб. науч. ст., посвященный 90-летию проф. В.Н. Телия / Отв. ред. И.В. Зыкова и В.В. Красных. – М., 2020. (в печати).

Нуриев В.Н. Проблема синтаксической вариативности при изучении художественного перевода // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллективная монография / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. – М., 2017. – С. 273–283.

Опарина Е.О. Взаимодействие «своей» и «чужой» культур в интерпретации художественного текста: Опыт изображения негативного контакта: (на примере фильма А. Кайдановского «Жена керосинщи-

ка») // Межкультурная коммуникация в эпоху глобализации: Свое. Чужое. Универсальное: Сб. ст. / Отв. ред. Е.О. Опарина. – М., 2019. – С. 158–172.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. 2-е изд. стереотип. – М., 2012.

Рахилина Е.В. Грамматика ошибок: в поисках констант // Язык. Константы. Переменные. Памяти А.Е. Кибрика. – СПб, 2014. – С. 87–95.

Сковородников А.П. (ред.) Игра как прием текстопорождения (коллективная монография). – Красноярск, 2010.

Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). – М., 2004.

Соколова О.В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. – М., 2014.

Телия В.Н. (ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – М., 2006.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.-Калуга, 2011.

Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. – М., 2014.

Шестакова Л.Л. (ред.) Словарь языка русской поэзии XX века. Т. VII. – М., 2017.

ЯТДСВ – Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий: коллект. моногр. – М., 2011.

Bartminsky E. Language stereotypes // The language image of the world: essays on ethnolinguistics. – М., 2005.

DW3 – The Dynamics of Wordplay: Crossing Languages to Play with Words. – Berlin: De Gruyter, 2016. Volume 3.

Langlotz A. Idiomatic creativity. – Amsterdam: Philadelphia, 2006.

Piazza R. The discourse of Italian cinema and beyond: let cinema speak. MPG Books Group, 2011.

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Yazykovye anomalii: tipy i funkcii // Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya. Pamyati akademika Georgiya Vladimirovicha Stepanova (1919–1986). – М.; Л., 1990. – S. 50–71.

Gabriel' D.A. Sredstva vyrazheniya yumora v literaturnykh i kinematograficheskikh rabotakh Vudi Allena: Dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2018.

Gridina T.A. Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovej igre. – Ekaterinburg, 2018.

Dem'yankov V.Z. Yazykovoe tvorchestvo i rechevaya kreativnost' // Yazyk kak mediator mezhdz znaniam i iskusstvom. – M., 2009. – S. 11–19.

Zareckaya A.N. Osobennosti realizacii podteksta v kinodiskurse: Dis. ... kand. filol. nauk. – Chelyabinsk, 2010.

Zykova I.V. Konstanta LINGVOKREATIVNOST' // Metayazyk lingvokul'turologii: Konstanty i varianty. – M., 2017. S. 542–667.

Zykova I.V. Yazykovaya igra v konstruirovanii poetiki ki-nodiskursa // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. VINO-gradova. 2019. Vyp. 19. – S. 205–214.

Zykova I.V. Lingvokreativnoe myshlenie i poetika kino-diskursa: K teorii lingvoesteticheskogo vozdejstviya // Kogni-tivnye dominanty yazykovogo soznaniya: kollekt. monogr. / Otv. red. N.N. Boldyrev. Tambov, 2020. (v pechati).

Zykova I.V., Kiose M.I. Parametrizaciya lingvisticheskoy kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. dis-kurs detskoj literatury // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2020. № 2. (v pechati).

Kazakova A.I. Osobennosti formirovaniya frazeologicheskoy semantiki v diskursivnom prostranstve otechestvennogo kino-iskusstva: Dis. ... kand. filol. nauk. – Astrahan', 2014.

Karaulov Yu.N., Ginzburg E.L. Yazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii // Slovar' yazyka Dostoevskogo: Leksi-cheskij stroj idiolekt. – M., 2001. – S. IX – LXII.

Kiose M.I. Parametry i tekhniki «nastrojki» lingvisticheskoy kreativnosti v detskom hudozhestvennom tekste // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2019. 4. – S. 66–76.

Koryachkina A.V. Angloyazychnyj hudozhestvennyj kinodiskurs i potencial ego interpretativno-kommunikativnogo perevoda: Dis. ... kand. filol. nauk. – SPb, 2017.

Kupina N.A. Kreativnaya stilistika. – M., 2013.

Postovalova V.I. Filosofiya i bogoslovie tvorchestva kak konceptual'noe osnovanie lingvokreativnosti v sovremennom gumanitarnom poznanii // Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: mirovye praktiki izucheniya: Mezhd. sb. nauch. st., posvyashchennyj 90-letiyu prof. V.N. Teliya / Otv. red. I.V. Zykova i V.V. Krasnyh. – M., 2020. (v pechati).

Nuriev V.N. Problema sintaksicheskoy variativnosti pri izuchenii hudozhestvennogo perevoda // Grammaticheskie kategorii germanskikh yazykov v antropocentricheskoy perspektive: kollektivnaya monografiya / Otv. red. D.B. Nikulicheva. – M., 2017. – S. 273–283.

Oparina E.O. Vzaimodejstvie «svoej» i «chuzhoj» kul'tur v interpretacii hudozhestvennogo teksta: Opyt izobrazheniya negativnogo kontakta: (na

primere fil'ma A. Kajdanovskogo «Zhena kerosinshchika») // *Mezhkul'turnaya kommunikaciya v epohu globalizacii: Svoe. Chuzhoe. Universal'noe: Sb. st. / Otv. red. E.O. Oparina.* – М., 2019. – S. 158–172.

Radbil' T.B. *Yazykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie. 2-e izd. stereotip.* – М., 2012.

Rahilina E.V. *Grammatika oshibok: v poiskah konstant // Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati A.E. Kibrika.* – SPb, 2014. S. 87–95.

Skovorodnikov A.P. (red.) *Igra kak priem tekstoporozhdeniya (kollektivnaya monografiya).* – Krasnoyarsk, 2010.

Slyshkin G.G., Efremova M.A. *Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza).* – М., 2004.

Sokolova O.V. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstviya: poeticheskij avangard, reklama i PR.* – М., 2014.

Teliya V.N. (red.) *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kom-mentarij.* – М., 2006.

Ufimceva N.V. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'.* – М.-Kaluga, 2011.

Feshchenko V.V., Koval' O.V. *Sotvorenie znaka. Ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva.* – М., 2014.

Shestakova L.L. (red.) *Slovar' yazyka russkoj poezii XX veka. T. VII.* – М., 2017.

YaTDSV – *Yazykovoe tvorchestvo v dinamike semioticheskikh vzaimodejstvij: kollekt. monogr.* – М., 2011.

Bartminsky E. Language stereotypes // The language image of the world: essays on ethnolinguistics. – М., 2005.

DW3 – *The Dynamics of Wordplay: Crossing Languages to Play with Words.* – Berlin: De Gruyter, 2016. Volume 3.

Langlotz A. Idiomatic creativity. – Amsterdam: Philadelphia, 2006.

Piazza R. The discourse of Italian cinema and beyond: let cinema speak. MPG Books Group, 2011.

©Зыкова И.В., 2020

Зыкова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Сектора теоретического языкознания. Институт языкознания РАН (Москва, Россия).

Адрес: 109462, Россия, г. Москва, ул. Волжский бульвар, 113А/9-84.

E-mail: zykova_iv@mail.ru

Zykova Irina Vladimirovna – Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher of the Sector of Theoretical Linguistics. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

КИОСЕ М. И.

г. Москва, Россия

maria_kiose@mail.ru

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-03

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ ДИСКУРСА: МЕТОДИКА АНАЛИЗА⁴

Аннотация. В статье предлагается методика исследования когнитивно-семиотических оснований лингвистической креативности дискурса, которая нацелена на установление креативности образов форм и образов объектов, т.е. языковых и дискурсивных форм, с одной стороны, и образов референтов и текстовых событий, с другой. С опорой на положения когнитивно-семиотической теории лингвистической креативности О.К. Ирисхановой [Ирисханова 2009] и метод параметрического анализа лингвокреативности в аспекте дискурсивной вариативности [Зыкова, Киосе 2020] разрабатывается процедура такого исследования. Процедура включает 1) параметрическое аннотирование и анализ показателей лингвистических параметров креативности на всех уровнях языка массива текстов одного типа дискурса (или нескольких дискурсов при контрастивном анализе) при изучении образа формы, 2) выбор одного (или нескольких) когнитивных механизмов лингвокреативности (в зависимости от типа исследуемых языковых единиц и частной задачи исследования) и дальнейшее параметрическое описание языковых единиц на предмет особенностей конструирования с его помощью образов референтов и текстовых событий как образов объектов.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, когнитивно-семиотические основания, образ формы и образ объекта, дискурс детской художественной литературы.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

KIOSE MARIA

Moscow, Russia

LINGUISTIC CREATIVITY IN DISCOURSE: THE RESEARCH PERSPECTIVE OF COGNITIVE SEMIOTICS

Abstract. The study presents the procedure of cognitive-semiotic analysis of linguistic creativity in discourse which reveals the creative potential of forms and objects construal, that is the linguistic / discourse and referents / textual events creative construal potential. The approach develops the cognitive-semiotic theory of linguistic creativity offered in [Irishkanova 2009] and incorporates the method of parametric linguistic creativity analysis through discourse variance [Zykova, Kiose 2020]. The procedure involves 1) parametric annotation and statistical analysis of linguistic creativity parameters values in all language levels of the texts corpus representing a definite discourse type (or several discourse types in case of a contrastive study), 2) selection of one or several of the cognitive mechanisms of linguistic creativity (where the choice depends on the type of linguistic units and the research problem) followed by a new parametric study of language units to reveal the referents and textual events construal specificity.

Keywords: linguistic creativity, cognitive-semiotic construal, form and object construal, discourse of children's literature.

Интерес к феномену языкового творчества во многом обусловлен тем, что обнаруживаемые механизмы, модели, техники креативности, реализуемые в языке, будут проявлять себя и в других сферах деятельности человека. Так, исследование лингвистической креативности в настоящее время ведется в ряде направлений с целью обнаружения ее оснований: дискурсивных [Carter 1997; Jones 2012], социокогнитивных [Carter 2016], лингвоэстетических [Stockwell 2012; Фещенко, Коваль 2014], лингвостилистических [Langlotz 2006; Ремчукова 2011; Simpson 2019], онтогенетических и психокогнитивных [Sligh et al. 2005; Silvia et al. 2009; Гридина 2013], собственно когнитивных [Finke et al. 1992; Voden 2003; Kaufman, Plucker 2011], лингвокультурологических [Зыкова 2016; Радбиль, Рацибурская 2017], др.

Огромный потенциал в плане установления как специфических, так и более универсальных оснований лингвокреативности

имеют контрастивные исследования (например, разных типов дискурса), а также исследования, оперирующие одними и теми же исходными параметрами для последующего анализа разных типов оснований лингвокреативности (например, лингвокультурных и социокогнитивных). Такая контрастивная вариативность объектов и предметов анализа позволяет, не расширяя границ самого исследуемого феномена лингвистической креативности, рассмотреть возможности его реализации в их взаимосвязи.

В настоящем исследовании решаются две задачи. Во-первых, оно нацелено на детализацию метода реконструкции когнитивно-семиотических оснований лингвокреативности как особого типа познания (см. в [Ирисханова 2009]); во-вторых, в нем демонстрируется сама методика такого исследования, которая исходно опирается на результаты, полученные в ходе контрастивного анализа дискурсов на предмет активности лингвистических параметров креативности (см. в [Зыкова, Киосе 2020]). Таким образом, мы покажем, что поиск оснований лингвокреативности может вестись с опорой на численно выраженные показатели лингвистической креативности разных языковых уровней (фонологического, морфологического и др.), которые при дальнейшем анализе могут получить когнитивно-семиотическую интерпретацию.

Необходимость реконструкции когнитивно-семиотических оснований лингвокреативности обусловлена значимостью данного феномена не только для языкового конструирования, но и для конструирования знаний о мире. Как отмечает О.К. Ирисханова, исследование лингвистической креативности может быть осуществлено, в том числе, путем анализа средств привлечения внимания (читателя, интерпретатора) «за счет полного или частичного пересмотра устоявшегося в языке баланса форм (образов форм) и содержания (образов объектов)» [Ирисханова 2009: 164]. Поэтому анализ «баланса форм, или образов форм» может стать первой ступенью изучения «баланса содержания, или образов объекта». О.К. Ирисханова рассматривает три зоны лингвистической креативности, которые могут быть применены для

анализа креативности в когнитивно-семиотическом аспекте. Этими зонами являются: 1) зона онтологии, которая описывает изменения в мире и социуме через анализ образов, 2) зона эпистемологии, или область, фиксирующая изменения в ментальном состоянии индивида, отслеживающая изменения его картины мира; 3) зона формы знака, которая [форма] может быть модифицирована в ходе акта языкового творчества. Автор описывает характер взаимосвязи данных областей, но в то же время признает возможность их анализа как самостоятельных сущностей.

Исследуя лингвистическую креативность в структуре акта лингвосомиозиса мы получаем доступ к трем зонам: непосредственный доступ – к третьей зоне, зоне формы знака (можем подвергать ее изучению с помощью анализа маркеров уровневых лингвистических параметров), более опосредованный – ко второй (через последующий анализ индивидуальных особенностей конструирования образов) и к первой зоне (образам объектов окружающего мира при помощи исследования структуры текстовых референтов и событий). Таким образом, изучение лингвокреативности можно выстраивать в двух направлениях, или вариантах: 1) в плане анализа конструирования образов форм и образов объектов как относительно самостоятельных сущностей, 2) как поэтапно реконструируемый когнитивно-семиотический феномен, демонстрирующий креативность формы знака, индивидуальных особенностей конструирования образов, конструирования событий и референтов в целом.

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку поэтапного описания феномена лингвокреативности (второй вариант), через креативность самих знаков – к креативности конструируемого текстового события. Отметим ряд важных особенностей исследования лингвокреативности в данном ключе.

Во-первых, если анализ лингвокреативности образов форм можно проводить изолированно от анализа образов объектов, то для анализа образов объектов первый этап, предполагающий анализ образ формы, оказывается необходимым. Это обусловлено тем, что выбор языковых форм (например, синтаксических

конструкций, интенсификаторов, фразеологических единиц, морфологических и лексических форм) всегда продиктован коммуникативной целью представить объект или текстовое событие в определенном аспекте, и пренебрежение анализом образа формы снизит результативность показателей конструирования образа объекта. Итак, анализ конструирования образов форм становится первым этапом исследования образа референта или текстового события.

Во-вторых, лингвистическая креативность сама по себе не может быть рассмотрена как особый механизм конструирования (в отличие от, например, концептуальной метафоры, перспективизации, аналогии или фокусирования), что существенно усложняет процедуру исследования. Так, при описании механизма концептуальной метафоры данный механизм рассматривается как получающий реализацию в языке (в виде иронии, олицетворения, стилистических метафоры и метонимии, др.) и в концептуальных моделях знаний (схемы концептуальной интеграции или модели источника-цели), т. е. сам механизм позволяет представить образы форм и образы объектов в единой связке. В ситуации с описанием лингвокреативности ситуация принципиально иная. В когнитивных исследованиях, посвященных лингвокреативному конструированию, называется целый ряд механизмов, с помощью которых оно реализуется: это аналогия и дизаналогия, фокусирование и дефокусирование, концептуальная метафора и метонимия, перефокусирование, смена точки обзора, «креативный инсайт» [Gabora 2002], блендинг / концептуальная интеграция (среди многих [Boden 2003]). В исследованиях когнитивной психологии, посвященных изучению креативности, используется термин «креативная когниция» (creative cognition) [Finke et al. 1992] как особый способ мышления, реализация которого происходит с участием ассоциативной памяти, флюидного интеллекта, индуктивного мышления, пластичности мозга, работы систем когнитивного контроля в условиях многозадачности, активации оперативной памяти [Sligh et al. 2005; Silvia et al. 2009; Unsworth 2010; Kaufman, Plucker 2011]. Поэтому наиболее целесообразным способом исследования лингвокре-

реативности образов объектов, на наш взгляд, является анализ одного или нескольких механизмов реализации креативности как механизмов конструирования референтов и текстовых событий.

В-третьих, для изучения особенностей конструирования образов форм и образов объектов есть два разных пути, предполагающих две процедуры анализа. Первый путь анализа лингвокреативности нацелен на установление особенностей конструирования образов вне их соотнесения с другими образами сходного типа. Так, можно описывать структуру образов на материале только одной формы (одного типа текстов или дискурсов) или только одного объекта (одного текстового референта). Второй путь анализа позволяет выявить отличия в особенностях конструирования разных форм и разных объектов путем сопоставления данных по параметрам конструирования и определить значимые отклонения. Очевидно, есть и смешанный путь, нацеленный на более глубокое изучение одного типа форм или объектов путем анализа вариативности его репрезентации. Он применим и для изучения вариативности репрезентации форм (например, вариативности типов интердискурсивных включений как субдискурсов в рамках одного типа дискурса) и объектов (например, вариативности репрезентации одного текстового референта при его множественных наименованиях в тексте и, соответственно, конструировании его различных образов).

С учетом высказанных положений приведем описание процедуры реализованного комплексного когнитивно-семиотического анализа лингвокреативности на материале юмористического дискурса детской художественной литературы.

На первом этапе анализа был осуществлен контрастный междискурсивный анализ, в ходе которого совместно с И.В. Зыковой сопоставлялись и аннотировались два типа юмористического (комического) дискурса, кинодискурс и дискурс детской литературы. Были определены показатели параметров лингвокреативности (всего 52 параметра всех уровней языка), демонстрирующие «случаи намеренного (прагматически ориентированного) нарушения литературной нормы, универсальные средства

выразительности (т.е. характерные для любого дискурса) и случаи интерференции языковых, межъязыковых и межсемиотических элементов» [Зыкова, Киосе 2020]. Полученные численные данные показателей параметров позволили установить специфические особенности образов формы дискурсов.

На втором этапе рассмотрены некоторые особенности реализации механизма концептуальной метафоры при конструировании референтов и текстовых событий с помощью установленных в ходе анализа языковых единиц лингвокреативности. При исследовании номинативных, атрибутивных и предикативных единиц лингвокреативности как означающих результаты реализации механизма концептуальной метафоры, данные единицы были аннотированы на предмет присутствия параметров телесной концептуализации (параметров референции, метафорометонимического конструирования) и параметров текстового события (прагматические параметры и параметры конструирования ролей события) [Киосе 2019]. Проведенный анализ позволил определить 1) ведущие модели конструирования образов (типы интегрируемых областей знания) в дискурсе с учетом возраста предполагаемых читателей, 2) типы образов референтов (человек, животное, неживое существо, ситуация, с дальнейшей детализацией) и особенности их конструирования (типы выводимых в фокус компонентов), которые характерны для текстов для разных возрастных групп.

Таким образом, когнитивно-семиотический анализ выполнен по следующей исследовательской схеме: 1) исследование образа формы (дискурса детской художественной литературы) с помощью параметрического анализа лингвокреативности в аспекте дискурсивной вариативности, 2) исследование образа объектов (референтов и событий) с помощью изучения одного из когнитивных механизмов лингвокреативности (концептуальной метафоры).

В дальнейшем предполагается привлечение к анализу большего количества субдискурсов детской художественной литературы для установления их внутрдискурсивной вариативности, а также расширение инвентаря когнитивных механизмов лин-

гвокреативности, с помощью которых будут рассмотрены онтологические и гносеологические особенности лингвокреативной репрезентации текстовых событий и референтов.

Литература

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: Творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива–1: коллект. моногр. / под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2013. – С. 5-58.

Зыкова И.В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 53 / Отв. ред. Серии В.В. Красных, А.И. Изотов. – М., 2016. – С. 136–151.

Зыкова И.В., Киосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs. дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики, 2020 (в печати).

Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке / под ред. Е.С. Кубряковой. – М., 2009. – С. 157–171.

Киосе М.И. Параметры и техники «настройки» лингвистической креативности в детском художественном тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. Вып. 4. – С. 66–76.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова, 2017. Вып. 2. – С. 33-39.

Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. Изд. 2-е. – М., 2011.

Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. – Москва, 2014.

Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms. Taylor & Francis, 2003.

Carter R. Investigating English discourse: Language, literacy, literature. – New York: Routledge, 1997.

Carter R. Language and creativity. The art of common talk. – New York: Routledge, 2016 (2nd ed.).

Finke R.A., Ward T.B., Smith S.M. Creative cognition: Theory, research, and applications. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992.

Gabora L. Cognitive mechanisms underlying the creative process // Proceedings of the Fourth International Conference on Creativity and Cogni-

tion, October 13-16 / eds. T. Hewett and T. Kavanagh. – UK: Loughborough University. 2002.

Jones R. Discourse and creativity. – London: Routledge, 2012.

Kaufman J.C., Plucker J.A. Intelligence and creativity // The Cambridge handbook of intelligence / eds. R.J. Sternberg, S. Kaufman. – New York: Cambridge University Press, 2011. – P. 771–783.

Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive linguistic model of idiom representation and idiom variation in English. – Amsterdam: John Benjamins, 2006.

Silvia P.J., Nusbaum E.C., Berg C., Martin C., O'Connor A. Openness to experience, plasticity, and creativity: Exploring lower-order, higher-order, and interactive effects // Journal of Research in Personality, 43, 2009. – P. 1087–1090.

Simpson P. (ed.) Style, rhetoric and creativity in language. – Amsterdam: John Benjamins, 2019.

Sligh A.C., Connors F.A., Roskos-Ewoldsen B. Relation of creativity to fluid and crystallized intelligence // Journal of Creative Behavior, 39, 2005. – P. 123–136.

Stockwell P. Texture: A cognitive aesthetics of reading. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

Unsworth N. Interference control, working memory capacity, and cognitive abilities: A latent variable analysis // Intelligence, 38, 2010. – P. 255–267.

REFERENCES

Gridina T.A. K istokam verbal'noj kreativnosti: Tvorcheskie evristiki detskoj rechi // Lingvistika kreativna–1: kol-lekt. monogr. / pod obshej red. T.A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2013. – S. 5-58.

Zykova I.V. Lingvokreativnost' s pozicii lingvokul'turologii: teoriya, metod, analiz // Yazyk. Soznanie. Kommunikaciya. Vyp. 53 / Otv. red. Serii V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. – M., 2016. – S. 136–151.

Zykova I.V, Kiose M.I. Parametrizaciya lingvisticheskoj kreativnosti v mezhdiskursivnom aspekte: kinodiskurs vs. diskurs detskoj literatury // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, 2020 (v pechati).

Iriskhanova O.K. O ponyatii kreativnosti i ego roli v metazyazyke lingvisticheskikh opisaniy // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. V. Issledovanie poznavatel'nyh processov v yazyke / pod red. E.S. Kubryakovoj. – M., 2009. – S. 157–171.

Kiose M.I. Parametry i tekhniki «nastrojki» lingvisticheskoj kreativnosti v detskom hudozhestvennom tekste // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2019. Vyp. 4. – S. 66–76.

Radbil' T.B., Raciburskaya L.V. Slovoobrazovatel'nye innovacii na baze zaimstvovannyh elementov v sovremennom rus-skom yazyke: lingvokul'turologicheskij aspekt // *Mir russkogo slova*, 2017. Vyp. 2. – S. 33-39.

Remchukova E.N. Kreativnyj potencial russkoj grammatiki. Izd. 2-e. – M., 2011.

Feshchenko V.V., Koval' O.V. Sotvorenie znaka. Oчерki o lingvoestetike i semiotike iskusstva. – Moskva, 2014.

Boden M. The Creative Mind: Myths and Mechanisms. Taylor & Francis, 2003.

Carter R. Investigating English discourse: Language, literacy, literature. – New York: Routledge, 1997.

Carter R. Language and creativity. The art of common talk. – New York: Routledge, 2016 (2nd ed.).

Finke R.A., Ward T.B., Smith S.M. Creative cognition: Theory, research, and applications. – Cambridge, MA: MIT Press, 1992.

Gabora L. Cognitive mechanisms underlying the creative process // Proceedings of the Fourth International Conference on Creativity and Cognition, October 13-16 / eds. T. Hewett and T. Kavanagh. – UK: Loughborough University, 2002.

Jones R. Discourse and creativity. – London: Routledge, 2012.

Kaufman J.C., Plucker J.A. Intelligence and creativity // The Cambridge handbook of intelligence / eds. R.J. Sternberg, S. Kaufman. – New York: Cambridge University Press, 2011. – P. 771–783.

Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive linguistic model of idiom representation and idiom variation in English. – Amsterdam: John Benjamins, 2006.

Silvia P.J., Nusbaum E.C., Berg C., Martin C., O'Connor A. Openness to experience, plasticity, and creativity: Exploring lower-order, higher-order, and interactive effects // *Journal of Research in Personality*, 43, 2009. – P. 1087–1090.

Simpson P. (ed.) Style, rhetoric and creativity in language. – Amsterdam: John Benjamins, 2019.

Sligh A.C., Connors F.A., Roskos-Ewoldsen B. Relation of creativity to fluid and crystallized intelligence // *Journal of Creative Behavior*, 39, 2005. – P. 123–136.

Stockwell P. Texture: A cognitive aesthetics of reading. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2012.

Unsworth N. Interference control, working memory capacity, and cognitive abilities: A latent variable analysis // *Intelligence*, 38, 2010. – P. 255–267.

©Киосе М.И., 2020

Киосе Мария Ивановна – доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия).

Адрес: 140180, Россия, г. Жуковский, ул. Серова, 8-20.

E-mail: maria_kiose@mail.ru

Kyose Mariya Ivanovna - Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher, Moscow State Linguistic University, Institute of Linguistics, RAS (Moscow, Russia).

НОРМАН Б.Ю.

г. Минск, Беларусь

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-04

ФОРМАЛЬНЫЕ АССОЦИИ СЛОВ КАК СТИМУЛ (ДВИГАТЕЛЬ) ТЕКСТОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Процесс производства текста (речепорождение) включает в себя повтор тех или иных уже использованных говорящим языковых средств. Наиболее очевидно это в случае с повтором слова. Анализируются некоторые типы фразеологизованных синтаксических моделей (фразем), основанных на повторении слова. Однако говорящий находится также под влиянием звуковой (и буквенной) структуры уже выбранных слов. В статье приводятся многочисленные примеры из русской художественной литературы и газетных текстов, демонстрирующих роль формальных ассоциаций в речевой деятельности говорящего (*лишний – личный, банк – банка* и т.п.). Делается вывод о различной степени осознанности (контролируемости) данного процесса в сознании.

Ключевые слова: говорящий, формальные ассоциации, производство текста, выбор слова, повтор, паронимия, паронимазия

NORMAN B.YU.

Minsk, Belarus

FORMAL ASSOCIATIONS AS A STIMULUS (ENGINE) OF TEXT PRODUCTION

Abstract. The process of text production (speaking) includes the repetition of certain linguistic means already used by the speaker. This is most obvious in the case of the repetition of the word. Some types of phraseologized syntactic models (phrasemes) based on the word reduplication are analyzed. However, the speaker is also influenced by the sound (and letter) structure of the words already selected. The article provides numerous examples from Russian fiction and newspaper texts demonstrating the role of formal associations in the speaker's speech activity (*лишний – личный, банк – банка*, etc.). The conclusion is drawn about the varying degrees of awareness (controllability) of this process in the mind.

Keywords: speaker, formal associations, text production, word choice, repetition, paronyms, paronomasia

Процесс порождения текста, начинающийся с интенции и замысла, использует механизмы, уже наработанные и закрепленные в грамматике говорящего. Речь идет прежде всего о выборе синтаксических конструкций и лексических единиц. И те, и другие вносят весомый вклад в копилку общего смысла будущего высказывания. Дискуссии ведутся только о том, что выбирается в сознании раньше: синтаксическая ли схема заполняется определенными лексемами или же выбираемые слова «приносят с собой» элементы синтаксической организации и предопределяют строение целого высказывания (см.: [Лурия 1975: 31-40; Ушакова 1989: 79-96; Леонтьев 2003: 110-122; Bordag 2005] и др.).

Процесс выбора языковой единицы активизирует определенный участок нейрофизиологической сети головного мозга, и это возбуждение некоторое время сохраняется – уже после того, как единица, обретя линейный вид, поступает на выход речевого аппарата. И вот эта инерция мыслительной деятельности, вкупе с моторной «памятью» органов речи, способствует тому, чтобы говорящий повторно задействовал уже использованную языковую единицу. В качестве такого редупликанта может выступать словоформа, часть слова или целое слово, синтаксическая конструкция и т.п. В грамматике хорошо известно явление синтаксического параллелизма – когда следующее предложение стоит по образцу предыдущего (а иногда на применении такого последовательного повтора основано целое произведение, см.: [Якобсон 1983: 462-469]). Многократно описывалась также роль лексических повторов, особенно в диалогическом тексте, см.: [Шведова 1956; Норман 2009] и др.

Действительно, в русском языке есть большое количество «тавтологических» выражений, которые сегодня воспринимаются уже целиком, но в принципе основаны именно на повторе лексем. Это *друг друга, со дня на день, из рук в руки, в конце концов, раз за разом, что в лоб, что по лбу* и т.п. Тот же прием лексической редупликации можно усматривать во многих по-

словицах и поговорках: *Рыбак рыбака видит издалека; От добра добра не ищут; Гора с горой не сходится...* и т.д. Эстетическая их ценность несомненна, а лингвистический анализ требует обращения к теории референции, и мы его здесь оставим в стороне.

Кроме фразеологизмов и паремий, структурную основу которых составляет повтор лексемы, существуют еще фразеологизованные синтаксические модели, или фраземы. Среди этих, так сказать, полуфабрикатов для речевой деятельности, также немало единиц, включающих в себя повторение слова. А именно: у говорящего (и у слушающего) в голове содержится структурная схема, и при заполнении ее позиций одной и той же лексемой автоматически получается нужный смысл. Приведем образцы реализации таких фразем в русском языке: *всем пирогам пирог; праздник не в праздник; понедельник так понедельник; лес как лес; есть компромиссы и компромиссы* и т.п. [Копотев 2008: 124-126]. Рассмотрим подробнее некоторые из моделей.

За формулой $N_{nom} N_{instr}$ (с повтором имени, но уже в творительном падеже) скрываются фактически две модели, каждая – со своими условиями употребления, своим смыслом и коммуникативной функцией.

В первом случае оборот выступает в качестве самодостаточного предиката: он обозначает высшую степень какого-то свойства. Фразеологизация этой модели очевидна в примерах типа *дурак дураком, бревно бревном, свинья свиньей*. Но за их пределами выясняется, что лексическое заполнение двух позиций характеризуется определенной степенью свободы, ср.:

...В современной жизни дед смыслил настолько мало, что тоже не мог сообщить ничего полезного, поэтому они относились к нему безучастно: **старичок старичком** (Ю.Трифонов. Обмен).

Дом стоял как стоял, четырехэтажный король-корабль среди одноэтажных дровяных бараков. **Трущоба трущобой** (Л. Улицкая. Цю-юрихь).

Вторая функциональная разновидность модели $N_{nom} N_{instr}$ используется в составе противительных конструкций. Она пред-

ставляет собой тезис, которому в следующей части фразы будет противопоставлен антитезис. Поэтому модель целесообразно представить в полном виде с участием противительного союза, как $N_{\text{ном}} N_{\text{instr}}, a$ (*но*)... Приведем литературные примеры:

Знаете что, товарищи, – сказал Ключкин, – **война войной, а обед обедом**. Не пора ли нам браться за макароны? (В. Пьецух. Потоп).

Мифы мифами, но каждый миф время от времени иллюстрируется жизненными реалиями (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Привидения привидениями, но трава у калитки была приямта вполне материально (Т. Устинова. Хроника гнусных времен).

Еще одна фразеологизованная синтаксическая модель – *N не N* (где *N* – чаще всего существительное, но возможны в этой позиции и другие части речи) – удобна для обозначения ситуации, в которой говорящий колеблется в выборе слова. И конструкция с интерлексемным отрицанием свидетельствует о приближенности выбранной номинации.

Припомнилось даже, как нанимали этот таксомотор у «Метрополя», был еще при этом какой-то **актер не актер**... с патефоном в чемоданчике (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Фима ежился. **Зависть не зависть**, но нечто болезненное шевелилось в душе (Л. Улицкая. Веселые похороны).

В начале 70-х годов в моей тогдашней компании была популярна такая штука – **тест не тест, игра не игра** (Л. Рубинштейн. Духи времени).

Придумал я некий провинциальный город – **Глулов не Глупов**, а, ну, скажем, Верхнефедератск, где почти все как в натуре... (В. Шендерович. Куклиада).

Эта же фразеологизованная модель может использоваться для обозначения экзистенциальной альтернативы, означая: “*N* или существует, или не существует”. Оба варианта для говорящего несущественны:

...**Метель не метель, ураган – не ураган**, научные исследования можно и отложить, – а вот без радиосвязи остаться никак

невозможно (М. Веллер. Легенды Невского проспекта). Здесь перед нами не сомнение в выборе названия, а альтернатива событий: “то ли есть метель, то ли нет”. Говорящий сопоставляет не номинации, а сами референты (денотаты).

«Отрицание» уже употребленного существительного сопоставимо с повторяющимся через отрицание глаголом в императивной форме. Только на сей раз мы опять получаем иной, очередной смысл: скепсис и безысходность. Скажем, *пиши не пиши* значит: “будешь ты писать, или нет – все равно: ничего не изменится”. Примеры из текстов:

Видеть себя в роли первого зама было приятно, хотя была в этой картинке какая-то насмешечка: **вертись не вертись**, ну куда не позвонишь, а все будет так (Д. Гранин. Картина).

Вы верите? Вот и он не верит, но доказать, что ценой дозволенного бегства могли стать несколько тысяч рублей, конечно, не может. Тут **декларируй не декларируй** доходы, проблему не преодолеть («Московские новости». 2006. № 45).

Каждый тип фразеологизованных синтаксических моделей достоин подробного рассмотрения и соответствующего семиологического и культурологического комментария.

Взаимодействие единиц синтаксического и лексического уровней находится более или менее под контролем сознания. Однако параллельно с проработкой синтаксической структуры и выбором конкретных лексем происходит «теневая» (фоновая) работа остальных уровней языковой системы. Запущенный механизм текстопроизводства активизирует сеть формальных (звуко-буквенных) связей в сознании. Проявления этого участия формальных единиц в процессе построения текста многочисленны и многообразны, так же как различна степень этого участия: она зависит от условий речевого акта, личности говорящего, выбранного жанра и т.п.

Далее мы сконцентрируем внимание именно на особой роли формального фактора в производстве (порождении) текста. Речь идет о фонетических и графических корреспонденциях, связывающих языковые единицы в нашем сознании. На практике это проявляется в том, что звуко-буквенный состав уже выбранных

говорящим языковых единиц влияет на выбор последующих единиц. Получается, что нейрофизиологическая инерция обобщается своего рода подсказкой для речемыслительного механизма: выбранный формальный образ наводит говорящего на следующую лексему.

Но, что еще важнее, это влияние корректирует или даже определяет содержательную тактику речи говорящего, провоцирует неожиданные повороты сюжета. В каком-то смысле это факты, о которых основатель герменевтики немецкий философ Х.-Г. Гадамер афористически высказался так: «Скорей язык говорит нами, чем мы говорим языком» [Gadamer 1975: 439]. Весьма интересны проявления фонетических корреспонденций во фразеологии, в фольклоре, в художественных текстах – они свидетельствуют о глубине этих психологически и эстетически естественных корреспонденций. Проще всего показать это на паремиях, которые имеют рифмованный характер [Норман 2004: 250-251]. Об участии ритма и рифмы в паремиях писал еще Владимир Даль в предисловии к своему собранию русских пословиц, см.: [Даль 1957:23-26]. Рифма как частный случай созвучия (частичного повтора слова), несомненно, усиливает эстетический эффект паремии, но при этом сводит к минимуму роль логики, естественного порядка вещей. Достаточно вспомнить такие примеры, как *Всякой гадине по виноградине; Муж и жена одна сатана; Подарѣи уехал в Париж; Яков лаком, съел кошку с маком; Половина страстей с костей; Счастлив как чернослив* и т.п. (все примеры – из [Даль 1957]), в которых трудно увидеть иную мотивировку, кроме формального сходства слов.

Правда, в советской науке объяснение образования паремий через созвучие слов в их составе долгое время не приветствовалось, а считалось признаком неогумбольдтианства. Как известно, Л. Вайсгербер объяснял появление немецких пословиц типа *Würden sind Bürden* («Почести – это тяготы») действием рифмы и за это, да и за другие грехи, подвергался критике как пособник «националистов и реваншистов» [Ермолаева 1960: 85]. Но в реальности фонетический фактор в «лингвистике креатива» играет весьма важную роль.

Нам уже приходилось приводить пример с латинским афоризмом *Amicus Plato, sed magis amica veritas*. На русский язык он переводится обычно как *Платон мне друг, но истина дороже*. Почему «дороже», а не буквально, как в латыни, «большой друг»? По-видимому, сработало русскоязычное сознание, «увиденное» в словоформе *дороже* коррелирует не только к *дорогой*, но и к *друг*: их связывает буквальное созвучие [д], [р] и пара [г] – [ж], типичное для русского языка фонологическое чередование, ср. *друг* – *дружеский* и т.п. [Норман 2011: 59]. Но, конечно, такое эстетическое «улучшение» паремии в переводе – это весьма редкий случай. Чаще происходит обратное. Так, латинское *Dum spiro, spero* в русском переводе «Пока дышу, надеюсь» потеряло значительную часть своей формальной выразительности. То же самое можно сказать о принадлежащем Юлию Цезарю афоризме *Veni, vidi, vici* – и его русском эквиваленте: *Пришел, увидел, победил*.

Подтверждается значимость формального сходства слов, в том числе рифмы, и в составе «народных фразеологизмов». В частности, в [Белянин, Бутенко 1994] зафиксированы такие разговорные выражения, как *За «пока» бьют бока; Казак – коленками назад; Молодец как соленый огурец; Рыжий с грыжей; Привет от пары штиблет; Против лома нет приема; Пусто, выросла капуста* и т.п.

Разумеется, в особых дискурсивных условиях (поэтическая речь или рамки лингвистического эксперимента) фонетические связи в тексте дополнительно активизируются и становятся очевидными. Но в принципе явление анафонии (ощущение созвучий) пронизывает всю деятельность говорящего, хотя сам он этого обычно не замечает [Пузырев 2014: 87-95, 154-159 и др.; Векшин 2018 и др.].

Крайний случай – это насыщение фрагмента текста какой-нибудь фонемой. Так, следующий прозаический отрывок инструментован звуками [з] и [с], и остается только вопрос, насколько автор сделал это сознательно, или же это произошло помимо его воли:

...Сон и явь незаметно перетекали друг в друга, смешиваясь, будто в доме Облонских, когда к тем запросто, без звонка и без запонок, этаким фармазоном, заезжал покуражиться замечательный русский мечтатель Обломов (С. Соколов. Тревожная куколка).

В поэтических текстах такое встречается значительно чаще, ср.:

Ты любишь змей, тяжелых злых узлов
Лиловый лоск на дне сухой ложбины...

(В. Набоков. «Как воды гор, твой голос город и чист...»).

Но в прозаической, в том числе разговорной, речи, совершенно обычны случаи, когда звуко-буквенные ассоциации, присутствующие в сознании, реализуются в виде некоторой линейной цепочки слов: первое из них подталкивает говорящего к выбору второго.

Начнем с замечательного фрагмента из письма А.С. Пушкина брату, Л.С. Пушкину. Вводное слово *кстати* в нем – сигнал перехода от одной мысли к другой:

Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Слѣнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и «Талию» Булгарина. Кстати **о талии**: на днях я мерился поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летн. мушины (1-я пол. ноября 1824 г.).

Примеры из современных художественных текстов.

– Подумаешь, искусство, – говорил уязвленный папа, – **рак**овину в уборной починил... Ты вот мне сделай операцию ушной **рак**овины! Или, скажем, трепанацию черепа (Л.Кассиль. Кондуит и Швамбрания).

– Встречу вел **Замятин**, долго живший в Англии и отлично владевший языком; он и **замял** скандал, с полным соответствием с фамилией (Д. Быков. Был ли Горький?).

Не надо думать о **лишнем** весе. А думать надо о весе **личном** – у каждого он свой, неповторимый, то есть именно тот, каким он наделен (Л. Рубинштейн. Духи времени).

– Поэтому Неклясов и потащил его в лес. Это была акция **устрашения**.

– И **устранения**, – добавил Дубовик. – Он не только заткнул пасть Бильдину, Леонарду, выключил Осоргина... Он и своим уроком преподавал (В. Пронин. Банда-3).

Аналогичные формальные переключки встречаются и в газетных текстах:

Нынешние руссоисты настроены весьма апокалиптически, предполагая непобедимую власть природы, представленную в данном случае **генами**. <...> Другие же, сторонники культуры и социума, утверждают, что что уж не такие они крокодилы эти **гены**, что мы их победим... («Московские новости». 1997. № 14). В последнем случае научный термин *гены* «вытягивает» в сознании известное имя персонажа мультфильма: *крокодил Гена*.

За рулем иностранец в России может ездить лишь при одном условии – не по работе, а как частное лицо на личной или взятой **напрокат**, например, машине. Но в такси, на автобусе или грузовике это **не прокатит** («Комсомольская правда». 03.06.2017). Здесь наречие *напрокат* определяет в дальнейшей последовательности выбор разговорного выражения *не прокатит*, т.е. “не пройдет, невозможно”.

А в следующем отрывке из стихотворения нобелевского лауреата Иосифа Бродского вполне обычное слово *завоеватель* провоцирует создание окказионального *завыватель*, а то, в свою очередь, порождает ассоциацию *забыватель*:

По утрам, когда в лицо вам никто не смотрит,
я отправляюсь пешком к монументу, который отлит
из тяжелого сна. И на нем начертано: Завоеватель.

Но читается как «завыватель». А в полдень – как «забыватель»

(«Элегия»).

Понятно, что если бы не исходное звено ассоциативной цепочки *завоеватель*, то и окказиональные отглагольные *завыватель* и *забыватель* вряд ли возникли бы. Формальные созвучия ведут говорящего, тем более если он – поэт...

В описанных нами фактах речи сталкивается несколько тенденций. С одной стороны, перед нами – уже упомянутое проявление нейрофизиологической инерции, опоры на только что сказанное, – то есть, в каком-то смысле экономия языковых усилий. С другой стороны, мы признаем за говорящим право «всерного» поиска нитей, развивающих сюжет, продолжающих монолог или диалог. Иногда такие находки более удачны, иногда – менее, но очевидно, что автор часто не в силах противостоять этому прессингу созвучий. Еще один пример:

...И теперь во второй строфе мы наконец добираемся до кошки на ул. Кораблестроителей, где всеми мыслимыми выпуклостями, впадинками, пушками между лопаток и ямочками предоставляем заниматься тем, кому не дают покоя литературные **лавры** (**литавры**) «Лолиты»» (В. Гандельсман. Разрыв пространства).

Слова *лавры* и *литавры*, конечно, созвучны. Но если сочетание *литературные лавры* «Лолиты» (и ее создателя Набокова) выглядят вполне естественно, то «литавры «Лолиты»» (или Набокова) требуют дополнительной работы читательской фантазии и активизации его языковой компетенции.

Нетрудно заметить, что в некоторых из приведенных выше цитат формальные (звуко-буквенные) переключки сопровождаются словообразовательными изменениями: *Замятин – замять*, *напрокат – прокатить* и др. Действительно, единицы фонемного и морфемного уровней в процессе текстопроизводства взаимодействуют. Подтвердим это еще двумя примерами.

...Ежели мотылек рождается для полета, то личность – для счастья. Ты **не личность**, роняет он, ты – **личинка** (С. Соколов. Тревожная куколка).

Эсфирь. ...И вот пожалуйста, она две недели как приехала, а он вчера ей сделал предложение. И сегодня они пошли подавать эту **заявку... заявление...** да! Она в него сразу влюбилась, с первого взгляда! (Л. Улицкая. Мой внук Вениамин).

Неудачный выбор слова, спровоцированный созвучием, может быть расценен говорящим как обмолвка или описка – и тогда последние подлежат устранению, коррекции, ср.:

Купив без очереди кружку пива, Социолог предпринял попытку внедриться в какую-нибудь питейную группу и начать конкретное исследование путем профессионально разработанного **допроса**... тьфу, черт возьми, эту дурную привычку,.. **опроса** (А. Зиновьев. Зияющие высоты).

– Значит, так, Михаил Павлович, ручку в зубы – и новый протокол делать **с исправленными исправлениями**... тьфу ты, начитался твоих афоризмов! – **с исправленными недостатками** (А. Кивинов. Обнесенные «Ветром»).

Как мы уже могли заметить, излюбленной сферой для фонетических корреспонденций является художественная литература (особенно – поэтические тексты), фольклор, языковая игра во всех ее жанрах, ср.: [Пузырев 2014: 181-187]. Существенно, что опора на созвучие легко приводит тут к кардинальному изменению значения слова. Приведем и прокомментируем несколько разнородных примеров.

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... **Я играл** в ней могильщика.

Клещ (выходя из кухни). Ты с метлой **играть** скоро будешь? (М. Горький. На дне).

Понятно, что *играть* в ответной реплике употреблено в окказиональном переносном значении: «работать», «махать», «подметать» и т.д. И выбор именно этого глагола спровоцирован предыдущей репликой.

– Как же вас изволите величать? – рассердился комиссар.

– **Тро-гло-диты!** – хором отвечал зал.

– Как? **Крокодилы?** – сказал комиссар. – Ну, ша! Считаю, уже время кончить... И точка (Л. Кассиль. Конduit и Швамбрана). Слово *троглодиты*, незнакомое и непонятное, комиссар заменяет на более понятное ему и фонетически близкое *крокодилы*. Естественно, значение последней лексемы при этом в корне меняется.

– Ах, так?! **Космополит!** – крикнул Тетеря, толкая стол.

– **От косматого** слышу! Чучело четвероногое! (Т. Толстая. Кысь). Собеседник, очевидно, не знает слова *космополит*, но по ситуации (и по интонации) понимает, что это оскорбление. И

отвечает не вполне адекватным по смыслу, но фонетически близким словом *косматый*...

Перед отъездом, болтаясь с Игорем по Москве, мы посмотрели фильм **Кавалеровича «Поезд»**. Довольно искусственная, но красивая штука, с достаточной долей любви и приключений.

– А сейчас нам будет такой «Поезд»! Такой **Кавалерович!** – издевался Игорь, когда мы шли на вокзал (В. Попов. Поиски корня).

Здесь повторные, в реплике персонажа, *поезд* и *Кавалерович* означают «что-то неожиданное», «сюрприз», «кошмар», «облом».

Я, как военный пенсионер, получал 450 долларов. Потом пенсия упала до 200, и до сегодняшнего дня ничего не восстановилось. А моя жена сказала: никаких **банков!** Дома у нас **банка!** Мы помним, как **банки** зашатались, а несколько банкиров срочно уехали в Израиль и не вернулись («Комсомольская правда». 22-28.03.2012). Созвучие слов *банк* “финансовое учреждение” и *банка* “сосуд” создает в этом контексте основу для каламбура, для игры слов.

Хотя основу для фонетических корреспонденций в сознании составляют в первую очередь согласные звуки (как более редкие и более дифференцирующие), нельзя также полностью сбрасывать со счетов и слоговую структуру слова и даже, в редких случаях, интонационную – высказывания. Последнее касается ритмических контекстов – поэтических, песенных. Приведем для иллюстрации один пример:

...Смех обуял одного приятеля, когда он ехал в такси и услышал по рации отрывок разговора некоего неведомого и невидимого водителя с не менее невидимым диспетчером. **«МКАД забит,** – раздался из рации деловитый голос. – **Я съехал на Рублевку»**. «Чего это вы смеетесь?» – с некоторой, вполне, впрочем, объяснимой, подозрительностью, спросил таксист (Л. Рубинштейн. Знаки внимания). Фраза *МКАД забит, я съехал на Рублевку* так напоминала для знающего человека строки Бориса Пастернака: *Гул затих. Я вышел на подмостки...*, что трудно

было удержаться от улыбки. Фонетика работает и в таких масштабах!

В стилистике и риторике существует такое понятие – паронимазия. Это «фигура речи, состоящая в (комическом или образном) сближении паронимов в речи, в стилистическом использовании звукового или семантического подобия употребляемых слов» [Ахманова 1969: 313]. Это значит – одной своей стороной паронимазия обращена к паронимии, т.е. к неосознанному, случайному смешению похожих слов в сознании. С другой стороны, она связана с художественными приемами, с антитезой, со словесной игрой. И уж самое непосредственное отношение она имеет к теории речевой деятельности, к механизмам текстопроизводства и текстовосприятия.

Факты, рассмотренные в данной статье, занимают разное место на шкале осознанности речевых действий. В каких-то случаях говорящий неосознанно выбирает новое слово под влиянием уже употребленной лексемы, не замечая между ними звуковой переклички. Это то, что мы называли нейрофизиологической инерцией речемыслительного акта. Но в других случаях человек пользуется звуко-буквенными ассоциациями преднамеренно, в расчете на получение нового смысла и развитие текста. Тогда перед нами – художественный прием. Паронимы более или менее поддаются инвентаризации, их можно представить списком (существуют словари паронимов). Случаи же паронимазии бесконечно разнообразны и потому учету не поддаются. В данном речевом фрагменте креатив не знает пределов.

В целом проанализированные факты говорят о том, что порождение текста – многоканальный процесс, и «зубчики механизмов» на одном уровне цепляются за зубчики другого. Синтаксис «тянет» за собой лексику, лексика – фонетику, а та, в свою очередь, обладает способностью влиять на выбор очередных номинаций.

Литература

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е. – М., 1969.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М., 1989.

Белянин В.П., Бутенко И.А. Живая речь. Словарь разговорных выражений. – М., 1994.

Векишин Г.В. Фоносиллабема – элементарная операциональная единица творческой языковой способности (поэзия, детская речь, языковая игра) // Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 49-74.

Даль В. Пословицы русского народа. – М., 1957.

Ермолаева Л.С. Неогуμβольдтианское направление в современном буржуазном языкознании // Проблемы общего и частного языкознания / Под ред. Т.А. Дегтеревой. – М., 1960. – С. 47-85.

Копотев М. В. Принципы синтаксической идиоматизации. – Хельсинки, 2008.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.–СПб., 2003.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975.

Норман Б.Ю. О тавтологии и смежных явлениях // Проблемы лингвистики текста. Probleme der Textlinguistik. Совместный труд лингвистов партнерских университетов в Минске и Бохуме. – Минск, 1991. – С. 225-235.

Норман Б.Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. Вып. 2 / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. – М., 2004. – С. 246-256.

Норман Б.Ю. Основы психолингвистики. – Минск, 2011.

Норман Б.Ю. Лексический повтор как дискурсивная тактика // Лингвистика креатива. Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009. – С. 230-244.

Пузырев А.В. О системном подходе в лингвистике. – М., 2014.

Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. – С. 67-82.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / Сост. и ред. Ю.С. Степанов. – М., 1983. – С. 462-482.

Bordag D. Modely řečové produkce v současné psycholingvistice // Slovo a slovesnost. № 66. 2005. – S. 180-193.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen, 1975.

REFERENCES

Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. – М., 1969.

Ahutina T.V. Porozhdenie rechi. Nejrolingvisticheskij analiz sintaksisa. – М., 1989.

Belyanin V.P., Butenko I.A. Zhivaya rech'. Slovar' razgovornyh vyrazhenij. – М., 1994.

Vekshin G.V. Fonosillabema – elementarnaya operacional'naya edinica tvorcheskoj yazykovoj sposobnosti (poeziya, detskaya rech', yazykovaya igra) // *Lingvistika kreativa-4. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T.A. Gridinoy.* – Ekaterinburg, 2018. S. 49-74.

Dal' V. Posloviцы russkogo naroda. – M., 1957.

Ermolaeva L.S. Neogumbol'dtianskoe napravlenie v sovremennom burzhuaznom yazykoznanii // *Problemy obshchego i chastnogo yazykoznanija / Pod red. T.A. Degterevoy.* – M., 1960. S. 47-85.

Kopotev M. V. Principy sintaksicheskoy idiomatizacii. – Hel'sinki, 2008.

Leont'ev A.A. Osnovy psiholingvistiki. – M.–SPb., 2003.

Luriya A.R. Osnovnye problemy nejrolingvistiki. – M., 1975.

Norman B.Yu. O tautologii i smezhnyh yavleniyah // *Problemy lingvistiki teksta. Probleme der Textlinguistik. Sovmestnyj trud lingvistov partnerskih universitetov v Minske i Bohume.* – Minsk, 1991. S. 225-235.

Norman B.Yu. Kognitivnye aspekty paremiologii i nacional'naya kartina mira v slavyanskih yazykah // *Slavyanskij vestnik. Vyp. 2 / Pod red. N.E. Anan'evoj i Z.I. Karcevoj.* – M., 2004. S. 246-256.

Norman B.Yu. Osnovy psiholingvistiki. – Minsk, 2011.

Norman B.Yu. Leksicheskij povtor kak diskursivnaya taktika // *Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monografiya / Otv. red. T.A. Gridina.* – Ekaterinburg, 2009. S. 230-244.

Puzyrev A.V. O sistemnom podhode v lingvistike. – M., 2014.

Shvedova N.Yu. K izucheniyu russkoj dialogicheskoy rechi. Repliki-povtory // *Voprosy yazykoznanija.* 1956. № 2. S. 67-82.

Yakobson R. Poeziya grammatiki i grammatika poezii // *Semiotika / Sost. i red. Yu.S. Stepanov.* – M., 1983. S. 462-482.

Bordag D. Modely řečové produkce v současné psycholingvistice // *Slovo a slovesnost.* № 66. 2005. S. 180-193.

Gadamer H.-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. – Tübingen, 1975.

©Норман Б.Ю., 2020

Норман Борис Юстинович – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Адрес: 220030, Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4.

E-mail: boris.norman@gmail.com

Norman Boris Yustinovich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Slavic Linguistics, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

ПАВЛОВА А.В.

Майнц, Германия

pavlova@uni-mainz.de

81*38

DOI 10.26170/ufv20-02-05

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА ОСНОВЕ ПРОСОДИИ

Аннотация. В статье исследуются типы языковых игр, базирующихся на просодических (интонационных) параметрах. Исходный тезис: без просодии понимание смысла неосуществимо. Просодия здесь рассматривается лишь в трех аспектах – выбор места паузы, выбор места наиболее сильного фразового ударения, мелодическая конфигурация. Языковые игры, основанные на просодии (ЯИП), могут иметь различные лингвистические источники: 1. Потенциальная подвижность паузы и, как следствие, изменение смысла; 2. Нарушение просодической цельнооформленности фразеологизма, в результате чего разрушается идиоматичность; 3. Сопряженная с акцентогенностью лексическая полисемия или омонимия; 4. Привычность распределения акцентов в определенных типах речевых актов; 5. Рефлексия услышанной ошибки в просодическом оформлении фразы.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, просодия, интонация, акцентный фокус, просодический фокус, акцентогенность, пауза, речевой акт

PAVLOVA ANNA

Mainz, Germany

LANGUAGE GAMES BASED ON PROSODY

Abstract. The focus of this study was to find out which prosody parameters can be used in language games. The main thesis is that as follows: there is no sense understanding without involving of prosody. There are three parameters of the prosody which are regarded: the position of prosodic pause, the position of the sentence stress and the melodic configuration. These parameters serve as the foundation for special kinds of language games. They are called here „Language Games based on the Prosody (LGP)“. The selection of the pause position can change the sense of a sentence completely. The same is relevant for the sentence stress and its position. The linguistic sources for the LGP are: 1. Potential change of the pause po-

sition and the ambiguity of the sense related to it; 2. Destroying of phraseological meaning by change of sentence stress position; 3. Lexical polysemy in connection to the prosodic „behaviour“ of polysemic words; 4. Prosodic „behaviour“ of words in different speech act types; 5. Reflecion of prosodic errors in the oral speech.

Keywords: language game, pun, ambiguity, prosody, intonation, prosodic contour, polysemy, sentence stress, pause, potential accent of words, speech act

В настоящем исследовании рассматривается функциональный (семантический) аспект интонации. Речь пойдет об интонационных параметрах, которые Майкл Халлидэй [Halliday: 1967: 18–30] описывает как три относительно независимые друг от друга «системы выбора»: а) способ разбиения предложения на синтагмы (расстановка пауз); б) выбор интонационного центра синтагмы или фразы; в) способ оформления интонационного центра синтагмы или фразы – выбор одного из возможных типов изменения основного тона. При этом употребление таких терминов как «интонационный центр синтагмы»; «просодический фокус синтагмы» или (в том же значении) «синтагматическое ударение» избавляет от необходимости уточнять, в какой именно функции выступает данное средство – для маркировки ремы, для выделения контраста, для оформления цельности словосочетания, для сигнализации особой эмфазы или реализации иной функции. Таким образом удается оставить за рамками данного исследования полемику, касающуюся соотношения понятий «фразовое ударение», «логическое ударение», «эмфатическое ударение», «акцентное выделение», ср. [Николаева: 2000: 56–64, Павлова 2007: 65; Павлова, Светозарова 2017: 9–10]. Слова, на которые приходится просодический фокус синтагмы или фразы, если фразы представлена одной синтагмой (ПФС), выделяются в тексте этой статьи подчеркиванием.

Интонация обнаруживает себя явно в устной речи, но она является и имманентным элементом чтения: она необходима для понимания смысла высказывания на письме. При чтении про себя интонация присутствует во внутренней речи: мысленное акцентирование, мысленное паузирование (синтагматическое

членение), мысленное мелодическое оформление слов и фраз – звенья любого процесса осмысления письменного высказывания. «Ритмико-интонационная организация высказывания возникает не в результате звуковой аранжировки готовой лексико-синтаксической структуры, а в процессе текущего формирования мысли и ее вербализации, в ходе сложного параллельно-временного процесса, который осуществляется одновременно в двух измерениях: вертикальном (“сверху вниз” от речевой интенции к звучанию) и горизонтальном (“слева направо” от начала к концу высказывания)» [Кривнова: 2007: 9]. Осознание смысла при мысленной «расшифровке» письменного высказывания происходит таким же образом: читатель выстраивает свою версию содержания не через проговаривание готового конструкта, а через порождение собственного смысла, и интонирование – один из важнейших этапов этого вида речемыслительной деятельности.

Понимание письменного текста – сложный и многоаспектный психолингвистический процесс. Этот процесс может быть дополнительно усложнен явлением, которое в книге О.А. Лаптевой названо «текстовой омонимией» [Лаптева: 2009], или двусмысленностью⁵ (в редких случаях трактовка допускает и три и даже более вариантов). Омнимичные или многозначные участки текста затрудняют восприятие и приводят иногда к серьезным и чреватым социально значимыми последствиями искажениям смысла. В своей монографии, посвященной текстовой омонимии, О.А. Лаптева подробно рассматривает самые разные явления неоднозначности отрезков текста: синтаксис, морфологические формы, лексические значения, актуальное членение предложения, фонетически неоднозначные явления при восприятии речи на слух. Есть в этой книге и сравнительно небольшой раздел, посвященный интонационным параметрам – мелодике и фразовому ударению. Об интонационном разрешении неумышленной синтаксической омонимии подробно пишет Н.Д. Светозарова [Светозарова: 2007].

⁵ В литературоведении принят термин «амфиболия».

При анализе случаев неоднозначной трактовки смыслов необходимо различать намеренную (один из видов языковой игры) и ненамеренную двусмысленность, вызываемую не только ошибками или небрежностью говорящего, но и объективными причинами – например, многозначностью синтаксической конструкции; даже если таковая говорящим осознается как многозначная, он не всегда имеет возможность ее заменить.

Языковая игра на просодии (ЯИП) как форма намеренной смысловой неоднозначности встречается преимущественно в письменной форме речи. При устной реализации высказывания проблематика многозначности обычно отпадает и двусмысленность письменного варианта теряет релевантность.

По-видимому, одна из самых старых ЯИП – знаменитая крылатая фраза

(1) *Казнить нельзя помиловать,*

происхождение которой в точности неизвестно: ее приписывают и Петру I, и Александру III, а ее испанский вариант

(1a) *Perdón imposible que cumpla su condena –*

императору Карлу V. Имеются варианты этой фразы и в других языках. ЯИП покоится здесь на неоднозначности синтагматического разбиения этого сочетания слов: неясно, где пауза. На основе этой крылатой фразы рождаются аналогичные по типу игры; главным образом, в заголовках СМИ:

(1б) *Курить нельзя бросить (iVBG.ru – Новости Ленобласти);*

(1в) *Отстаивать нельзя оставить (Коммерсант);*

(1г) *Запретить нельзя разрешить (Deutsche Welle);*

(1д) *Стрелять нельзя защищать (Жемчужины мысли).*

Как видим, наряду с неоднозначностью места паузы авторы этих заголовков пользуются дополнительными игровыми элементами – антонимией (*запретить / разрешить*), устойчивостью коллокации (*бросить курить*), фонетическим подобием – паронимазией (*отстаивать / оставить*). Дополнительные элементы обогащают игру, делают ее привлекательнее, занимательнее и глубже. Аналоги подобных игр имеются, например, в английском:

(1e) *Let's eat grandma.*

(1ж) *A woman without her man is nothing.*

ЯИП, основанная на неясном месте паузы или вариативности расположения наиболее сильного акцента, довольно охотно используется в заголовках. Простейшая игра на месте просодического фокуса синтагмы (ПФС) и лексической семантике – заголовков

(2) *Медведев против Леопарда (Грани.ру).*

Как только мы ставим сильное ударение на слове *против*, трактуя значение этой лексемы как ‘выступает против’, то она становится сказуемым, а все предложение полносоставным (двусоставным). А если это предлог в значении ‘в сравнении’, то предложение неполное (назывное, номинативное), сказуемого в нем нет. И сопровождается все это игрой со значениями фамилии *Медведев*: в случае сказуемости слова *против* фамилия называет известного политического деятеля, ответственное государственное лицо; в номинативном же предложении эта же фамилия ассоциируется с животным, так что даже прописная буква отчасти теряет свою значимость. И все эти игры так или иначе вращаются вокруг места просодического фокуса, именно оно здесь имеет определяющее значение для создания ЯИП.

Игру, в которую вовлечен ПФС, можно встретить не только в заголовках прессы, но и в рекламе, и в авторских текстах. Известная фраза Гоголя

(3) *Редкая птица долетит до середины Днепра*

приобретет совсем иной смысл и иной ПФС при минимальной трансформации: говорящий выражает оптимистичную уверенность в том, что вполне конкретная птица экзотической породы до середины Днепра долететь сумеет:

(3a) *Редкая птица долетит до середины Днепра! (Я уверен!)*

Однако этот пример возможен лишь в устном варианте, так как на письме акцентное подчеркивание глагола *долетит* не выразить. Зато в письменной речи можно изменить время глагола:

(3б) *Редкая птица долетела до середины Днепра.*

И при такой трансформации – независимо от того, где расположен фокус, на глаголе или на последнем слове фразы – ясно, что слово *птица* употреблено референтно. Кстати, именно на игре смыслов, порождаемых многозначностью слова *редкий*, основана довольно известная шутка

(3в) *В середине Днепра обнаружено кладбище редких птиц.*

Или (из книги «Уроки мудрости. Притчи, байки и истории от психотерапевта» Дм. Ковпака):

(3г) *Пингвин – птица редкая. Значит, до середины Днепра долететь должна.*

Особенно популярно обыгрывание просодического оформления фразеологических единиц. Устойчивый просодический контур в принципе является одной из важнейших черт фразеологической единицы [Найдина 1995; Курникова 2003; Логинова 2014; Павлова, Светозарова 2017: 346–365]. При смещении места просодического фокуса идиоматичность часто, хотя и не всегда, разрушается. Этот факт до сих пор игнорируется в большинстве лингвистических работ, посвященных фразеологии, но осознается многими журналистами или просто сочинителями анекдотов.

Чтобы показать, насколько ПФС значим для понимания фразеологии, можно привести несколько примеров языковой игры, основанной полностью или отчасти на смещении просодического фокуса:

(4) *Главный претендент на создание российской ОС поставил крест на своем планшете (Newsru.com)*

При ПФС на слове *крест* перед нами сказуемое, выраженное идиомой *поставил крест* в значении ‘отказался’ или ‘навсегда распрощался’ (с планшетом). Если акцент со слова *крест* убрать и сместить его на последнее слово – *планшете*, то идиомы в этой фразе нет, сказуемое выражено глаголом *поставил*, а существительное *крест* синтаксически являет собой дополнение (что поставил на планшете?). Нет сомнений, что журналист играет здесь с местом просодического фокуса намеренно. Другой пример:

(5) *Бог с ним. Олег Кашин о Патриархе Московском и Всея Руси Кирилле (Коммерсант).*

Идиома бог с ним с фиксированным ударением на первом слове разрушается только за счет того, что в данном случае ударение оказывается смещено на последнее слово, поскольку заголовок ассоциируется с другой паремией: *С нами бог!* (если переставить элементы последней местами, получим: *Бог с нами!*). Игровой элемент заключается в том, что заголовок прочитывается одновременно в обоих вариантах: в первом, так как он графически совпадает с известной идиомой, означающей ‘ну и пусть’: *Бог с ним* (однако это значение в данном контексте не имеет смысла), и во втором, потому что в этом случае он осмыслен: *Бог с ним*.

Вот еще один пример игры с ударениями: заголовок

(6) *И дела нет (Kasparov.ru)*

– трактуемый на первый взгляд как идиома, прочитывается с наиболее сильным акцентом на слове *дела*: (*кому-л. до чего-л.*) и *дела нет*. В заметке пишется о том, что редактор журнала The NewTimes, вызванная повесткой на допрос в ГУВД, объявила о том, что она туда не пойдет, пока не заведено уголовное дело. Следовательно, смысл заголовка иной, к идиоме отношения не имеющий: ‘(уголовного) дела не существует’. Значит, и прочитать его требуется иначе: *И дела нет*. Понятно, что автор заметки обыгрывает противоречие между идиоматическим и неидиоматическим смыслом, сталкивая два акцентных контура.

А вот пример заголовка из журнала «The NewTimes»:

(7) *Русское оружие идет по миру*

Языковая игра прозрачна и основана только на месте ПФС: если группа *по миру* – идиома, то ударение стоит на предлоге: *Русское оружие идет по миру*, что означает: ‘русское оружие обнищало’, ‘русское оружие просит подаяния’. Если это не идиома, то ударение на последнем существительном: *Русское оружие идет по миру*, и это означает: ‘русское оружие распространяется по всему миру’ – т.е. ровно то, что выражено в заголовке, если исключить из него идиоматичность.

Некоторые значения лексем столь тесно связаны с их «акцентным поведением» при их употреблении, что без него в принципе не реализуются. Вряд ли сегодня кто-либо усомнится в том, что «мелкие» служебные, так наз. «дискурсивные» слова типа *да, еще, иначе, один, сам, только, что, также* и многие другие обладают разными значениями, неразрывно связанными с их акцентуацией. Они достаточно хорошо и подробно описаны в литературе [Николаева 1985; Кобозева 1991; Киселева, Пайар 1998; Кобозева, Захаров 2004]. Однако то же релевантно для множества полнозначных многозначных слов – глаголов, прилагательных, существительных, наречий. Несмотря на то, что лексикографическая практика игнорирует потенциальную акцентуацию в принципе, некоторые описания словарных значений косвенно можно соотнести с акцентным или безакцентным употреблением соответствующего слова в речи. Например, для глагола *вырасти* Большой академический словарь русского языка (БАС) указывает, в частности, значение ‚достигать более высокой ступени в культурном развитии‘, которое можно сопоставить его употреблению в роли акцентоносителя, ср.:

(8а) *Эта компания выросла из мелкого бизнеса.* – (8б) *Эта компания выросла из мелкого бизнеса.*

В (8а) глагол *выросла* означает ‘возникла’, в (8б) ‘переросла’ в переносном значении: ‘рамки мелкого бизнеса компании стали тесны’, что соотносится с тем значением, которое описано в БАС. Нетрудно заметить, что в (8б) значение глагола оценочно, в то время как в (8а) оценочная сема отсутствует. Если оставить здесь только одну фразу, не маркируя в ней место просодического фокуса, то возникнет многозначная (двусмысленная) конструкция, которая может служить основой ЯИП. В конце книги [Павлова, Светозарова 2017] приводится обширный Словарь «интонационной омонимии». В принципе, любая лемма этого словаря может служить источником языковых игр, основанных на просодии. Ср.:

(9а) *Она прямо плывет.* – (9б) *Она прямо плывет.*

(10а) *Все против меня сговорились: родня и соседи заодно.* – (10б) *Все против меня сговорились: родня и соседи заодно.*

*(11а) Тебе показалось, что вода шумит. – (11б) Тебе показа-
лось, что вода шумит.*

Разные значения акцентированных (подчеркнутых здесь) слов и их не несущих главное ударение «двойников» очевидны. Такая полисемия, связанная с акцентуацией, потенциально обеспечивает бесконечное количество просодических каламбуров.

Не надо думать, что любая полисемия сопряжена с различным «акцентным поведением» многозначных слов при их реализации в речи (эта тема подробно освещена в [Павлова, Светозарова 2017: 495–508]). Однако примеров взаимосвязи и взаимозависимости между лексической семантикой и «акцентогенностью» (термин принадлежит Т.П. Скориковой, см. [Скорикова 1995]) лексико-семантических вариантов (ЛСВ) многозначных слов множество.

Для некоторых остроумных авторов роль ПФС в различении многозначности или омонимии столь несомненна, что они используют эту роль в языковых играх. Например, в четверостишии Дмитрия Быкова обыгрывается глагол *отбрасывать* в его акцентном и безакцентном употреблении, связанном с соответствующим значением:

*(12) Кому-кому, а нам известно,
Хоть пять корон себе надень:
Коль наша тень меняет место,
То мы отбрасываем тень.*

Писатель намеренно сталкивает здесь в одном словосочетании безакцентное употребление глагола в коллокации *отбрасывать тень* и акцентогенный ЛСВ (или омоним) этого глагола в значении ‘отказываться от чего-л.’.

Иногда читателю может быть не вполне ясно, что перед ним – языковая игра или просто случайная омонимия. Например, заголовок в газете «Комсомольская правда» гласит:

(13) Белорусский боксер Сергей Ляхович: «В Витебске я наелся колдунов».

Первое, что приходит в голову – ударность глагола *наелся* в его переносном оценочном значении ‘что-л. сильно надоело’ – в

данном случае, видимо, боксеру надоели колдуны. Хотя фраза, если ее так понять, внушает некоторые сомнения относительно ее стиля, да и содержание ее производит впечатление странного. При чтении текста выясняется, однако, что *колдуны* – это название картофельных котлет, традиционного белорусского блюда. Смысл фразы, следовательно, в том, что человек, будучи в Витебске, этих картофельных котлет много съел – фраза чисто информативная, акцент на глагол не ставится, а ПСФ располагается на последнем слове. Имел ли в виду автор заметки языковую игру, включающую интонацию, – остается неясным.

На многозначности слова *редкий* (1. ‘необычный’, 2. ‘вряд ли’) основана и игра, рассмотренная здесь в примерах (3 – 3г). Ср.:

(14) *Редкий прохожий пройдет мимо и не заметит.*

Если ПФС приходится на прилагательное *редкий*, фраза означает ‘Вряд ли прохожие не заметят; скорее всего, любой заметит’; а если это слово безударно, то фраза означает, что прохожих (в это время или в этом месте) было мало, и никто из них не замечал (чего-то). Фактически варианты с ударным и безударным прилагательным *редкий* омонимичны друг другу.

ПФС может быть связан не столько с лексическим значением многозначного слова, сколько с его привычным «акцентном поведением» в том или ином типе речевого акта. Рассмотрим для примера вот такой личный диалог в «чате»:

(15) *А.: Работать сегодня неохота!*

Б.: Ну так и не работай.

А.: Немного надо, чтобы производственный процесс поддержать.

В ответной реплике А. имеет в виду *Немного надо* (*поработать*), *чтобы...* и явно делает ПФС на модальном предикативе *надо*. Но Б. может понять его реплику (поскольку она представлена ему только в письменной форме) и иначе: *Немного надо, чтобы...* – т. е. ‘достаточно уже и небольшого усилия, чтобы оказать поддержку производственному процессу’. Перед нами настоящий «просодический каламбур», основанный на привычности акцентуации тех или иных слов в рамках осмысления ин-

тенции автора и иллюстрации речевого акта. При ударности слова *немного* фраза выражает иронию. По сути дела, в (14) наблюдается аналогичная картина: прилагательное *редкий* в значении ‘вряд ли’ всегда ударно, а речевой акт с таким ударным вариантом выражает сомнение.

Интересно, что игра на интонационной омонимии встречается не только в письменном, но и в устном дискурсе. Здесь наблюдаются случаи использования лексической многозначности, когда одно из значений многозначного слова потенциально ударно, а другое безударно – уже на уровне ментального лексикона, хранения слов в памяти.

В сериале «По ту сторону волков» милиционер и молодой солдат ведут такой диалог (дело происходит в 1946 году):

(16) – *Заменял ушедшего на фронт отца по малолетству?*

– *Точно. Все отцов заменили. Параюты делали. Я лично колючки для карабинов изготавливал.*

– *А-а-а, ну раз лично!*

Солдат не выделяет наречие *лично* акцентом: он сообщает, в чем заключалась его задача по сравнению с работой других, а наречие использует в роли модального слова (‘что касается меня, то...’). А милиционер, иронизируя, употребляет здесь омоним: *лично* в значении ‘собственной персоной’. На двух разных значениях глагола *воспитывать*, а также на столкновении пресуппозиции и ассерции построена следующая шутка:

(17) *Вас воспитывал отчим? – Не очень-то воспитывал.*

Игра основана на многозначности глагола *воспитывать*. Участник диалога, задавая вопрос, хочет знать, кто растил его собеседника. Тот на вопрос (кто?) не отвечает, а реагирует на пресуппозитивную часть вопросительной реплики, одновременно подменяя значение глагола на ‘прививать хорошие манеры’.

На многозначности прилагательного *настоящий* построена «звучащая» реклама в телевизионном ролике, посвященном спортивным товарам:

(18) – *Скажите, внутри ваших пуховиков настоящий пух?*

– *Внутри наших пуховиков настоящие чемпионы!*

Все эти примеры из устной коммуникации свидетельствуют о том, что хотя при устной реализации высказывания проблематика многозначности в принципе должна была бы отпадать, в сознании реципиентов сохраняются ударные и безударные варианты значения многозначного слова, которые могут «сыграть» в устном диалоге.

Возможны в устной речи и игры в связи с просодической цельюоформленностью фразеологизмов. Вот какую историю о своем знакомом, арестованном еще при Сталине, повествует Лев Рубинштейн:

(19) Когда он услышал формулировку обвинения, его это настолько огорошило, что он <...> стал гомерически хохотать. Следовательно, человек со стертой, как и полагается, наружностью и пустынным взглядом, довольно хладнокровно пережидал хохот подследственного. А пока он старательно прошивал какие-то бумажки толстой портняжной иглой. Но нервное веселье моего знакомого, усугубленное юношеским легкомыслием и слишком уж сюрреалистическим даже для того времени обвинением, настолько обуюло его, что он счел возможным поинтересоваться: «Белыми нитками шьете, гражданин следователь?» На что тот, надо отдать ему должное, среагировал быстро, спокойно и не без некоторого даже остроумия. Он посмотрел на него, слегка улыбнулся и коротко произнес: «Суровыми, молодой человек, суровыми». Мгновенное проявление чего-то живого и человеческого в этой безликой машине слегка взбодрило моего знакомого. Но ненадолго: суровость белых государственных нитей из легкомысленного каламбура очень быстро превратилась в реальность. (Грани.ру)

Скорее всего, подсудимый задал свой вопрос, сделав контрастное ударение на прилагательном *белыми*. С точностью мы это уже не узнаем, но его собеседник очень точно и быстро реагирует, осознав и фразеологический смысл употребленного выражения *шить белыми нитками*, и «свободное», неидиоматическое значение прилагательного.

Наконец, в устной речи можно реализовать игры, основанные на мелодическом варьировании участков высказываний или целых высказываний. Этот вариант ЯИП встречается, например, в анекдоте:

(20) *Заключённые рассказывают, за что их посадили. Доходит очередь до Рабиновича. «Меня посадили за стихи. Я читал с трибуны Маяковского». – «Да разве могут за Маяковского посадить? Что же ты читал из Маяковского?» – «Я читал: ‘Я знаю, город будет? Я знаю, саду цвёт?’»*

Этот анекдот эффектен только в устной реализации, так как важно показать голосом не просто вопросительную интонацию, но и сделать сильное ударение на глаголе *знаю*, а весь участок высказывание *Я знаю* произнести певуче, как в одесском (руско-идишском) варианте скептического ответа (*Я знаю?*). Фраза приобретает тем самым иллюзию сильного сомнения в том, что город будет и саду цвёт.

Особняком стоит языковая игра, которая возникает как следствие осмысления просодической ошибки – ошибки в просодическом оформлении подслушанной фразы. Например, некто А. услышал, как актриса, играющая в одном радиоспектакле, говорит устами своей героини, которая только что добилась своей заветной цели:

(21) *Я себя не помню от радости.*

Идиома должна быть оформлена начальным ударением: себя не помню. Словосочетание в произнесении актрисы теряет идиоматичность, и вся фраза из-за потери смысла превращается в нонсенс. А. сообщает об этой истории Б.: *Представляешь, я сегодня в радиоспектакле услышал, как одна актриса...* На это Б.: *Ну что ты хочешь: если она даже себя от радости не помнит, то как же она может помнить, в каком месте в идиоме требуется сделать наиболее сильное ударение?! ЯИП* возникает здесь как обыгрываемое противопоставление нормы и отклонения на базе ненамеренного, ненормативного размещения просодического фокуса в устной речи, в виде рефлексии услышанного.

Причина ошибочного восприятия стилистически нормально письменного текста кроется в некомпетентности читателя. Неправильное синтагматическое членение и неправильная акцентуация текста могут встречаться даже в тех случаях, когда такому прочтению противоречит пунктуация. Так, многие

школьники, не зная устаревшего в современном языке употребления слова *довольно* в значении ‘хватит’, употребляют данное слово как синоним наречия *довольно-таки*, что приводит к весьма распространенной ошибке при прочтении пушкинских строк: вместо правильного

(22) *Царевич я. Довольно, стыдно мне*

Пред гордою полячкой унижаться

читают: *Царевич я. Довольно стыдно мне ...* Это вызывает смех, так как активизирует в сознании потенциальную ЯИП, которая была бы возможна, если бы в письменном тексте не стояла запятая и если бы игровой элемент входил в намерение автора. Множество подобных примеров приведено в работе Т.А. Кругляковой [Круглякова: 2006].

Таким образом, языковые игры, основанные на просодии, могут иметь различные лингвистические источники: 1. Потенциальная подвижность паузы; 2. Нарушение просодической цельнооформленности фразеологизма, в результате чего разрушается идиоматичность; 3. Сопряженная с акцентогенностью лексическая полисемия или омонимия; 4. Варьирование просодических характеристик слов или словосочетаний, связанное с разными типами речевых актов (иллюкцией); 5. Рефлексия услышанной ошибки в просодическом оформлении фразы.

Литература

Киселева К. & Пайар Д. (сост.) Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. – М., 2003.

Кобозева И.М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х годов // Прагматика и семантика. М., 1991. – С. 147–176.

Кобозева И.М., Захаров Л.М. Для чего нужен звучащий словарь дискурсивных слов русского языка // Труды Международного семинара ДИАЛОГ'2004 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 2004. – С. 292–297.

Кривнова О.Ф. Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли»: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2007.

Курникова Н.В. Интонационно маркированные фразеологические единицы в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2003.

Круглякова Т.А. Модификация стихотворного текста в речевой деятельности ребенка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2006.

Лантева О.А. Речевые возможности текстовой омонимии – 3 изд. – М., 2009.

Логина И.М. Фразеология и просодия // Вестник Новгородского гос. ун-та, 44. – С. 218–221.

Найдина Т.Е. Акцентология фразеологической единицы. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. – СПб., 1995.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании. – М., 1985.

Павлова А.В. Интерпретация акцентной структуры высказывания при восприятии письменной речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 3, часть 3. – СПб., 2007. – С. 65–117.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Роль фразового ударения в полисемии // Acta Linguistica. Vol. 4, No 2. 2010. – СПб., 2010. – С. 62–78.

Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах: монография. (Соавтор: Н.Д. Светозарова). – М., 2017.

Светозарова Н.Д. Синтаксическая омонимия и различительные возможности фразовой интонации // Теория и практика звучащей речи: сб. науч. статей, посвящ. юбилею Е.А. Брызгуновой. – Вильнюс, 2007. – С. 84–93.

Скоринова Т.П. Акцентогенные свойства слова: на материале устной научной речи. Автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1995.

Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. – The Hague, 1967.

REFERENCES

Kiseleva K. & Pajar D. (sost.) Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo. – М., 2003.

Kobozeva I.M. Problemy opisaniya chastic v issledovaniyah 80-h godov // Pragmatika i semantika. М., 1991. – S. 147–176.

Kobozeva I.M., Zaharov L.M. Dlya chego nuzhen zvuchashchij slo-var' diskursivnyh slov russkogo yazyka // Trudy Mezhdunarod-nogo seminaru DIALOG'2004 po komp'yuternoj lingvistike i ee prilozheniyam. – М.: Nauka, 2004. – S. 292–297.

Krivnova O.F. Ritmizaciya i intonacionnoe chlenenie teksta v «processe rechi-mysli»: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. – М., 2007.

Kurnikova N.V. Intonacionno markirovannye frazeologi-cheskie edinicy v sovremennom russkom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Ivanovo, 2003.

Kruglyakova T.A. Modifikaciya stihotvornogo teksta v rechevoj deyatelnosti rebenka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – SPb., 2006.

Lapteva O.A. Rechevye vozmozhnosti tekstovoj omonimii – 3 izd. – M., 2009.

Loginova I.M. Frazeologiya i prosodiya // Vestnik Novgorodskogo gos. un-ta, 44. – S. 218–221.

Najdina T.E. Akcentologiya frazeologicheskoy edinicy. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. kand. filol. nauk. – SPb., 1995.

Nikolaeva T.M. Funkcii chastic v vyskazyvanii. – M., 1985.

Pavlova A.V. Interpretaciya akcentnoj struktury vyskazyvaniya pri vospriyatii pis'mennoj rechi // Acta Linguistica Petro-politana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij. T. 3, chast' 3. – SPb., 2007. – S. 65–117.

Pavlova A.V., Svetozarova N.D. Rol' frazovogo udareniya v polisemii // Acta Linguistica. Vol. 4, No 2. 2010. – SPb., 2010. – S. 62–78.

Pavlova A.V., Svetozarova N.D. Frazovoe udarenie v fone-ticheskom, funkcional'nom i semanticheskom aspektah: mono-grafiya. (Soavtor: N.D. Svetozarova). – M., 2017.

Svetozarova N.D. Sintaksicheskaya omonimiya i razlichitel'nye vozmozhnosti frazovoj intonacii // Teoriya i praktika zvu-chashchej rechi: sb. nauch. statej, posvyashch. yubileyu E.A. Bryzguno-voj. – Vil'nyus, 2007. – S. 84–93.

Skorikova T.P. Akcentogennye svojstva slova: na materiale ustnoj nauchnoj rechi. Avtoref. ... d-ra filol. nauk. – SPb., 1995.

Halliday M.A.K. Intonation and Grammar in British English. – The Hague, 1967.

©Павлова А.В., 2020

Павлова Анна Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Universität Mainz, FTSK Germersheim (Майнц, Германия).

Адрес: 76726, Deutschland, Germersheim, An der Hochschule 2.

E-mail: pavloan@uni-mainz.de

Pavlova Anna Vladimirovna – Candidate of Philology, Researcher, Universität Mainz, FTSK Germersheim (Mainz, Germany)

Раздел II. Сферы и формы лингвокреативной деятельности современного социума

БУБНОВА И.А.
г. Москва, Россия
aribubnova@gmail.com

811.161.1.37
DOI 10.26170/ufv20-02-06

МЕМ: ДВУЛИКИЙ ЯНУС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трех перспективных направлений исследования интернет-мемов: как феномена, отражающего лингвокреативность носителей языка, с точки зрения манипулирования массовым сознанием в информационных войнах, а также в аспекте их влияния на строение когнитивных структур, входящих в содержание ментального опыта, который представляет собой психический носитель свойств интеллекта и, соответственно, определяет основные характеристики познавательной деятельности индивида и его поведения. Проведенный анализ позволяет автору утверждать, что интернет-мем, несмотря на заключенный в нем потенциал к стимулированию творчества, в целом оказывается весьма опасным для индивидуального сознания феноменом в силу того, что он не просто изменяет и искажает восприятие событий реальности, но постепенно трансформирует как течение познавательных процессов, так и сами функции мышления.

Ключевые слова: интернет-мем, лингвокреативность, манипулирование сознанием, информационная война, ментальный опыт, познание, мышление.

BUBNOVA IRINA

Moscow, Russia

MEME: THE TWO-FACED JANUS OF OUR TIME

Abstract. The article examines three promising areas of research of the Internet memes: as a phenomenon representing linguistic creativity of native speakers, from the perspective of manipulating the mass consciousness in information wars, as well as in the aspect of their influence on the formation of cognitive structures included in the content of mental experience, which a mental carrier of the features of intelligence represents and, accordingly, determines the main characteristics of cognition of the individual and his behavior. The analysis allows the author to argue that the Internet meme, despite the potential of it to stimulate creativity, is generally a very dangerous phenomenon for the individual consciousness, because it not only changes and distorts the perception of events in reality, but gradually transforms cognitive processes, and the very functions of intellection.

Keywords: Internet meme, linguistic creativity, manipulation of consciousness, information war, mental experience, cognition, intellection.

Термин *мем* впервые появился в работе Р. Докинза [Докинз 2013], который, сравнив его с геном и определив как редупликатор культурной информации, выделил основные черты мема – плодовитость, способность быстро распространяться в пространстве и относительную, в отличие от гена, точность при воспроизведении.

С развитием интернет-коммуникации мем не только прочно обосновался в этой сфере, но и стал проникать в реальную жизнь, репрезентируя определенные идеи, влияя на общественное мнение, объединяя людей, заражая эмоциями, комментируя любое значимое событие, транслируя определенное отношение и т.д. Иными словами, интернет-мем завоевал коммуникативное пространство и, вместе с этим, все чаще стал привлекать внимание исследователей.

Для значительной части лингвистов интернет-мем оказался интересен с точки зрения его конструирования и трансформации, т.е. в аспекте языкового творчества, креативности [Вешнякова 2016; Тихомирова 2017; Гридина, Талашманов 2019], кото-

рая в проекции на язык «выступает как способность его носителей к обновлению и расширению номинативного и коммуникативного регистров речевой деятельности, являясь, в частности, формой реализации творческой уникальности говорящих» [Гридина 2016]. Определяя интернет-мем как креолизованный текст, т.е. образование, в котором объединены вербальные и невербальные элементы, целостно воздействующее на адресата [Шурина 2014], исследователи подчеркивают именно процесс творчества, без чего невозможно ни создать юмористический эффект вербальной части мема, ни выбрать иллюстрацию, становящуюся, как в средневековом лубке, неотъемлемым элементом текстообразования [Вешнякова 2016]. Помимо эмоциональной и юмористической составляющей, в фокусе внимания оказываются, прежде всего, сама форма мема, его структура и способы трансформации, лингвокреативные особенности кодовых переключений [Шурина 2014, Тихомирова 2017], хотя в ряде случаев, обращаясь к эмоциям и ассоциациям, вызываемыми мемом и обуславливающими его популярность, авторы работ упоминают и его роль в привлечении внимания «большого количества людей к новым фактам и устаревшим стереотипам, которые давно уже нуждаются в переосмыслении и другой интерпретации» [Столетов. Электронный ресурс], и, более того, рассматривают интернет-мем как заблаговременную «прививку» «против грядущих настоящих социальных проблем, один из важных защитных механизмов» [там же]. Однако в целом содержательная сторона мема оказывается вторичной, а основной акцент, кроме формы, смещен на поиски методов анализа мема. Полагая, что мем как стереотипная фраза, близок коммуникативу – грамматически аморфному высказыванию, стереотипной ответной реплике в диалоге – некоторые лингвисты считают, что схема извлечения коммуникатива вполне применима и к мему. В этом случае основными задачами становятся выявление функции, выполняемой мемом в целостной структуре диалога, реконструкция его начальной формы, определение границы дискурсивной сочетаемости, а также интонационного рисунка (о принципах

описания коммуникативов подробно см. [Шаронов. Электронный ресурс]).

Следующей важной линией, явно выделяющейся в работах, посвященных мему, стало его изучение с точки зрения использования в информационных войнах для продвижения каких-то идей, формирования общественного мнения либо изменения восприятия происходящих событий, т.е. для идеологического воздействия на массовое сознание. В этой сфере преимущество мемов над любым иным видом пропаганды неоспоримо: во-первых, мемы, в отличие от других пропагандистских механизмов, дают возможность влиять на молодежь; во-вторых, они всегда вызывают сильные эмоции, позволяющие управлять процессом принятия решений, а также, в зависимости от необходимости, карнавализовать либо драматизировать происходящее [Аронсон Э., Пратканис Э.Р. 2003]; и, наконец, в силу разнородности данных знаков они способны нести огромный объем информации, в том числе и этнокультурной, возможность «считывания» которой «носителями языка достаточно реальна, хотя ее смысловая «глубина» может быть различной, поскольку основана на разного рода языковых и внеязыковых ассоциациях и обусловлена в значительной степени общекультурной компетенцией языковой личности» [Гридина, Коновалова 2017: 124]. И здесь мем действует действительно как медиавирус, распространяющийся по всей медиасфере, в том числе в сети интернет, изменяя восприятие глобальных и локальных событий [Рашкофф 2003: 155]. Безусловно, в процесс его распространения вовлечены, прежде всего, подчиненные государству или отдельным корпорациям СМИ, конструирующие и транслирующие требуемые мемы. Однако, став популярным в СМИ, мем начинает стремительно расширять сферу своего влияния, захватывая самые разные интернет-сообщества, причем для его эффективного воздействия на массовое сознание необходимо только одно условие: неоднозначность позиции адресата по какой-то проблеме. Как замечает Д.Рашкофф: «Если наша позиция... не является однозначной, иными словами, если наш общественный “код” поврежден, тогда у мемов-захватчиков, скрытых внутри

медиавируса, практически не будет проблем просочиться в нашу запутанную командную структуру» [там же: 157].

И, наконец, еще одно направление связано с анализом последствий широкого распространения мемов, с их разрушающим влиянием на структуру ментального опыта, представляющего собой психический носитель свойств интеллекта. Основа ментального опыта – это ментальные структуры, составляющие когнитивный, метакогнитивный и интенциональный опыт человека. Именно эти структуры отвечают за сенсорную и перцептивную обработку информации, ее хранение, саморегуляцию познавательной деятельности и выбор субъективных критериев отбора поступающих из окружающей человека реальности данных [Холодная 2002], и, в целом, определяют поведение личности и содержание ее индивидуального образа мира (по А.Н.Леонтьеву). Однако помимо этих внутренних структур картина мира, как отмечал М.Маклюэн, непосредственно зависит от того, какими средствами и способами транслируется знание, так как средство получения информации есть технологическое продолжение наших органов чувств. Сегодня одним из таких средств внутренней репрезентации знания стал интернет-мем, представляющий собой: «новый тип знака, по сути, противоположный языковому: значение его статично, а форма вариативна; единственное его назначение – распространить устойчивую когнитивную структуру. <...> По сути мем как широко распространенный знак ограничивает функции мышления операцией воспроизводства известной когнитивной модели; внешне беспредельные возможности в представлении содержания оказываются внутренне ограниченными устойчивой структурой воспроизведения одного и того же редуцируемого знания» [Пищальникова 2019: 289]. Иными словами, огромная популярность мемов постепенно начинает превращать их из забавных «картинок» в одну из доминирующих форм мышления, по сути своей стереотипного и примитивного, изменяющего все содержание ментального опыта, в котором важнейшие – понятийные – структуры остаются невостребованными. Однако восприятие мемов как просто занятой игры, как и смещение акцентов в их

лингвистических исследованиях на форму, а в психологических – на информацию, которую он несет, воздействуя на мнения людей и, таким образом, влияя на важнейшие исторические события [Рашкофф: 178], не дает до конца осознать опасность этого нового знака для интеллекта человека.

В одной из своих работ М.Бахтин [Волошинов 1993] писал, что всякий живой идеологический знак двулик как Янус. В тот момент данная характеристика относилась, прежде всего, к слову, заключающему в себе неразрешимое противоречие. Сегодня слово постепенно заменяется мемом – знаком, полностью ему противоположным, однако продолжающим оставаться таким же двуликим Янусом, внутренняя диалектичность которого пока до конца не раскрыта.

Литература

Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. Перераб. изд. – СПб., 2003.

Волошинов В.Н. (М.М.Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / Комментарии В.Махлина. – М., 1993.

Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4. URL: <http://publikacia.net/archive/2016/6/4/9>

Гридина Т.А. «Своя игра»: ребенок в мире языка. Монография. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2016.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект // Вопросы лексикографии. №1 (11). 2017.

Гридина Т.А., Талашманов С.С. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект // Политическая лингвистика. 2019. №3 (75).

Докинз Р. Эгоистичный ген. – М., 2013.

Пицальникова В.А. Языковое пространство интернета и деструкция познавательных моделей // Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 6–8 июня 2019 года. – М., 2019. С.288 – 290.

Раишкова Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на наше сознание. – М., 2003.

Столетов А. Мемы: мифы и реальность. URL: <http://www.advertology.ru/article74564.htm>

Тихомирова М.С. Переключения кодов в интернет-мемах как проявление лингвокреативности // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 5. С. 148–153. DOI 10.23859/1994-0637-2017-5-80-18

Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб., 2002.

Шаронов И. А. Проблемы описания русских коммуникативов, состоящих из служебных слов // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opisaniya-russkih-kommunikativov-sostoyaschih-iz-slu-zhebnyh-slov>

Щурина Ю. В. Интернет-мемы: проблема типологии // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 6 (59). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-problema-tipologii>

REFERENCES

Aronson E., Pratkanis E.R. Epoha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie. Pererab. izd. – SPb., 2003.

Voloshinov V.N. (M.M.Bahtin). Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy sociologicheskogo metoda v nauke o yazyke / Kommentarii V.Mahlina. – М., 1993.

Veshnyakova A. V. Lingvokreativnyj aspekt internet-memov // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. № 4. URL: <http://publikacia.net/archive/2016/6/4/9>

Gridina T.A. «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka. Monogra-fiya. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2016.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Parametry leksikograficheskoy interpretacii dialektnoj frazeologii: lingvokul'turologicheskij aspekt // Voprosy leksikografii. №1 (11). 2017.

Gridina T.A., Talashmanov S.S. Yazykovaya igra v sovremennoj internet-kommunikacii: metayazykovoj aspekt // Politicheskaya lingvistika. 2019. №3 (75).

Dokinz R. Egoistichnyj gen. – М., 2013.

Pishchal'nikova V.A. Yazykovoe prostranstvo interneta i de-strukciya poznavatel'nyh modelej // Teoriya rechevoj deyatel'nosti: vyzovy

sovremennosti. Materialy XIX Mezhdunarodnogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikacii. Moskva, 6–8 iyunya 2019 goda. – M., 2019. S.288 – 290.

Rashkoff D. Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na nashe soznanie. – M., 2003.

Stoletov A. Memy: mify i real'nost'. URL: <http://www.advertology.ru/article74564.htm>

Tihomirova M.S. Pereklyucheniya kodov v internet-memah kak proyavlenie lingvokreativnosti // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 5. S. 148–153. DOI 10.23859/1994-0637-2017-5-80-18

Holodnaya M.A. Psihologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya. – 2-e izd., pererab. i dop. – SPb., 2002.

Sharonov I. A. Problemy opisaniya russkih kommunikativov, sostoyashchih iz sluzhebnyh slov //Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2012. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opisaniya-russkih-kommunikativov-sostoyaschih-iz-sluzhebnyh-slov>

Shchurina Yu. V. Internet-memy: problema tipologii // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 6 (59). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-problematipologii>

©Бубнова И.А., 2020

Бубнова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной филологии. Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Адрес: 129226, Россия, Москва, ул. 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

E-mail: aribubnova@gmail.com

Bubnova Irina Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Philology. Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia)

ВЕПРЕВА И.Т.

г. Екатеринбург, Россия

irina_vepreva@mail.ru

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-07

ДИАЛОГ ВЗРОСЛОГО С РЕБЕНКОМ: ПОДШУЧИВАНИЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПАТЕРНАЛИСТСКОГО СТИЛЯ ОБЩЕНИЯ¹

Аннотация. На материале воспитательного диалога взрослых с ребенком охарактеризована прагматическая составляющая данной разновидности повседневного семейного общения. Представлен анализ ситуации подтрунивания, поддразнивания, подшучивания над ребенком, основанной на статусном доминировании взрослого. Ситуация подшучивания рассмотрена как разновидность патерналистского коммуникативного стиля общения взрослых с детьми. Рассмотрены три фрагмента подшучивания, направленные на ребенка. Подтрунивание относится к разновидности мягкой насмешки, доброй иронии, находящейся на градуальной шкале иронической оценки в ее положительной части. Добрая ирония направлена на налаживание отношений и сокращение дистанции. Хотя при общении с ребенком подшучивание может носить деструктивный характер.

Ключевые слова: семейный дискурс, стратегии общения с ребенком, патерналистский коммуникативный стиль, аффилиативный юмор, подшучивание.

VEPREVA IRINA

Ekaterinburg, Russia

DIALOGUE BETWEEN ADULT AND CHILD: BANTING AS VARIETY OF PATERNALISTIC COMMUNICATION STYLE

Abstract. On the basis of the educational dialogue between adults and a child, the pragmatic component of everyday family communication variety is described. The analysis of the situation of joking, teasing and bantering a

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)»

child based on the status dominance of an adult is presented. The situation of bantering is considered as a kind of paternalistic communicative style between adults and children. Three fragments of bantering directed at the child are examined. Bantering refers to a kind of soft teasing, good irony which is on the grading scale of the ironic score in its positive part. Good irony is aimed at building relationships and reducing distance. At the same time, while communicating with a child bantering can be destructive.

Keywords: family discourse, strategies for communicating with a child, paternalistic communicative style, affiliate humor, bantering.

Эмпирической основой исследования стали тексты записей речевого быта семьи в рамках научного проекта гранта РФФИ № 18-012-00382. Процедуру лингвоаксиологического анализа разговорного диалога предваряет социолингвистическая паспортизация участников коммуникативного события, в том числе относительно их взаимных отношений (возрастных, родственных и др.), которая определяет общую модальность ситуации общения и характер коммуникации. Объектом наших наблюдений стал разговор взрослых с детьми как особой формы «педагогического воздействия, нацеленного на социализацию ребенка, его характеризует статусная асимметрия участников (взрослый – ребенок), жанровое и стилевое своеобразие общения, которое инициируется и направляется воспитателем» [Ильинова 2019: 150].

Разговор взрослого с ребенком представляет особый регистр общения, получивший название *child oriented speech* (речь, ориентированная на детей). Взрослый, в процессе общения обращающийся к ребенку, бессознательно переключается на иной код, связанный с совокупностью приемов, демонстрирующих ту или иную стратегию «взрослоцентризма». Эти приемы обобщает М.А. Кронгауз [Кронгауз: электронный ресурс], связывая их с определенными стратегиями общения с ребенком, с особым взглядом на него. Перечислим их.

Первый прием имитации – это попытка подражания ребенку, сюсюканье. В нем реализуется стратегия присоединения к ребенку, она характерна для игровых ситуаций. Второй прием отчетливой речи, упрощения языка (четкое произношение слов,

упрощенный синтаксис, выделение важных элементов языка) характерен для стратегии педагога, обучающего ребенка языку. Третий прием использования приятных вещей в языке (певучей интонации, уменьшительных суффиксов) типичен для патерналистской стратегии: это взгляд большого существа, защищающего существо маленькое. М.А. Кронгауз делает вывод: «Это очень важные способы приближения ребенка ко взрослому миру. Или, наоборот, <...> приближения взрослого мира к ребенку» [там же].

Названные приемы не исчерпывают всех коммуникативных стилей общения с детьми. Предметом нашего анализа является прием подшучивания, подтрунивания, поддразнивания, характерный для общения взрослых с детьми. На наш взгляд, речевая манера подшучивания – это типичный патерналистский подход взрослого к ребенку – снисходительный, дружелюбный, покровительственный.

Приведем полностью разговорный текст, который рассмотрим с точки зрения коммуникативного стиля подшучивания.

Место и время действия:

19 июля 2018 года. Разговор на даче за завтраком.

Коммуниканты:

М. – пенсионер, 93 года, приехал на месяц в гости к дочери из Израиля.

Е. – пенсионерка, 65 лет, дочь М., бывший педиатр

Р. – дочь Е., 41 год, учитель английского языка в средней школе

Л. – внук Е., племянник Р., школьник, 12 лет

А. – внучка Е., племянница Р., 4 года

М. Вот / это стуженное молоко / берут молоко / с сахаром / и / и его вываривают / и оно стужается / поэтому называется стуженное молоко / или сокращенно стуженка / да?

Е. (*посмеивается*)

М. Вот сидит моя девчонка /

Е. Она кушает стуженку /

М. Вкусно? / ты любишь олады? //

А. Угу ///

(*Все едят*)

М. Как она похожа на Ленку (*о девочке*) / глаза прямо Ленкины //
эх / и пальчики как у Ленки (*смеется*)

Е. Тебе сколько лет-то уже?

А. Сетыле [четыре]

Е. (*удивленно*) Четыре? / А скоро будет?

М. Восемь /

А. Пять /

Л. Да не скоро //

М. Мне пока четыре / скоро будет восемь /

Е. Скоро восемь / а пока три //

М. Да-а //

А. Нет / мне четыре / (*расстроено*) / а скоро будет пять / а не восемь!

Е. Пять / Да нет это такая шутка // Чё плакать-то сразу / ну что ты сразу плачешь?

А. (*сквозь слезы*) Остальные / после четыре [сетыле] будет восемь

Е. А нам уже не будет четыре / к сожалению // самим // самим

Р. (*посмеиваясь, перебивая*) И восемь / что характерно тоже //

М. (*считает*) Три и раз // один / ра-ра-раз / один / один-один / два / три //

Л. Восемь!

М. Четыре / пять / шесть / [сем] / восемь

А. У меня пять карт //

М. А у меня восемь //

Е. (*смеется*)

А. Ну-ка дай посчитаю //

М. Не у всех бывает восемь / только у некоторых пять / а у некоторых шесть //

Р. А у некоторых особо просветленных по восемь /

М. Ой-ой / ты меня запачкала сгущенкой / Теперь у меня всё / весь палец стал сладкий // (*М. чмокает губами, облизываясь*)

Е. и А. смеются.

М. Очень сладкий палец стал //

Е. Кто у нас тогда смеялся? / Гриша? / Помнишь мы / записывали / как он хохотал у тети Евы на столе / маленький / и хохотал просто до / Гришка?

М. Кушай //

Р. Не / не помню //

М. (*говорит о игрушке*) Ты куда / это туда? / Туда его? // И он тогда тррр!

- А. Не //
- М. Вот сюда?
- А. Вот так / его так //
- М. Живот? А дальше куда?
- А. Вот сюда //
- М. А чё у тебя там? Механизм какой-то?
- А. Нет //
- М. А что там?
- А. Живот //
- М. Живот? / Так живот это вот это // А там-то внутри что? // Живот / это вот это //
- Е. Скажи «желудок» //
- М. А там что?
- А. Желудок //
- М. Желудок / да //
- А. А вот это / это [глудь] //
- Е. Это «глудь» /
- Е. и Р. громко смеются*
- М. Что?
- Р. Это «глудь» //
- М. Что сказала?
- Е. (*смеясь*) «Глудь!» // Это «глудь»!
- Р. и Е. (*одновременно*) Грудь /
- Е. Грудь / Ну /
- М. Где грудь? /
- Е. (*смеясь*) Это «глудь» /
- М. А-а / это грудь? // да
- Е. (*посмеиваясь*) «Глудь»
- А. Не-ет / вот э-это! /
- М. Это шея /
- Р. (*перебивая*) Это горло!
- М. (*показывая*) Это грудь
- А. Нет около шеи!
- Е. Это горло / горло это / горло да?
- Л. Аня / смотри //
- Е. Там горло?
- Р. (*тихо*) Запутали / запутали девку
- Е. Пониже грудь / «глудь» // (*посмеивается*)
- Л. А вот тут / у тебя горло //
- Е. Вот это горлышко / да?

А. Это ше-ея!

Е. Шея / а там внутри горлышко //

М. Ну ладно Ань / малышка говорит / отпускайте //

А. Го[л]ло / это вот здесь // вот здесь / го[л]ло //

Е. (*смеется*) «[Л]азбойники во[л]ы у[л]оды» примерно тоже самое // Кто говорил / «Разбойники / воры / уроды / и собака не той породы»?

М. (*увидев олады*) Это / Это что у вас там такое? // Это кто это принес? // Ах! / Ой //

Р. Что там?

М. Кто это принес? // А? // Вот это кто принес?

Р. и Е. *посмеиваются*

Р. Подожди //

А. Кто принес?

М. Я хотел съесть //

Е. Дедушка хотел у тебя забрать оладушку //

М. Думал / ты отвернешься / а я ам / и съем //

А. Нет / сам отво[л]ачивайся / бери в [л]уку оладушки и отво[л]ачивайся //

Е. Так оладушку-то бери /дедушка //

М. Кушай-кушай //

Р. Дедушка /

Е. Все кушай-кушай //

М. Я уже поел оладий! / Всё-всё поел / всё поел //

Весь текст составляет один ценностно-коммуникативный диалог, который иллюстрирует общение взрослых с ребенком 4-х лет. Во всем тексте присутствует эмоционально-положительное отношение к маленькой внучке. Наблюдается эмоциональное благополучие в процессе межличностного взаимодействия взрослых, активность ребенка в общении.

Данный разговорный диалог можно разбить на три фрагмента, которые объединены общей юмористической тональностью – попыткой отойти от серьезного разговора с ребенком, сократить дистанцию между незнакомым родственником и ребенком (дедушка приехал в гости и был не знаком с правнучкой). Юмор, направленный на взаимодействие с другими, носит название аффилиативного юмора, см. классификацию стилей юмора [Мартин 2009]. Данный стиль юмора относится к бессознательной склонности индивидов «добродушно подшучивать с

целью развлечь других людей, а также установить дружеские отношения, ослабить напряжение в межличностных отношениях» [Буенок 2012: 63].

Хотя аффилиативный юмор характеризуется как доброжелательный и толерантный, но по отношению к ребенку, являющемуся объектом шутки, может носить деструктивный характер. Он вызывает дискомфорт и обиду, когда ребенок не понимает шутки.

Рассмотрим первый фрагмент диалога, где взрослые создают определенный подсценарий игры с помощью тактики притворного удивления. В центре диалога ложное и парадоксальное рассуждение о том, что после пятилетнего возраста сразу идет восьмилетний. В точке пунты – ключевого момента любой шутки – дается информация, вступающая в противоречие с истинным счетным порядком. Восприятие ребенком неожиданно-го противоречия оборачивается для него психологической травмой, он плачет. Добрая ирония со стороны взрослого, мягкая насмешка на фоне симпатии, направленная на налаживание отношений, оборачивается неосознанным презрением взрослого к той естественной слабости, которая присуща малышам, не умеющим принять принцип предложенной игры. Взрослый в данной ситуации винится, пытается успокоить малыша:

Е. Скоро восемь / а пока три //

М. Да-а //

А. Нет / мне четыре / (*расстроено*) / а скоро будет пять / а не восемь!

Е. Пять / Да нет это такая шутка // Чё плакать-то сразу / ну что ты сразу плачешь?

А. (*сквозь слезы*) Остальные / после четыре [сетые] будет восемь

Типичное для взрослых подшучивание над детьми имеет, по мнению исследователей, терапевтический эффект – снижает чувствительность к несправедливости мира, повышает параметры иммунитета, вырабатывает способы специфической психологической защиты. Хотя ряд исследователей-психоаналитиков встают на сторону ребенка, обвиняют взрослых в том, что «родители воспитывают детей, как государи управляют народами»,

утверждая: «Взрослый возмущается при мысли, что ребенок и он – равны» [Дольто 1997: 15].

Тем не менее известно, что жанр черного юмора впервые появился именно в детской литературе. Начало развития жанра связывают с книжкой немецкого поэта-сказочника Генриха Гофмана, включающей назидательные истории для детей под названием «Struwwelpeter» (в России сборник опубликован в 1849 году под названием «Степка-растрепка») [Кузовникова 2017]. Черный юмор переводит страх в разряд повседневных ощущений, повышает способность ребенка владеть собой в ситуации страха. См., например стереотипные шутки-страшилки взрослых, обращенные к детям: *Будешь много сладкого есть, попа слипнется; Не ешь так много мороженого: пукнешь – ноги отморозишь; Будешь шалить, ноги выдерну – спички вставлю; Будешь ковырять в носу – палец сломаешь* и т.д.

Второй фрагмент диалога связан с речевым подтруниванием взрослых над картавостью девочки. Детская речь представляет собой интереснейший феномен отклонения от фонетической нормы, см. об этом, например: [Воейкова, Чистович 1994; Лысенко 2004]. Выбранный маркер имитации детской речи – неправильное произношение звука *p* – обыгрывается взрослыми без участия ребенка, но доставляет самим взрослым эмоциональное удовольствие. Речевое подтрунивание над ребенком, не обладает агрессивным потенциалом, воспринимается как особая кооперативная форма речевой игры, укрепляющая взаимоотношения коммуникантов и объединяющая их [Dunel 2008].

Третий фрагмент диалога связан с жанром шутливой угрозы:

Е. Дедушка хотел у тебя забрать оладушку //

М. Думал / ты отвернешься / а я ам / и съем //

А. Нет / сам отво[л]ачивайся / бери в [л]уку оладушки и отво[л]ачивайся //

Угроза – речевой акт, в котором говорящий заявляет о намерении нанести адресату тот или иной ущерб. Жанр шутливой угрозы от реальной отличается своей тональностью, которая

носит переакцентуированный характер². Ребенок оказался знаком с такой переацентуализацией угрозы и правильно на нее реагирует.

Подведем итоги. В представленном для анализа тексте выполняется дидактическая задача семейного общения – взрослые постоянно обращаются к ребенку со словесными высказываниями и требуют речевой реакции, что заставляет ребенка овладевать речью. Перед нами разговор, связанный с внеситуативной формой общения, – это общение, содержание которого выходит за пределы воспринимаемой ситуации, взрослые спрашивают о возрасте, о строении игрушки, расширяя представление ребенка о мире. Ребенок стремится к своеобразному «теоретическому» сотрудничеству со взрослыми, выражающемуся в совместном обсуждении явлений предметного мира.

Помимо такой общей характеристики взаимодействия взрослых с ребенком раннего возраста, создающего благоприятные возможности для продуктивного развития ребенка, текст также демонстрирует статусную асимметрию взрослого и ребенка, которая эксплицитно получает отражение в стилевом своеобразии анализируемого общения: оно шутливо-снисходительное, проявляющееся в передразнивании неправильно произнесенных ребенком слов, в игровой ситуации неправильного подсчета лет ребенка, в шутливой угрозе съесть ее оладушки. Данный патерналистский коммуникативный стиль – доброй иронии и снисходительной мягкой насмешки – типичен для русского семейного взаимодействия.

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

Буенок А.Г. Психологический анализ предпочитаемых стилей юмора в управленческой деятельности // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. – С. 60–64.

² Впервые о переакцентуации заявил М.М. Бахтин, отмечавший, что любую жанровую форму можно «употребить с пародийно-иронической переакцентуацией» [Бахтин 1979: 259].

Воейкова М.Д., Чистович И.А. Первые слова русского ребенка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. 1994. №5. С. 94–112.

Дольто Ф. На стороне ребенка: монография. / пер. с фр. Е. В. Боевской, О. В. Давтян. – СПб., 1997.

Ильинова Е.Ю. Прагматика коммуникативной тональности в стилистике англоязычного воспитывающего диалога // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание, 2019. Вып. 18, №1. С.148–158.

Кронгауз М. Разговор с детьми и о детях [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/video/82973>

Лысенко А.И. Формирование фонемной структуры слова в детской речи // Детская речь как предмет лингвистического исследования: матер. междунар. конф. Санкт-Петербург, 31 мая — 2 июня / отв. ред. С. Н. Цейтлин. – СПб., 2004. – С. 156–158.

Мартин Род А. Психология юмора / пер. с англ. под ред. Л.В. Куликова. – СПб., 2009.

Кузовникова Е.Г. Черный юмор в межкультурной перспективе (сопоставительный анализ тематической составляющей немецкого и русского черного юмора) // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий 2017: сб. статей XV-го Междунар. лингв. семинара / под ред. Л.Н. Ягуповой. – Донецк, 2017. С. 134–138.

Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // *Lodz Papers in Pragmatics*. 2008. Vol. 4, № 2. – P. 241–261.

REFERENCES

Bahtin M.M. Problema rechevyh zhanrov // *Estetika slovesnogo tvorchestva*. – М., 1979.

Buenok A.G. Psihologicheskij analiz predpochitaemyh stilej yumora v upravlencheskoj deyatel'nosti // *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*. 2012. № 45. – S. 60–64.

Voejkova M.D., Chistovich I.A. Pervye slova russkogo rebenka // *Byulleten' foneticheskogo fonda russkogo yazyka*. 1994. №5. – S. 94–112.

Dol'to F. Na storone rebenka: monografiya. / per. s fr. E. V. Boevskoj, O. V. Davtyan. – СПб., 1997.

I'lnova E.Yu. Pragmatika kommunikativnoj tonal'nosti v stilistike angloyazychnogo vospityvayushchego dialoga // *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2019. Vyp. 18, №1. – S.148–158.

Krongauz M. Razgovor s det'mi i o detyah [Elektronnyj resurs]. URL: <https://postnauka.ru/video/82973>

Lysenko A.I. Formirovanie fonemnoj struktury slova v detskoj rechi // *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo issledovaniya: mater.*

mezhdunar. konf. Sankt-Peterburg, 31 maya — 2 iyunya / otv. red. S. N. Cejtin. – SPb., 2004. – S. 156–158.

Martin Rod A. Psihologiya yumora / per. s angl. pod red. L.V. Kulikova. – SPb., 2009.

Kuzovnikova E.G. Chernyj yumor v mezhkul'turnoj perspective (sopostavitel'nyj analiz tematicheskoy sostavlyayushchej ne-meckogo i russkogo chernogo yumora) // Sopostavitel'nye i diahronicheskie issledovaniya yazykovyh edinic i kategorij 2017: sb. statej XV-go Mezhdunar. lingv. seminaru / pod red. L. N. Yagupovoj. – Doneck, 2017. – S. 134–138.

Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // Lodz Papers in Pragmatics. 2008. Vol. 4, № 2. – P. 241–261.

©Вепрева И.Т., 2020

Вепрева Ирина Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51.

E-mail: Irina_vepreva@mail.ru

Vepreva Irina Trofimovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication. Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).

ВИДАНОВ Е. Ю., МУЛЬ И. Л.

г. Омск, Россия

vidanovv@yandex.ru

mul.alex@mail.ru

81:38

DOI 10.26170/ufv20-02-08

КУРКУЛИЙ, КОТИЙ, ЗАЛАЗИЙ И ДРУГИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОВРЕМЕННЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ СИСТЕМ (К ВОПРОСУ О МИРОМОДЕЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ)

Аннотация. Представленная статья посвящена феномену языковой игры в её миромоделирующей функции. На основе лингвокультурологического анализа игровых словообразовательных инноваций, созданных по аналогии с названиями химических элементов, входящих в Периодическую таблицу Менделеева, авторы развивают теорию о том, что говорящий (человек играющий) создаёт специфическую игровую реальность. В этой реальности отражаются наиболее значимые для сознания говорящего представления об окружающем мире: о полезной и вредной еде, о банковских услугах, об общественных группах, о домашних любимцах и др. Именно Периодическая система химических элементов в такой игре выступает матричной основой для упорядочивания ключевых реалий вещного мира.

Ключевые слова: языковая игра, периодическая таблица, словообразовательная деривация, прототип.

Vidanov Evgeny, Mul Irina

Omsk, Russia

KURKULIY, KOTIY, ZALAZIY AND OTHER ELEMENTS OF MODERN PERIODIC SYSTEMS (REVISITING THE WORLD-MODELING FUNCTION OF A LANGUAGE GAME)

Abstract. The presented article deals with the phenomenon of the language game in its world-modeling function. Based on the linguoculturological analysis of gaming word-formation innovations, created by analogy with the names of chemical elements included in the periodic table, the authors develop the theory that the speaker (the person playing)

creates a specific gaming reality. This reality reflects the most significant ideas for the speaker's consciousness of the world around us: about healthy and unhealthy food, about banking services, about social groups, about pets, etc. It is the Periodic System of Chemical Elements in such a game that acts as the matrix basis for streamlining the key realities of things of the world.

Keywords: language game, periodic table, word-forming derivation, prototype.

2019 год стал особенным для мирового научного сообщества: исполнилось 185 лет со дня рождения великого химика Дмитрия Ивановича Менделеева и 150 лет его гениальному открытию – Периодическому закону, нашедшему воплощение в Периодической таблице химических элементов. Без сомнения, вклад Менделеева в фундаментальную науку невозможно переоценить, поскольку без Периодической системы трудно представить не только современное естествознание – химию, биологию, физику, но и – что удивительно – гуманитарные науки. В данной работе представим наши наблюдения относительно того, как открытие Менделеева оказалось востребованным в современном лингвокреативном пространстве.

Лингвистическое сознание при обращении к Периодической таблице (далее – ПТ) невольно фокусируется на принципах, служащих основой номинации для химических элементов. *Рентгений, резерфордий, эйнштейний, коперниций, нихоний, франций, московий...* – во всём многообразии наименований легко опознать «человеческое начало», связанное либо с именем учёного, имя которого увековечено в ПТ, либо с географическим объектом (городом, страной), являющимся родиной нового элемента. Указанный факт закреплён в основополагающих лингвистических трудах, посвященных описанию системных закономерностей русского языка. В частности, словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, фиксируя словообразовательный суффикс *-ий*, определяет его значение следующим образом: «*химический элемент, содержащийся в том, что названо мотивирующим существительным, а также получивший наименование в честь учёного или страны, континента, области, планеты,*

названных мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016: 357]. Отмечается продуктивность словообразовательного типа с участием данного суффикса в химической терминологии.

Таким образом, у ПТ, помимо удивительных характеристик, являющихся базовыми для химии и её «научных спутников», обнаруживается не менее впечатляющая лингвистическая сторона: таблица открыта для творческой деривации, связанной с человеком и его многомерным бытием. Одной из сторон этого существования, наряду с серьёзным, официальным, научным, является вполне закономерное желание человека говорящего перенестись в «игровые миры» [Тендрякова 2015] с их фантазийностью, яркостью, нетривиальностью. Подхватив лингвокреативные принципы ПТ, знакомые всем нам со школьной скамьи («*Кюрий в честь Кюри, нобелий в честь Нобеля, индий в честь Индии*»), человек начинает преобразовать будничное течение своей жизни, и результатом этой деятельности становятся такие номинации: *курукулий, возъмитий, подматрасий, безтёщий, когданадий* (реклама банковских продуктов); *закусoids, опохмелоиды* (периодическая система алкогольных элементов); *похудиды, антипохудиды* (элементы таблицы стройности); *залазий, ихний, однаждий, беспонятий* (элементы периодической таблицы выражений), *котий, котоводород, котоватая кислота, оксид котия, поликотилен, котольное кольцо* (система элементов кошачей жизни) и мн. др.

В представленной пёстрой картине новообразований очевидными являются две доминанты: с одной стороны, явно вычленяется базовый принцип ПТ, связанный с номинацией тех или иных фрагментов «очеловеченной» реальности, с другой стороны, прослеживается желание говорящего систематизировать в игровом (смеховом) ключе привычные объекты окружающего мира с помощью имеющейся в его сознании структуры: ПТ выступает матричной основой для упорядочивания вещного мира в самом широком смысле: алкогольных напитков и закусок, политиков и литераторов, банковских услуг и даже домашних любимцев.

Обратимся к рассмотрению лингвокреативных техник (см.: [Гридина 2018: 36-48]), лежащих в основе каждой из представленных смеховых систем.

1. Название единиц системы банковских элементов (рекламная кампания СКБ-банка, позиционирующего себя, кстати говоря, «первым национальным банком с чувством юмора»). Сюда входят такие номинативные группы: *всенародий* (автономинация СКБ-банка), *когданадий*, *возьмитий*, *хочушубий* (потребительские кредиты), *безтёций* (ипотечный кредит), *куркулий*, *подматрасий*, *валидолий* (депозитные вклады), *расчётый*, *оборотий* (услуги для бизнеса), *послатий* (денежные переводы) и т.д. В представленных группах, помимо прецедентной словообразовательной модели (производящая база + суффикс *-ий*), актуализируются также другие важнейшие элементы рекламного послания как поликодового сообщения: графически название элемента *безтёций* выглядит как m^2 , что в имликатуре отсылает нас к обозначению квадратного метра как единицы измерения площади, в том числе жилой. Учитывая, что в названии элемента заложено представление о теще, которая в русской лингвокультуре традиционно выступает как антагонист зятя, мы понимаем, что рекламный призыв адресован конкретному объекту: мужчине, который в силу обстоятельств проживает с женой на жилплощади тещи и, возможно, вместе с ней. Отсюда легко считываемый прагматический посыл: «возьми кредит в нашем банке, купи свою квартиру и сделай свою жизнь не отягощенной присутствием тех, кого ты не желаешь видеть постоянно».

Гендерно симметричным предыдущему выглядит рекламное сообщение, в центре которого номинация *хочушубий* (*Хо*), связанная с обыденными потребностями женщины в семье: именно она, желая выглядеть не хуже других, просит мужа купить ей шубу. В данном случае, как и во всей представленной рекламной кампании, банк выступает в качестве некой «золотой рыбки», которая способна удовлетворить любые «хочу» близкого вам человека и вас самих.

2. Примыкает к предыдущей группе система номинаций, условно называемая нами как «*котосфера*» и включающая в себя

словообразовательные дериваты с исходным «кот» в основе, которые ассоциативно отсылают нас к химической терминологии. *Котий* как ядерная часть бытия любителя кошек, *котольное кольцо* (ср. бензольное кольцо), *котильовый ангидрид* (ср. малеиновый ангидрид), *поликотилен* (ср. полиэтилен), *котан* (ср. этан, пропан), *котоводород* (ср. сероводород), *котоватая кислота* (ср. серноватая кислота) и т.д. Каскад номинаций в «котосфере» обусловлен, на наш взгляд, желанием показать, что кот заполняет все сферы жизни своего хозяина, как и химические элементы и их комбинации формируют нашу вселенную.

3. Желание упорядочить ключевые сферы бытия приводит человека играющего к тому, что он использует ПТ с её разветвлёнными внутренними связями и зависимостями в качестве особого прототипа для систематизации своих представлений об этих сферах. Так, как известно, алкоголь и представления о нём формируют особо значимый сегмент в русской языковой картине мира. Существуют стереотипные мнения о том, что русские любят выпить и закусить, если пьют, то много и шумно, после этого, как правило, борются с последствиями в виде похмелья и т.д. Закономерным в этой связи представляется появление таких прозрачных по форме и содержанию конструкторов, как «Периодическая система алкогольных элементов С. В. Емцова – Менделеева», «Периодическая система употребления», «Периодическая система пищевых продуктов сайта “Азбука стройности”».

Особенностью описываемых образований является то, что в них присутствуют порождённые, в том числе на основе имитации, обозначения элементов с помощью латинской графики: *Li* – ликёр (ср. *Li* – литий), *Na* – наливка (ср. *Na* – натрий), *Si* – сидр (ср. *Si* – кремний), *Xe* – херес (ср. *Xe* – ксенон); *Sh* – шампанское, *Vm* – Букет Молдавии, *Ov* – огненная вода, *Dn* – денатурат и т.д. Кроме того, таблицы, содержат элементы, объединенные в группы, классы: *закусойды* (*Sr* – сырок, *Re* – редька, *Hr* – хрен, *Dr* – дунькина радость, *Sm* – семечки и т.д.), которые выступают в качестве возможной закуски (ср. *лантаноиды*), *опохмелойды* (конечно же, *Rs* – рассол, *Kv* – квас, *Bo* – борщ, *Ku* – кумыс, *Kc* – капельница и мн. др., проверенное нашим народом на практике),

которые служат надёжным средством избавления от похмелья (ср. *актиноиды*). Размещение элементов в такой табличной форме можно назвать прецедентным и в лингвистическом отношении: вертикали и горизонталы выступают в качестве некой аналогии парадигматических и синтагматических отношений в системе языка и речи.

Смеховой характер созданных умелым креатором табличных инноваций подкрепляется прямым обращением к зрителю (пользователю) в расчёте на его одобрительную реакцию, ср.: *«Многие слышали, что Менделееву его таблица приснилась, но мало кто знает, что однажды в пятницу ему приснилась ещё одна... Стань отважным исследователем базовых элементов мира радости и веселья!»*

Аналогичным образом располагаются элементы «Азбуки стройности», в которую входят такие единицы: *Rb* – рёбрышки, *Y* – ириски, *Nb* – ножка барашка, *Tc* – тушёнка свиная, *C* – цыпята табака, *Mn* – майонез, *P* – пельмени и мн. др. Особое место в «Азбуке...» занимают *похудиды* и *антипохудиды*, среди которых выделяются: *Tb* – тренировка брюшного пресса, *Sm* – сантиметровая лента, *Yb* – улыбка, *Lu* – любовь, *Gd* – главное – дневник питания и т.д. и их антиподы: *Fm* – фильмы с попкорном, *Es* – ежедневные слабительные, *Np* – нерегулярное питание, *Lw* – ленивые выходные и т.д.

Примечательно, что подобные механизмы упорядочивания могут быть применимы практически к любой сфере человеческого бытия в случае умелого использования их креативным продуцентом. Так, в интернет-пространстве игровым образом классифицируются: политики (среди них выделяются старожилы политического бомонда и новички, тяжёлые металлы и инертные газы); бизнесмены (с включением в таблицу группы регионоидов) и даже ключевые представители мировой литературы и культуры.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что результатом игровой лингвистической рефлексии стало табличное представление ошибок, распространенных в повседневной русскоязычной коммуникации: *Zl* – залазий, *Vp* – впринципи, *Ix* – ихний, *Ex*

– ехай, *Vk* – вкраций, *Zm* – заместо, *iT* – и-тогдалие, *Po* – пока-мись, *Vi* – болие мение, *Vd* – взде, *Kl* – калидор, *Bs* – беспоня-тий, *Kz* – кокраз и мн. др. Данная система имеет говорящее на-звание – *Периодическая таблица выражений*, что можно интер-претировать также в смеховом ключе: «периодически наш чело-век так выражается». Можно предположить, что первыми эле-ментами этой системы были слова с финалью *-ий*: *залазий*, *лутыший*, *выпий*, *евоиний*, *однаждый* и под., которые своей внешней формой обеспечили аллюзивную отсылку к теме хими-ческих элементов и к ПТ. Позже в эту систему стали вписывать-ся и другие речевые аномалии, что и привело к формированию квазипериодической системы.

Подводя итоги, позволим себе высказать утверждение о том, что в системе представлений и знаний современного человека о мироздании открыт великим Менделеевым закон занимает важнейшее место: воплощенная в табличной форме информация о строении вселенной вовлекает человека в творческое взаимо-действие с этой вселенной, позволяя разумному индивиду соз-давать многое, в том числе и игровое инобытие.

Литература

Гридина Т.А. Реклама как игровой текст: прагматика кодов языко-вой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятель-ности. 2018. №16. – С. 36-48.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные проекции слова в игровом медиатексте // Психолингвистические аспекты изучения рече-вой деятельности. 2019. №17. – С. 73-93.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык. Слово-образование: теория, алгоритмы анализа, тренинг. – М., 2007.

Лопатин В. В., Удханов И. С. Словарь словообразовательных аф-фиксов современного русского языка. – М., 2016.

Тендрякова М. В. Игровые миры: от homo ludens до геймера. – М.; СПб., 2015.

REFERENCES

Gridina T.A. Reklama kak igrovoj tekst: pragmatika kodov yazykovoj igry // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2018. №16. – S. 36-48.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Associativnye proekcii slova v igrovom mediatekste // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2019. №17. – S. 73-93.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovanie: teoriya, algoritmy analiza, trening. – M., 2007.

Lopatin V. V., Uluhanov I. S. Slovar' slovoobrazovatel'nyh affiksov sovremennoogo russkogo yazyka. – M., 2016.

Tendryakova M. V. Igrovye miry: ot homo ludens do gejmera. – M.; SPb., 2015.

©Виданов Е.Ю., 2020

©Муль И.Л., 2020

Виданов Евгений Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного. Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, 205.

E-mail: vidanovv@yandex.ru

Муль Ирина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного. Омский государственный педагогический университет.

Адрес: 644043, Россия, г. Омск, ул. Партизанская, 4 а, 205.

E-mail: mul.alex@mail.ru

Vidanov Evgeny Yurievich – Candidate of Philology, Docent, Head of the Department of Russian as a Foreign Language. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

Mul Irina Leonidovna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Russian as a Foreign Language. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia).

ГОЛОВАНОВА Е.И.

г. Челябинск, Россия

ligol@csu.ru

81'1

DOI 10.26170/ufv20-02-09

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация. В статье анализируются проявления лингвокреативной деятельности в сфере профессиональной номинации, делается обзор характерных тенденций и способов создания инноваций в профессиональных сферах языка. Автором рассматриваются явления антропоморфизации и зооморфизации специальных объектов, закрепленные в профессионализмах и профессиональных жаргонизмах, а также примеры реализации метафоры овеществления в профессиональной среде. Особое внимание уделяется процессам вторичного семиозиса на основе паронимической аттракции, а также особенностям корреляции общего и специального, конкретного и абстрактного в профессиональных наименованиях. Утверждается, что большая часть профессионализмов и профессиональных жаргонизмов в той или иной мере обладает уникальностью и лингвокреативным потенциалом.

Ключевые слова: профессиональная номинация, лингвокреативная деятельность, ассоциативный потенциал слова, профессиональная речь, профессиональное сознание, вторичный семиозис.

GOLOVANOVA ELENA

Chelyabinsk, Russia

LINGUISTIC AND CREATIVE NATURE PROFESSIONAL NOMINATIONS

Abstract. The article analyzes the manifestations of linguocreative activity in the field of professional nomination, provides an overview of the characteristic trends and ways of creating innovations in professional areas of the language. The author considers the phenomena of anthropomorphization and zoomorphization of special objects, fixed in professional and professional jargon, as well as examples of the implementation of the metaphor of reification in the professional environment. Special attention is paid to the processes of secondary semiosis based on paronymic

attraction, as well as to the peculiarities of correlation between General and special, concrete and abstract in professional names. It is argued that every professionalism and professional jargon in one way or another has the uniqueness and linguistic and creative potential.

Keywords: professional nomination, linguistic and creative activities, the associative potential of speech, professional speech, professional consciousness, secondary semiosis.

Профессиональная номинация относительно редко становится объектом лингвокреативных исследований (см., например: [Захаров 2006]; [Коровушкин, Чиршева 2016]; [Царева 2017]). Однако, как и в любой номинативной деятельности человека, здесь присутствуют многочисленные случаи нестандартного употребления языка, в том числе основанные на использовании ассоциативного потенциала слов. С помощью таких единиц профессионалы «оживляют» монотонность повседневности, преодолевают гравитацию социальной обыденности. В подобных экспериментах не только раскрываются потенциальные возможности языка, но и реализуются эстетические потребности представителей социально-профессиональных групп, воплощается их интерес к словесной форме и языковому выражению.

Чаще всего в наименованиях, возникших в профессиональной среде, актуализируется антропоморфная метафора: неживые предметы и явления осмысляются через представление о человеке, его телесной сущности, деятельности, особенностях поведения и т.д.

Парадоксальной оказывается сама связь между называемым предметом и обобщенным лицом, имя которого используется в процессе вторичного семиозиса. Так, например, в речи промышленных рабочих используется профессионализм *теща* как обозначение кувалды. Причем, в некоторых трудовых коллективах наряду с этим наименованием функционирует и другое – *свекровка*. И если под названием *теща* подразумевается кувалда массой 8 кг, то *свекровкой* названа кувалда тяжестью 15 кг. Общим является то, что основой для переосмысления в обоих примерах служат названия некровного родственника (родственницы), каждое из которых обладает этнокультурной значимостью.

Любопытно, что в речи водителей-дальнобойщиков обозначение *теща* закрепилось за длинномерным многоосным прицепом, а в коммуникации сотрудников театра *тещей* называется большой железный груз, которым придавливают лишний край кулис, чтобы тот не колыхался. Как видим, основанием для номинации специальных предметов во всех случаях стало представление о чем-то обладающем значительной массой, не очень удобном в использовании, а главное – требующем внимания и приложения сил (терпения, физических усилий и т.п.).

Целый ряд специальных объектов в разных областях профессиональной деятельности (но чаще всего в сфере транспорта) соотносится с образом человека, о чем можно судить по следующим наименованиям: *бродяга* – судно, перевозящее случайные грузы; *торгаш* – коммерческое торговое судно; *барыга* – электропоезд; *глухонемой* – грузовик, не оборудованный рацией. Обращает на себя внимание, что специальный объект в приведенных примерах наделяется свойствами человека – самостоятельностью и активностью, что в целом довольно типично для русского языка (ср. *автопогрузчик*, *распределитель*). Нестандартность номинации в данных случаях связана с наделением транспортных средств «человеческим характером»: склонностью к бесцельному перемещению, стремлением к извлечению выгоды, к накопительству – либо с приписываемой этим предметам спецификой восприятия и коммуникации (отсутствие слуха и членораздельной речи) с точки зрения привычного для мира людей положения дел.

Интерес в аспекте лингвокреативности, на наш взгляд, представляют такие профессионализмы, как *солдат* – фотоаппарат, который долго и безотказно служит (фотогр.); *мамочка* – скрытый ярлычок на одежде, где содержатся сведения о стране-производителе и другая информация (торг.); *дурак* – мяч, случайно забитый в кольцо (в баскетболе); *соседи* – фальшивые ноты (муз.). В каждом из этих примеров устанавливается оригинальная связь между референтами исходного и вторичного наименования: способность преданно служить, отношение к появ-

лению чего-либо, отсутствие логики (причинно-следственных отношений), близость, но не тождество явлений.

Материальной основой для наименования неживых предметов в профессиональной среде могут быть не только нарицательные имена людей, но и антропонимы, например: *мазеп* – автомобиль марки МАЗ; *захар* – грузовик марки ЗИС (в речи водителей). В данных примерах наблюдается ассоциативная связь между кодифицированным обозначением специального объекта и его неофициальным именем, что проявляется на фонетическом уровне. Наиболее ярко подобную связь демонстрируют лексические единицы, бытующие в устном медицинском дискурсе: *Настя* – анестезия (*нюхнуть Настю* – получить анестезию), *Дашка* – дропиридол, *Анна Дмитриевна* – сочетание анальгина с димедролом, *Дуська* – седуксен, *Галочка с Фенечкой* – комбинация препаратов галоперидола и феназепамы, *Ксюха (Оксана)* – оксibuтират натрия, *Зинка* – аминазин и т.п.

Аналогичные примеры замены официальных обозначений антропонимами-профессионализмами на основе паронимической аттракции зафиксированы в устной речи шахтеров: *гоша* – очистной комбайн ГШ68, *гришка* – горный комбайн ГШ-68, *моника* – монорельсовая дорога; в речи работников торговли: *баба Зина* – сигареты марки «Балканская звезда»; в речи военнослужащих: *Борис Петрович* – бронепоезд (БП), *Мишка* – тяжелый военно-транспортный вертолет Ми-26, *аннушка* – любой самолет Ан(-), *Антоша* – самолет Ан-2, *Раиса Семеновна (Раиса)* – реактивный снаряд, *Яшка* – истребитель Як-1; в речи электриков: *аркашка* – пробник, тестер; в речи спортсменов: *параша* – парашют; в лексиконе фотографов: *Яшка* – фотоаппарат фирмы Yashica.

В целом, одушевление различных предметов, с которыми имеет дело профессионал, широко распространенное в профессиональной среде явление: об этом пишут культурологи, социологи, антропологи (см., напр.: [Щепанская 2011]). Номинативный материал, которым мы располагаем и который включает, главным образом, единицы устной профессиональной коммуникации: профессионализмы и профессиональные жаргонизмы –

весьма убедительно это подтверждает. Достаточно привести ряд характерных примеров: *мелюзга* – мелкие гвозди (в речи плотников); *больной вагон* – неисправный в техническом отношении (в речи железнодорожников); *тело вина* – физические характеристики вина (вязкость, плотность, густота, текучесть) (в языке сомелье); *убитая* – о состоянии квартиры, требующей капитального ремонта (в речи риелторов); *убиться* – лопнуть, поврваться (о снастях), а также *сонная вода*, *спящие волны*, *мертвый штиль* (в морском профессиональном языке) (см. об этом: [Голованова, Голованов 2017]).

Помимо антропоморфных наименований в языке профессионалов широко представлены и зооморфные номинации, каждая из которых в известной мере обладает лингвокреативностью, например: *скунс* – машина, создающая дым на сцене (театр.); *каракатица* – подъемный кран особой конфигурации (строит.), *лягушка* – осветительный прожектор на сцене (театр.); *кукушка* – балкон верхнего этажа (стекол.); *пиявка* – кусок резины, приматываемый в месте течи водопроводной трубы (сантех.) и т.д. Значительную часть профессионализмов в технических сферах деятельности составляют именно зооморфные номинации: *поросенок*, *головастик*, *утконос*, *крокодил*, *блохи*, *клопы* и т.д. Как правило, такие обозначения являются нейтральными, в них зафиксирована значимая для профессионалов характеристика специального объекта, позволяющая закрепить в сознании его образ: форма (*каракатица*, *головастик*, *поросенок*, *крокодил*), размер (*блохи*, *клопы*), местоположение (*лягушка*, *пиявка*) и проч. (подробнее см.: [Голованова 2014]).

В ряде случаев наименования, связанные с миром животных, используются в профессиональной среде для выражения негативной характеристики условий собственной деятельности либо оценки деятельности других специалистов: *черви* – работники кабельного участка (в среде электриков), *верблюд* – проходчик (в речи шахтеров); *грустный филин* – корреспондент, который во время интервью постоянно произносит «угу» (в журналистской среде); *серпентарий* – 1) худсовет (в речи работников театра); 2) аккаунтский отдел (в речи агентов по рекламе); *курятник*

– надстройка кабины, оборудованная спальным местом; *ошейник* – ремень безопасности (в речи водителей-дальнобойщиков); *копытные* – доплата за время нахождения в пути к рабочему месту, *намордник* – респиратор, *упряжка* – отработанная смена (в речи шахтеров). О зооморфном осмыслении тех или иных объектов может свидетельствовать использованный словообразовательный аффикс, например: *беремчатые* – беременные пациентки (в речи медиков). Как отмечают Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова, зооморфная метафора «относится к наиболее продуктивным моделям метафорического выражения стереотипов коллективного и индивидуального сознания» [Гридина, Коновалова 2019: 31]. Именно поэтому изучение таких метафор весьма значимо для понимания особенностей профессионального сознания.

Обратный рассмотренному выше – «оживлению» неживых объектов с помощью антропоморфных или зооморфных моделей номинации – процесс связан с созданием наименований с помощью метафоры овеществления, например: *с тугой резьбой* – о заказчиках, которые не отличаются быстротой мышления (в речи копирайтеров); *клетка* – не определившийся с выбором клиент (в речи риелторов); *дрова* – о пассажирах общественного транспорта, *бесплатная наклейка* – о пешеходах, которые, нарушая правила, лезут под колеса (в речи водителей); *шнурок* – подземный рабочий, отправленный на поверхность для получения чего-либо на складе (в речи шахтеров) и т.п. Широко представлено данное явление в медицинской среде: *валежник*, *НЛО* – о лежачих больных (*НЛО* < неподвижно лежащий объект); *консервы* – пациенты, находящиеся на консервативном лечении; а также в языке военнослужащих: *комод* – командир отделения; *мазут* – служащий в войсковых подразделениях, имеющих черные погоны; *помпа* – заместитель (помощник) капитана (командира) по политической части. В каждом из приведенных наименований содержится игровой момент, обусловленный неожиданностью сопоставления объектов.

Среди подобного рода единиц значительную часть составляют те, где в качестве основы вторичной номинации использует-

ся название типичного предмета, с которым в среде профессионалов ассоциируется их образ. Так, например, в речи сотрудников правоохранительных органов используются наименования: *чемодан* – эксперт, техник-криминалист; *сапог* – сотрудник полиции, пришедший из армии, из военной контрразведки или подразделения «Альфа»; *пиджак* – сотрудник силовых структур, не имеющий профильного образования или не служивший в вооруженных силах; *белые воротнички* – сотрудники ОБЭП (ранее ОБХСС). В речи моряков зафиксирован профессиональный жаргонизм *дуст* – офицер, возглавляющий химическую службу на корабле. В профессиональной среде военных отмечены наименования: *хлорка* – служащая вооруженных сил, отвечающая за химводоочистку; *португез* – офицер вооруженных сил. В шахтерской среде для начальства и ИТР используются обобщенные наименования *белые каски* (у рабочих каски оранжевые) и *белые рубахи* (при спуске им выдают новые рубахи). Сам факт «предметного» осмысления профессионалов, а также во многих случаях неочевидность зафиксированной в наименовании ассоциации делает каждое подобное наименование уникальным.

Неожиданность тому или иному профессиональному обозначению может придать совмещение в нем разных сфер деятельности (исходной сферы, где оно функционирует в общем употреблении, и вторичной сферы, где оно выступает названием специального объекта). Так, например, слово *лапша* в речи продавцов книжной продукции служит для обозначения тонкой детской книги; существительное *оглобля* в речи водителей используется для номинации токоприемника троллейбуса; наименование *подмышка* употребляется в речи компьютерщиков в качестве названия коврика для мыши (манипулятора для ввода информации в компьютер). Как видим, в этих названиях соединяются казалось бы несовместимые области: сфера питания и сфера книг, сельское хозяйство и городской транспорт, тело человека и компьютерные технологии. Не менее неожиданными (при первом знакомстве с этими обозначениями) являются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы: *мятый пар* –

творчески неперспективный сценарий (в речи кинематографистов); *паровоз* – оппонент, пользующийся непоколебимым авторитетом в научной среде, участие которого обеспечивает успешную защиту диссертации (в коммуникации аспирантов); *памперсы* – медицинские маски (в речи медиков и продавцов).

Особый интерес представляют профессиональные наименования, в которых знание об абстрактных объектах (каких-либо явлениях, характеристиках, типичных ситуациях) выражается через апелляцию к названиям вполне конкретных предметов. Иными словами, в номинации совмещаются абстрактный и конкретный уровни. Например, в речи фотографов один из видов искажения, при котором прямые линии выгибаются внутрь и снимок сжимается от краев к центру, носит название *подушка*, противоположная разновидность искажения фотографии обозначена словом *бочка*. В основе этих номинаций лежат схематические образы конкретных предметов, увиденных сверху (в первом случае) и сбоку (во втором). Другой пример – профессионализм *железо* в речи полицейских, с помощью которого именуется дорожно-транспортное происшествие без пострадавших. Здесь конкретное название металла используется для обозначения класса ситуаций, значимых для сотрудников ГИБДД. В речи фотографов, работающих в модельном бизнесе, употребляется наименование *школьница* для обозначения активной мимики фотомодели при позировании. Название лица в данном случае применяется для именования комплекса профессиональных действий.

Креативными можно назвать также те наименования в профессиональной среде, которые не имеют аналогов в общем употреблении и, как правило, созданы с нарушением словообразовательных моделей. К примеру, в речи риелторов функционирует профессионализм *пополамка* – квартира, предлагаемая одним агентом другим агентам к совместной сдаче с последующим дележом комиссии. В данном случае существительное образовано суффиксальным способом не от основы прилагательного, глагола или другого существительного, а от наречия *пополам*. В речи фотографов используется наименование *антишейк*

– функция подавления шевеленки (эффекта дрожащих рук на снимках), имеющаяся на фотоаппарате. В этом примере приставка *анти-* добавлена не к названию состояния или действия, а к названию конкретной разновидности танца: под шейком подразумевается любое движение, которое может испортить фотоснимок.

Таким образом, изучение профессиональной номинации в аспекте лингвокреативной деятельности представляется перспективным и значимым направлением исследований. Анализ подобных единиц позволяет выявить механизмы корреляции общего и специального в сознании профессионала, получить сведения об ассоциативном потенциале лексики, привлекаемой к номинации специальных объектов. В целом, огромное количество профессиональных наименований в той или иной мере обладает лингвокреативным характером, раскрыть специфику которого является перспективной задачей терминоведения.

Литература

Голованова Е.И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 6 (335). – С. 122–125.

Голованова Е.И., Голованов И.А. Живой и мертвый в языках профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – № 12 (408). – С. 76–81.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Метафора как способ образной категоризации в национальных лингвокультурах // Межкультурная коммуникация в новой эпохе: теория и практика: сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2019. – С. 28–38.

Захаров В.С. Неологизмы типа «хакер» как альтернативные обозначения непрофессионалов в компьютерной субкультуре // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М.: Эллис, 2006. – С. 237–243.

Коровушкин В.П., Чиршева Г.Н. Образования с рифмой и ремотиватные декомпозиции в английском и русском военных социолектах // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 156–165.

Царева Е.В. Особенности субстандартной номинации в субкультурном лексиконе автомобилистов (на материале английского языка) //

Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – № 2 (77). – С. 117–124.

Щепанская Т.Б. Диалоги с вещами: конструирование виртуального партнера в рамках инструментальной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 293–298.

REFERENCES

Golovanova E.I. Obraz, ponyatie, geshtal't kak formaty professional'nogo znaniya // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 6 (335). – S. 122–125.

Golovanova E.I., Golovanov I.A. Zhivoj i mertvyj v yazykah professional'noj kommunikacii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 12 (408). – S. 76–81.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Metafora kak sposob obraznoj kategorizacii v nacional'nyh lingvokul'turah // Mezhekul'turnaya kommunikaciya v novoj epohe: teoriya i praktika: sb. nauch. trudov. – Ekaterinburg, 2019. – S. 28–38.

Zaharov V.S. Neologizmy tipa «haker» kak al'ternativnye oboznacheniya neprofessionalov v komp'yuternoj subkul'ture // Slovo v slovare i diskurse: sb. nauch. st. k 50-letiyu Harri Val'tera. – M., 2006. – S. 237–243.

Korovushkin V.P., Chirsheva G.N. Obrazovaniya s rifmoy i remotivatnye dekompozity v anglijskom i russkom voennyh sociolektah // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2016. – № 14. – S. 156–165.

Careva E.V. Osobennosti substandartnoj nominacii v subkul'turnom leksikone avtomobilistov (na materiale anglijskogo yazyka) // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 2 (77). S. 117–124.

Щепанская Т.Б. Диалоги с вещами: конструирование виртуального партнера в рамках инструментальной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 293–298.

©Голованова Е.И., 2020

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания. Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129.

E-mail: terminolog2011@rambler.ru

Golovanova Elena Iosifovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

ГОННОВА Н.В.

г. Самара, Россия

gonnovanv.filolog@yandex.ru

81*38

DOI 10.26170/ufv20-02-10

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕКЛАМНЫХ ИМЁН (НА ПРИМЕРЕ ДЕРИВАТОВ С ОЦЕНОЧНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ)

Аннотация. В статье предпринимается попытка раскрыть линвокреативный потенциал рекламных имён, первая часть которых – несклоняемые компоненты *царь-*, *чудо-*. Акцентируется внимание на приёмах фонетической и графической игры, на обращении к прецеденту, на использовании диминутивов в названиях товарных знаков, фирм, предприятий, организаций, средств массовой информации, сайтов. Доказывается, что коннотативное значение анализируемых рекламных имён содержит российский этнокультурный маркер. Отмечается, что в указанных компонентах, выступающих в качестве словообразовательных формантов, заложена мелиоративная оценка. Проводится сопоставительный анализ рекламных имён – царь-производных и дериватов с компонентом *чудо-*. Представлены единичные к настоящему времени случаи бытования рекламного имени (эргонима) – *Благо-тур*. Делается вывод о том, что «креативное» рекламное имя выполняет одновременно несколько функций.

Ключевые слова: реклама, рекламное имя, линвокреативный потенциал, языковая игра, дериваты, мелиоративная оценка, оценочный компонент.

GONNOVA NATALYA

Samara, Russia

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF ADVERTISING NAMES (ON THE EXAMPLE OF DERIVATIVES WITH EVALUATION COMPONENTS)

Abstract. The article attempts to reveal the linguocreative potential of advertising names, the first part of which is the immutable components of the *chudo-* (miracle), *tsar-*. Attention is focused on the techniques of phonetic and graphic games, on the use of precedents, and on the use of diminu-

tives in the names of trademarks, firms, enterprises, organizations, mass media, and websites. It is proved that the connotative meaning of the analyzed advertising names contains a Russian ethno-cultural marker. It is noted that these components, which act as word-forming formants, contain a positive assessment. A comparative analysis of advertising names- tsar-derivatives and derivatives with the component components of the chudo- (miracle). The article presents isolated cases of the existence of an advertising name (ergonym) – blago-tour. It is concluded that the " creative " advertising name performs several functions simultaneously.

Keywords: advertising, advertising name, linguocreative potential, language game, derivatives, positive assessment, evaluation component.

Российская реклама в последние десятилетия представляет собой широкое пространство для креативной деятельности с целью привлечь как можно больше потенциальных потребителей. Яркое, звучное, необычное рекламное имя – одно из условий успешного продвижения на рынке того или иного товара / услуги.

Термин «рекламное имя» в отечественной науке понимается широко, см. об этом: [Крюкова 2004]. Мы, вслед за И.В. Крюковой, используем данный термин применительно к словесным товарным знакам (прагматонимам); названиям фирм, предприятий, организаций (эргонимам); средств массовой информации (гемеронимам); названиям общественных мероприятий (геортонимам); собственным именам средств передвижения (порейонимам). В ряду рекламных имён рассматриваем также названия сайтов, художественных и публицистических произведений разных жанров, названия кинофильмов.

Как показывает анализ научных источников, номинации рекламной сферы исследуются с разных позиций, в частности: как средство коммуникации с потребителем [Ухова, Марычева 2012]; как маркеры культурного пространства России [Романова 2013]; с учётом форм номинации и оснований для систематизации [Тортунова 2016]; с точки зрения эмотивной лингвоэкологии [Врублевская 2019] и др.

Безусловно, особый интерес вызывают рекламные имена, являющиеся продуктом лингвокреативной деятельности номина-

торов. Т.А. Гридина пишет: «Пространство языкового креатива \diamond обнаруживается в разных видах лингвокреативной деятельности носителей языка, проявляя инициативу языковой личности как в создании «прецедентов новизны» $\langle \dots \rangle$, так и в способности к реализации креативной идеи в прагматических целях...» [Гридина 2013: 6].

Предметом исследования стали рекламные имена, содержащие оценочные компоненты (например: *Царь-Картошка*, *Царь-Пышка*, *Чудо-Люда*, *Чудо-Красотка*, *Чудо-остров* и др.). Сразу оговорим, что мы не рассматриваем случаи раздельного написания типа *Царь Блин*, *Чудо Творожок* и т.д. В нашем случае связь между смысловыми компонентами осуществляется с помощью нулевой интерфиксальной морфемы, а склоняемым является второй элемент, оформляющий слово морфологически и указывающий на его грамматические свойства.

Цель настоящей статьи – выявить лингвокреативный потенциал ряда рекламных имён, первой частью которых выступают несклоняемые компоненты, словообразовательные форманты *царь-* и *чудо-*. Данные компоненты являются оценочными, так как дериват «приобретает способность выражать отношение говорящего или пишущего к определённым явлениям действительности» [Карельская 2010: 200] и быть репрезентантом русской картины мира.

Языковой материал получен методом сплошной выборки из специальных изданий производителей, рекламных объявлений, прайс-листов, Интернет-сайтов. К настоящему времени картотека насчитывает свыше 200 рекламных имён с формантами *царь-* и *чудо-*.

Согласимся с Т.П. Романовой, что рекламные имена, маркирующие культурное пространство России, «отражают фрагмент картины мира, знаменующий собой представления адресата рекламы о нашей стране как культурном феномене» [Романова 2013: 165]. Считаем, что коннотативное значение анализируемых нами рекламных имён содержит российский этнокультурный маркер (РЭМ). Так, компонент *царь-* (как, впрочем, и *чудо-*) во вторичных номинациях воспринимается носителями русского

языка как языковой знак, передающий национально-культурную специфику. Особо подчеркнём: о популярности и концептуальности лексемы *чудо* свидетельствует тот факт, что в церковнославянском языке слова с этим корнем представлены довольно широко [Дмитриева, Завадская 2015: 214].

Как показывает наше исследование, в рекламных именах типа *Царь-Пышка*, *Царь-Печка*, *Чудо-лукошко*, *Чудо-Люда*, *Чудо-Чудо* и др. заложен богатый лингвокреативный потенциал. Подобные номинации нередко становятся средством языковой игры. Что даёт основание утверждать это?

Обратимся к примерам из нашей картотеки, позволяющим отметить приёмы фонетической и графической игры; обращение к прецеденту; использование диминутивов.

1. Рекламное имя *Чудо-Чудо* (*Чудо-чудо*), имеющее, как видим, графико-орфографические варианты (наличие прописной и строчной букв), обладает, согласно данным нашего исследования, высокой частотностью: служит наименованием не только компании, детского магазина, школы, детского сада, но и продуктов питания, см., например: *Пюре «Чудо-Чудо» из яблок без сахара – натуральный прикорм для ребёнка* [<https://www.kakprosto.ru/otzyvy/review-10353>]. В основе номинации лежит фонетическая игра: повтор согласных звуков [ч] и [д], гласного звука в заударной позиции; и первый, и второй компонент состоят из двух слогов, что создаёт особый ритм. Примером фонетической игры, где отмечаем ассонанс и аллитерацию, является и наименование комедийно-музыкального проекта «Чудо-Люда», автором которого стала актриса и певица Людмила Светлова [<https://www.instagram.com/svetlusya/>]. При этом приёмы фонетической игры в рекламных именах с формантом *царь* не выявлены. Попутно заметим, что применительно к номинациям типа *Царь-продукт*, *Царь-рыба*, *Царь-Баня*, *Царь-Кедр* и др. мы оперируем понятием «царь-производные».

2. К интересному решению пришли создатели кулинарного сайта и газеты *Чудо-ПоварЁшка*: графическое маркирование фонемы приводит к омонимии. Речь идёт о поварёшке, лексеме разговорного стиля, в значении «половник» или поваре с не-

обычным именем Ёшка? Созданию эффекта языковой игры помогает визуальный ряд: читатель видит несколько карикатурное изображение повара с огромным половником, для начертания слова «повар» выбран синий цвет, а «Ёшка» — красный.

По словам Т.И. Романовой, «в последнее время обнаруживается тенденция к игровому использованию буквы «Ё», которая осознаётся как графический выразитель РЭМ: например, самарский сра-санаторий «Matrëshka». Автомобиль с гибридным двигателем продвигается под логотипом «Ё». Спонсор проекта М. Прохоров объясняет это следующим образом: «Ё — это однозначное свидетельство принадлежности к России...» [Романова 2013: 167]. Полагаем, что в данном случае можно говорить о графодериватах. Т.В. Попова называет их «креолизованными, семантически перенасыщенными, структурно деформированными,okkaзиональными словами» и относит их к новому гибриднему явлению, природа которого скорее вербальна, чем текстуальна [Попова 2013: 155].

В одной из наших работ явление креолизации мы отметили в логотипах, содержащих царь-производные, например: *Царь-печь*, *Царь-Шкаф*, *Царь-Кружка*, *Царь-Картошка*, *Царь-Картофель*, *Царь-Пышка*, *Царь-Кирпич*, *Царь-Квас* и др. Согласно результатам проведённого исследования, в большинстве случаев анализируемые рекламные логотипы и вывески, разработанные на основе логотипов, содержат изображение короны – символа царской власти (над словом *царь*, над первой буквой слова, перед словом *царь*, между компонентами сложносоставного слова, и в этом случае дефис заменён пиктограммой). Мы также обращали внимание и на ироничное изображение короны, поскольку она напоминает корону шута, которая надета на предмет рекламирования, что можно расценивать как игровой приём изображения [Гоннова 2016: 45].

Логотип компании *Чудо-Лукошко* тоже даёт пример использования графического элемента: на месте буквы *О* в обоих словах символическое изображение ростка с двумя листьями; доминирует зелёный цвет. Такое решение обосновывается в рекламном тексте, указывающем, что косметика создана на основе

натуральных экстрактов, растительных масел, природных витаминов и аминокислот: *Косметика ЧУДО-ЛУКОШКО даёт уникальный оздоравливающий, омолаживающий, тонизирующий и антистрессовый эффект* [<http://www.chudo-lukoshko.ru/>].

Компонентом рекламного текста является и слоган: *ЧУДО-ЛУКОШКО дарит чудо!* Легко запоминающийся, выражающий суть рекламного сообщения, в нашем случае он построен на тавтологии – повторении одного и того же слова. Однако, как показывает осуществлённый анализ языкового материала, возможности креолизации ограничены здесь применением шрифтового выделения и выбором цветовой гаммы, что связано, скорее всего, с лексико-грамматическим разрядом существительного «чудо»: *чудо* – абстрактное существительное, и создать визуальный, графический образ, как в случае с царь-производными, совсем непросто.

В ряде отзывов потребители рефлексировали на тему выбора номинации: *Шампунь для жирных волос с хмелем оказался очень даже чудесным. После данного шампуня хочется прикупить и другие средства этой фирмы* [<https://irecommend.ru/content/shampun-dlya-zhirnykh-olos-s-khmelem-okazalsya-ochen-dazhe-chudesnym-posle-dannogo-shampunya>].

3. Обращение к прецеденту очевидно в номинации *Чудо-Остров (Чудо-остров)*, это наименование летнего лагеря, детского сада, интернет-магазина: *01.06.2015г. на базе ЦВО «Творчество» начал работу летний лагерь с дневным пребыванием детей «Чудо-остров»* [<http://cvo-samara.ru/news/1358/>]. В 1970 г. советские дети увидели мультипликационный фильм «Катерок», в котором герои пели песню «Чунга-Чанга» (музыка В. Шаинского). В припеве звучали слова: «Чудо-остров! Чудо-остров! Жить на нём легко и просто! Жить на нём легко и просто! Чунга-Чанга!» Несуществующий остров, название которому придумал поэт-песенник Ю. Энтин, характеризуется как нечто необычное, удивительное, сказочное и очень хорошее – *чудо-остров*.

Если говорить об апелляции к прецеденту применительно к рекламным именам, царь-производным, то в первую очередь

нужно отметить прагматонимы *Царь-колокол*, *Царь-пушка* (названия шоколада), *Царь-Девушка* (название вафельных конфет) и эргонимы *Царь-колокол* (название рекламного агентства), *Царь-Девушка* (название магазина модной одежды). Царь-колокол и царь-пушка – символы России, хорошо известные не только нашим соотечественникам, но и тем, кто живёт за рубежом. А Царь-девушка – это литературный, сказочный персонаж, о котором знает читающая аудитория. Полагаем, что их можно отнести к рекламным собственным именам, маркирующим культурное пространство России (по Т.П. Романовой). В состав рекламных имён *Царь-колокол*, *Царь-пушка*, *Кремлёвские забавы Царь-Пушка 1586*, *Кремлёвские забавы Царь-Колокол*, *Покровский пряник Царь-Пушка*, *Царь-Девушка*, «внутренняя форма которых содержит прецедентные национально-культурные смыслы, входит <> лексика, обозначающая элементы русской материальной и духовной культуры, понятия из сферы российской истории» [Романова 2013: 169].

Считаем возможным говорить об апелляции к прецеденту и в случае с рекламным именем *Царь-рыба* (*Царь-Рыба*). Эту номинацию мы находим среди прагматонимов (название блюда из рыбы), эргонимов (название компании, ресторана, плавучей гостиницы, магазина рыболовных принадлежностей в ряде российских городов), геортонимов (название развлекательно-познавательной программы). См., например: *В Воронежском океанариуме новая познавательно-развлекательная программа «Царь-рыба»!* [<https://www.cityparkgrad.ru/news/2594>].

Результатом лингвокреативной деятельности можно признать и номинацию торгово-производственной компании, эргоним *Рыба-Царь*: *Компания «Рыба-Царь» находится в Самарской области, посёлке Яицком, и ведёт деятельность с 1995-го года. Компания специализируется на переработке речной и морской рыбы* [<https://productcenter.ru/producers/5454/kompaniia-ryba-tsar>]. При дефисном написании словообразовательный формант, занимающий в сложносоставном слове первое место (*царь-рыба*, *царь-колокол*, *царь-пушка*), оказывается в постпозиции, что позволяет говорить об игровом приёме, который лежит в основе

номинации. Рекламный логотип содержит изображение рыбы с короной на голове; цветовое решение – красный цвет и жёлтый.

Указанные рекламные имена соответствуют признакам прецедентных феноменов: хорошо известны представителям национально-лингво-культурного сообщества; актуальны в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к ним постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь 2004: 16].

4. При создании рекламных имён могут использоваться диминутивы, см., например: [Осипова 2020: 63]. Эту особенность мы выявили только относительно прагматонимов (ср.: эргоним *Царь-Картошка*, в номинации – лексема стилистически сниженная, характерная для разговорной речи). В нашем случае речь идёт об экспрессивных диминутивах, способных выражать субъективное отношение того, кто говорит или пишет, к денотату. Среди рекламных имён выделили такие номинации блюд, как *Чудо-картошечка*, *Чудо-блинчики*, *Чудо-рыбка*, *Царь-рыбка*. Так, креативность прагматонима *Царь-рыбка* реализуется за счёт соединения, «столкновения» в рамках номинации диминутива и компонента *царь-*, в структуре значения которого актуализируются семы ‘нечто огромное, масштабное, выделяющееся в количественном отношении’, ‘величественное, царское’, ‘большого размера’.

К оценочным следует отнести и компонент *благо-*, который используется в наименовании туристического агентства *Благодур*: *Мы (наше агентство) предлагаем вам путешествия по России. Наш стиль не совсем традиционен для туристического бизнеса, так как в основном он максимально приближен к паломничеству. Паломники – это верующие люди, те, кто по обету об исцелении или после оного в принесение благодарения за свершившееся, но и не только ради этого, или к святыням* [<http://xn----7sbcj2buprj.xn--plai>]. Многие туристические компании «предпочитают названия, в которых содержится отсылка к сфере деятельности: Кумир-тур, Ланта-тур, Мос-тур, Инна-тур»

[Тортунова 2016: 71]. Выбор номинации, на наш взгляд, не случаен, очевидна связь с духовной сферой жизни человека: одно из значений многозначной лексемы «блага» – высок. *Благополучие, счастье, добро* [СТСРЯ 2004: 45]. В нашей картотеке подобные примеры пока единичны.

Рекламные имена, рассмотренные в свете заявленной темы, выполняют одновременно несколько функций: называют товар/услугу, рекламируют, информируют о товаре/услуге и др. Однако доминирующими применительно к представленному языковому материалу следует признать аттрактивную функцию и эмотивную. Аттрактивная функция заключается в привлечении внимания потенциального клиента, потребителя товара/услуги: на реализацию данной функции, помимо рекламного имени, «работают» также логотип, слоган и собственно рекламный текст. Рекламная номинация должна вызвать положительные эмоции; как правило, создатели «креативных» рекламных имён подобную реакцию адресата прогнозируют. Так, компоненты *царь-* и *чудо-* активно используются в рекламных именах благодаря устойчивой положительной коннотации, мелиоративной оценке, что не может не вызвать положительного отклика у адресата (эмотивная функция). При этом заметим, что названные функции будут общими для номинаций и с компонентом *царь-*, и с компонентом *чудо-*.

Резюмируем. Современная реклама является пространством для лингвокреативной деятельности номинаторов. Проанализированные в рамках данной статьи рекламные имена с оценочными компонентами можно рассматривать в качестве продуктов этой творческой деятельности. Коннотативное значение рекламных имён, являющихся предметом нашего исследования, содержит российский этнокультурный маркер.

Литература

Врублевская О.В. Рекламные имена с точки зрения эмотивной лингвоэкологии // Известия ВГПУ. Филологические науки. – 2019. – № 4 (137). – С. 143-147.

Гоннова Н.В. Креолизация в царь-производных // Общественные науки: Всероссийский научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 43-50.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – С.5-58.

Дмитриева Н.М., Завадская А.В. Этическое наполнение концептов «жизнь», «чудо», «счастье» и их использование в рекламе // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 2 (177). – С. 213-217.

Карельская Е.Н. Оценочный компонент слитных сложных слов как одно из средств выражения русской ментальности // Мир науки, культуры, образования. Международный научный журнал. Горно-Алтайск. – 2010. – № 2 (21). – С. 200-201.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография. – Волгоград, 2004.

Осипова Н.Д. Социокультурное значение фиктонимных прагматонимов – названий конфет в современном русском дискурсе // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Том 8, № 1 (26). – С. 61-66.

Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX-XXI вв. // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – С. 147-175.

Романова Т.И. «Русское поле» в рекламной номинации // Вопросы ономастики. – 2013. – № 2 (15). – С. 164-173.

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М., 2004.

Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М., 2004.

Тортунова И.А. В мире современных рекламных имён // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 70-74.

Ухова Л.В., Марычева Д.Н. Рекламное имя как средство коммуникации с потребителем // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 119-123.

REFERENCES

Vrublevskaia O.V. Reklamnye imena s točki zreniya emotivnoj lingvoekologii // Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki. – 2019. – № 4 (137). – S. 143-147.

Gonnova N.V. Kreolizaciya v car'-proizvodnyh // Obshchestvennye nauki: Vserossijskij nauchnyj zhurnal. – 2016. – № 4. – S. 43-50.

Gridina T.A. K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie evristiki detskoj rechi // *Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. – 2-e izd. – Ekaterinburg, 2013. – S.5-58.*

Dmitrieva N.M., Zavadskaya A.V. Eticheskoe napolnenie konceptov «zhizn'», «chudo», «schast'e» i ih ispol'zovanie v reklame // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. – № 2 (177). – S. 213-217.*

Karel'skaya E.N. Ochenochnyj komponent slitnyh slozhnyh slov kak odno iz sredstv vyrazheniya russkoj mental'nosti // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal. Gorno-Altajsk. 2010. – № 2 (21). – S. 200-201.*

Kryukova I.V. Reklamnoe imya: ot izobreteniya do precedentnosti: monografiya. – Volgograd, 2004.

Osipova N.D. Sociokul'turnoe znachenie fiktonimnyh pragmatonimov – nazvanij konfet v sovremennom russkom diskurse // *Povolzhskij pedagogicheskij vestnik. – 2020. – Tom 8, № 1 (26). – S. 61-66.*

Popova T.V. Kreolizovannye derivaty kak element russkoj pis'mennoj kommunikacii rubezha HH-HHI vv. // *Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. – 2-e izd. – Ekaterinburg, 2013. – S. 147-175.*

Romanova T.I. «Russkoe pole» v reklamnoj nominacii // *Voprosy onomastiki. – 2013. – № 2 (15). – S. 164-173.*

Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskij slovar': Vyp. pervyj / I.S. Bri-leva, N.P. Vol'skaya, D.B. Gudkov, I.V. Zaharenko, V.V. Krasnyh. – M., 2004.

Sovremennij tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S.A. Kuznecov. – M., 2004.

Tortunova I.A. V mire sovremennyh reklamnyh imyon // *Russkaya rech'. – 2016. – № 3. – S. 70-74.*

Uhova L.V., Marycheva D.N. Reklamnoe imya kak sredstvo kommunikacii s potrebitелем // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 3. – Tom I (Gumanitarnye nauki). – S. 119-123.*

©Гоннова Н.В., 2020

Гоннова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания. Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

Адрес: 443066, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 113, 66.

E-mail: gonnovanv.filolog@yandex.ru

Gonnova Natalya Viktorovna – Candidate of Philology, Docent of the department of the Russian language, speech culture and methods of teaching them. Samara State Social and Pedagogical University (Samara, Russia).

ГУРОВА И.В.
г. Самара, Россия
gurova@pgsga.ru

81*38
DOI 10.26170/ufv20-02-11

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КРЕАТИВ В «ЖИВОМ ЖУРНАЛЕ» (НА ПРИМЕРЕ БЛОГА Е. КАСПЕРСКОГО)

Аннотация. Статья посвящена изучению лингвистических особенностей онлайн-дневника Евгения Касперского, повествующего о проблемах программного обеспечения IT-безопасности и путешествиях в различных уголках Земли. Постулируется принадлежность языковой личности Е. Касперского к элитарному типу. Характеризируются некоторые авторские эвристические стратегии, сопряжённые с приёмами языковой игры: обыгрывание омонимии элемента *гала*- в заголовках постов о флоре и фауне Галапагосских островов; каламбурные образования; рефлексия над суффиксальными способами образования шутивных номинаций; образование окказионализмов по моделям сложных слов с интерфиксом *-o-* и сложносоставных слов. Для анализа окказиональных сложносоставных слов применяется теория фреймов. Делается вывод о том, что чем больше расстояние между фреймами в когнитивной составляющей номинации, тем сильнее выражен результат языковой игры.

Ключевые слова: «Живой Журнал»; блог; лингвистический креатив; элитарная языковая личность; словообразовательная игра; омонимия словообразовательных элементов; каламбурные образования; окказионализм.

GUROVA IRINA
Samara, Russia

LINGUISTIC CREATIVITY IN LIVEJOURNAL (BY THE EXAMPLE OF E KASPERSKY'S BLOG)

Abstract. The article is devoted to the study of the linguistic features of the online Eugene Kaspersky's blog, where he reports the problems of IT security software and narrates his travels in different corners of the Earth. The affiliation of the linguistic personality of E. Kaspersky to the elitist type is postulated. Some author's heuristic strategies associated with the methods

of the language game are characterized: playing the homonymy of the *gala*-element in the headings of the posts on the flora and fauna of the Galapagos Islands; puns; reflection on the suffix ways of making joking nominations; the formation of occasionalisms according to models of compound words with the interfix “o” and compound words. The frame theory is used to analyze occasional compound words. It is concluded that the greater the distance between the frames in the cognitive component of the nomination, the more pronounced the result of the language game.

Keywords: LiveJournal, blog, linguistic creativity, elitist linguistic personality, word-building game, homonymy of word-building elements, puns, occasionalism.

«Живой Журнал», или «ЖЖ» (англ. *LiveJournal*, *LJ*), является интернет-порталом для создания и ведения онлайн-дневников (блогов). «Живым журналом» называют также персональный блог, размещённый на данной платформе. Сервис, созданный в 1999 г. американским программистом Брэдом Фицпатриком, стал весьма популярным в России; в настоящее время представляет собой особую интеллектуальную среду, затрагивающую интересы коммуникантов в различных сферах жизнедеятельности. Интернет-портал позволяет организовать процесс общения, не ограниченный пространственными и временными рамками. Автор блога имеет возможность публиковать свои записи, размещать фотографии, комментировать материалы других пользователей, вступать в «сообщества» и т. д., об особенностях коммуникации в «Живом журнале» см. в [Занадворова 2014].

Онлайн-дневники ведут политические партии, общественные организации, многие известные в России люди. Объектом настоящего исследования выбран блог Евгения Касперского (<https://e-kaspersky.livejournal.com/>) – одного из ведущих мировых специалистов в области программного обеспечения информационной безопасности. Внимание читателей онлайн-дневника привлекают не только рассказы автора об антивирусных исследованиях, но и увлекательные повествования о тех уголках Земли, в которых ему довелось побывать (Камчатка, Эквадор, Галапагосские острова, Мадагаскар, Зимбабве, Намибия и др.). Цель

статьи заключается в изучении языковых особенностей блога Е. Касперского.

Исследователи утверждают, что в настоящее время сфера интернет-коммуникации становится зоной лингвокреативных практик, связанных, прежде всего, с языковой игрой [Иванян 2018; Гоннова 2018]. С точки зрения Т.А. Гридиной, языковая игра – это «удивительный по своей многоликости феномен, отражающий потенциал языковой системы и уровень активности и компетенции языковой личности, осознанно вступающей на путь разрушения языкового канона» [Гридина 2006: 11]. Рефлексия над словом, владение тактиками языковой игры (обыгрывание литературных цитат, внутренней формы слова, его звукового состава; создание каламбуров и др.) признаются важнейшими характеристиками элитарного типа языковой личности [Крысин 2001; Сиротинина 2001]. С этих позиций рассматриваем языковую личность Е. Касперского.

Осуществлённый нами анализ показывает, что представленные в блоге авторские эвристические стратегии сопряжены с приёмами словообразовательной игры. В первую очередь отметим игру на омонимии словообразовательных элементов в заголовках постов о флоре и фауне Галапагосских островов:

- (1) *Гала-удивление номер 1: танец олушей.*
- (2) *Гала-удивление 2: первый полёт юного альбатроса.*
- (3) *Гала-ой, часть 2.2 (в одну «два» не влезло): прочие зверушки острова Эспаньола.*
- (4) *Гала-удивление 3: заплыв с черепахами.*
- (5) *Гала-удивление 4: страна дремучих кактусов. Соняктус.*
- (6) *Гала-удивление 5: галапагосские сухопутные черепахи.*
- (7) *Гала-удивление 6: жёлтые игуаны.*
- (8) *Гала-удивление 8: теперь вы видели всё.*
- (9) *Просто обалденные Гала-фотки.*

Очевидна ассоциативная интерпретация лексемы *галапагосский*: с одной стороны, *гала* представляет собой осколочный элемент со значением 'связанный с Галапагосскими островами';

с другой стороны, *гала* выступает в качестве первого компонента композитов, в сочетании с именами существительными означает *грандиозный, пышный, торжественный, большой, праздничный, яркий* [Габдреева 2012:58; Ожегов, Шведова 1999:125]. Читатель, творчески воспринимающий текст, понимает, что речь идёт о высшей степени проявления эмоций, впечатлении «особого рода», ср.: (10) *Двойное галапагосное невероятное удивление 7: пингвины с вулканизмами.*

Помимо игры на омонимии словообразовательных элементов в (5) отмечаем каламбурное образование *сосняктус*: в слово *кактус* вводится слово *сосняк*, при этом процесс взаимодействия узуальных единиц протекает в начале базовой лексемы *кактус*. Номинация отражает внешние характеристики опунции – большого кактуса, напоминающего дерево, с медным, как у сосны, «стволом».

В комментариях к фотографиям представлена шутливая рефлексия над словом: (11) *Вокруг растут... кактусовые рощи... это как правильно будет по-русски? "Кактусняк" или "кактусинник"? Кто правильнее догадается? :*) Как видим, «игремы» (терминология Т.А. Гридиной) *кактусняк* и *кактусинник* образованы по модели собирательных существительных *березняк* (берёзовый лес, роща) и *осинник* (осиновый лес).

По аналогии с отвлечёнными «инговыми» существительными создана номинация *Дедморозинг*: (12) *Дедморозинг — это праздник переодевания и пешего перемещения по всем 12-ти этажам нашего трёхкорпусного Домика на Ленинградке плюс двум-с-половиной этажам временно арендуемого помещения в офисном центре неподалёку.*

Продуктом лингвокреативного мышления автора является и окказионализм *яндугугляться*, образованный по модели сложного слова с интерфиксом *-о-*: (13) *Даже самоубийства случались, когда электронный зверёк внезапно помирал (эти печальные истории яндугугляться).* Номинация означает «находить информацию в поисковых системах Яндекс и Google», демонстрирует проявление тенденции экономии вербальных средств.

Ассоциатом для окказионализма *каменешалка* стала лексема *бетономешалка*: (14) *Как будто кто-то набросал камней разного вида в огромную «каменешалку», да и разогрел её с одной стороны.*

Представляют интерес окказиональные сложносоставные слова в блоге Е. Касперского. Для их анализа применим теорию фреймов. Под фреймом понимаем «структуру данных для представления стереотипных ситуаций» [Кубрякова, Демьянков 1996: 184]. Рассмотрим два варианта образования когнитивной составляющей номинаций.

1. В когнитивной составляющей номинации лежит один фрейм:

(15) *Мы с группой случайных попутчиков такой возможности упустить никак не могли и отправились на три недели по островам-вулканам Эквадора тренировать ходовую часть и знакомиться с эндемичной флорой-фауной.*

Фреймы ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ и ЖИВАЯ ПРИРОДА.

(16) *Вроде никаких особых туристических причуд нам не было обещано совсем, да и кроме страусов-жирафов ничего особо специального мы не обнаружили...*

Фрейм ЖИВОТНЫЙ МИР.

(17) *Там у нас были горы-вулканы со снежными вершинами, волшебные на вид и бодрящие на ощупь озёра в круглых вулканических кратерах, горячие источники, моря, острова, пляжи, заморозки, горняшка, неуловимый экватор и многое другое.*

Фрейм ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ.

(18) *Причём воспоминания о той «гребёнке» были настолько яркие, что вскочили как обычно на рассвете, побросали чемоданы-баулы в багажники, с первым завтраком были уже в местном ресторанчике, а первую фотку по дороге я сделал аж в 8 (восемь!) утра :)*

Фрейм БАГАЖ.

2. В когнитивной составляющей номинации лежат разные фреймы:

(19) *Так вот, часа в четыре, когда уже начала спадать жара, мы выползли из своих бассейнов-интернетов и отправились покорять Дюну-45.*

Фреймы ВОДОЁМЫ и КОМПЬЮТЕРНЫЕ СЕТИ.

(20) *Это сейчас отели-самолёты можно менять в произвольное время суток и по несколько раз за день.*

Фреймы: ОБЪЕКТЫ ИНФРАСТРУКТУРЫ и ТРАНСПОРТ.

Полагаем, что чем больше расстояние между фреймами в когнитивной составляющей номинации, тем сильнее выражен результат языковой игры.

Подводя итоги исследования, констатируем: языковая личность Е. Касперского принадлежит к элитарному типу; эвристические стратегии в блоге Е. Касперского базируются преимущественно на приёмах словообразовательной игры: обыгрывание омонимии элемента *гала-* в заголовках постов; каламбурные образования; рефлексия над суффиксальными способами образования номинаций; образование окказионализмов по моделям сложных слов с интерфиксом *-о-* и сложносоставных слов.

Литература

Габдреева Н.В. Словарь композитов новейшего времени /Н.В. Габдреева, М.Т. Гурчиани. – М., 2012. – 280 с.

Гоннова Н.В. Дериваты с оценочным компонентом в аспекте языковой игры // Семантика. Функционирование. Текст. К 70-летию со дня рождения С.В. Черновой: межвузовский сборник научных трудов с международным участием. – Киров, 2018. – С. 50-57.

Гридина Т.А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2006. –№ 4. – С. 11-24.

Занадворова А.В. Саморегуляция в нерегулируемых сферах интернет-общения: речевой этикет в Живом журнале // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. – М., 2014. – С. 93-114.

Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник / Урал. гос. пед. ун-т. – Вып. 2: Материалы второй международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» 27-28 апреля 2018 г. / гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Ека-

теринбург, 2018. (Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 2 (27)). – С. 209-215.

Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90-106.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – 408 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений /Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М., 1999. – 944 с.

Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура и хорошая речь [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_108

REFERENCES

Gabdreeva N.V. Slovar' kompozitov novejshego vremeni /N.V. Gabdreeva, M.T. Gurchiani. – М., 2012. – 280 s.

Gonnova N.V. Derivaty s ocenochnym komponentom v aspekte yazykovoj igry // Semantika. Funkcionirovanie. Tekst. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya S.V. Chernovoj: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov s mezhdunarodnym uchastiem. – Kirov, 2018. – S. 50-57.

Gridina T.A. Psihologicheskaya real'nost' znacheniya i associativnaya strategiya yazykovoj igry // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. – 2006. – № 4. – S. 11-24.

Zanadvorova A.V. Samoregulyaciya v nereglamentiruemyh sferah internet-obshcheniya: rechevoj etiket v Zhivom zhurnale // Sovremennyy russkij yazyk v internete / red. Ya. E. Ahapkina, E. V. Rahilina. – М., 2014. – S. 93-114.

Ivanyan E.P. Problemy lingvoekologii v svete lingvistiki kreativa // Ural'skij filologicheskij vestnik / Ural. gos. ped. un-t. – Vyp. 2: Materialy vtoroj mezhdunarodnoj konferencii «Lingvistika kreativa: tendencii i perspektivy razvitiya no-vogo nauchnogo napravleniya» 27-28 aprelya 2018 g. / gl. red. prof. T.A. Gridina. – Ekaterinburg, 2018. (Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost'. Lingvistika kreativa. Vyp. 2 (27)). – S. 209-215.

Krysin L.P. Sovremennyy russkij intelligent: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90-106.

Kubryakova E.S., Dem'yanov V.Z. i dr. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. – М., 1996. – 408 s.

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* /Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe. – M., 1999. – 944 s.

Sirotinina O.B. *Elitarnaya rechevaya kul'tura i horoshaya rech'* [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/kultura/28_108

©Гурова И.В., 2020

Гурова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры дошкольного образования. Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара, Россия).

Адрес: 443099, Россия, г. Самара, ул. М.Горького, 103-6.

E-mail: gurova@pgsga.ru

Gurova Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Docent of Department of Pre-school Education. Samara State Social and Pedagogical University (Samara, Russia)..

ДОБРОВА Г. Р.
г. Санкт-Петербург, Россия
galdobr@peterlink.ru

81'233
DOI 10.26170/ufv20-02-12

ПРОЯВЛЕНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ПРИ ЗАПОЛНЕНИИ ЯЗЫКОВЫХ ЛАКУН ДЕТЬМИ³

Аннотация. В статье рассматривается процесс заполнения детьми (как монолингвами, так и билингвами) различных языковых лагун – формо- и словообразовательных и лексико-семантических (как абсолютных лагун, так и относительных). Заполнение лагун трактуется как проявление лингвокреативной деятельности. При этом доказывается, что в ходе такой креативной деятельности индивид может как абсолютно отчетливо осознавать, что ломает языковой стереотип и делать это сознательно и целенаправленно (например, при языковой игре), так и не понимать этого вообще. Предлагается считать, что лингвокреативная деятельность при заполнении языковых лагун представляет достаточно широкий спектр по отношению к «ломке стереотипов» – от абсолютно осознанного отказа от стереотипа до полного непонимания того, что стереотип ломается и что создается нечто новое. В середине же этого спектра, по-видимому, располагаются все те случаи, когда носитель языка подозревает (с большей или меньшей степенью уверенности), что существует некий стереотип, который лично ему, однако, неизвестен.

Ключевые слова: речевой онтогенез, лингвокреативная деятельность, ломка языковых стереотипов, языковые лагуны формо- и словообразовательные, лексико-семантические языковые лагуны, заполнение детьми языковых лагун.

³Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00293

GALINA DOBROVA

Saint-Petersburg, Russia

MANIFESTATIONS OF CREATIVITY IN CHILDREN FILLING IN THE LANGUAGE GAPS

Abstract. The article discusses the process of children filling in various types of language gaps — inflectional, derivational, and lexical-semantic gaps (both absolute and relative). Filling in the language gaps is treated as a manifestation of linguo-creative activity of children (both monolinguals and bilinguals). It is proved that, during such creative activity, an individual can realize absolutely clearly that he is breaking a language stereotype and do it consciously and purposefully (e.g., for a language game), or not understand it at all. It is proposed to consider that linguo-creative activity in filling in language gaps represents a fairly wide range in relation to "breaking stereotypes": from an absolutely conscious rejection of the stereotype to a complete lack of understanding that the stereotype is broken and that something new is created. It seems that in the middle of this range there are cases when a speaker suspects (with a greater or lesser degree of confidence) that a stereotype exists, which, however, is unknown to him personally.

Keywords: the ontogenesis of speech development, linguo-creative activity, linguistic stereotypes breaking, inflectional and derivational gaps, lexical-semantic gaps, children filling in language gaps.

Все исследователи детской речи, придерживающиеся конструктивистского подхода к проблемам речевого онтогенеза, солидарны с тем, что каждый «нормальный ребенок сам конструирует для себя грамматику родного языка» [Слобин 1974: 143].» В ходе такого активного постижения языка ребенок-«конструктор» неизбежно заполняет языковые лакуны – как абсолютные, так и относительные. При изучении этого явления исследователи обычно обращают особое внимание на то, что заполнение детьми лакун выявляет огромные нереализованные языковые потенции – как в области словообразования, так и в области формообразования. Так, данное обстоятельство неоднократно подчеркивалось в многочисленных работах С. Н. Цейтлин (например, [Цейтлин 2009: 70-71]).

В данной же статье заполнение детьми языковых лакун будет рассмотрено под другим углом зрения – как свидетельство детской креативности.

Т.А. Гридина справедливо отмечает, что в основе лингвокреативного мышления «лежит способность говорящих к ломке и переключению ассоциативных стереотипов, созданию нового речевого продукта на базе переработки уже существующего языкового материала» [Гридина 2014: 14]. Разумеется, лучшим подтверждением данного тезиса являются различные примеры языковой игры, в частности – языковой игры детей (о «ломке стереотипов» в процессе детской языковой игры подробнее см. [Гридина 2012 а]).

Несколько сложнее оценивать с точки зрения креативного подхода речевую продукцию детей на более ранних этапах, и вообще такую языковую продукцию детей (в том числе – и на относительно поздних этапах речевого онтогенеза), создание которой не обусловлено ломкой стереотипов⁴. Ведь дети раннего возраста (а нередко и более старшего возраста), в отличие от взрослых людей, в процессе заполнения языковых лакун вовсе не стремятся к ломке языковых стереотипов. До определенного

⁴Разумеется, говоря о том, что ребенок, заполняя языковую лауну, «не ломает стереотип», мы стоим на так называемом горизонтальном подходе к детской речи. В соответствии с теорией С.Н. Цейтлин (см, например, [Цейтлин 2018]), имея дело с детской речевой продукцией, исследователь может применять 2 подхода – «вертикальный» и «горизонтальный». Под вертикальным при этом понимается такой подход, при котором языковая система ребенка сравнивается с языковой системой взрослых. При горизонтальном же подходе во главе угла оказывается не так сопоставление речи ребенка с речью взрослых людей (и, соответственно, со сложившейся в языке нормой, со сложившимися языковыми стереотипами), как речь ребенка как таковая – способность ребенка с помощью неких языковых средств (неважно – соответствующих норме или нет) передать определенный смысл, причем передать его таким образом, чтобы быть понятым собеседником, т.е. чтобы коммуникация успешно осуществилась. Поэтому, утверждая что, что ребенок, заполняя языковую лауну неосознанно, не имея при этом понятия о том, что он что-то при этом нарушает и создает нечто новое, мы говорим об отсутствии ломки языкового стереотипа именно с учетом горизонтального подхода: понятно, что, с точки зрения языковой нормы, ребенок при этом ломает стереотип, но сам он об этом не догадывается, поскольку для него этостереотипа еще не существует.

возраста они заполняют языковые лакуны исключительно по причине незнания языковой нормы. Они создают слово- и формообразовательные инновации потому, что просто не знают соответствующих узуальных языковых знаков – не знают существующих в языке слов и не имеют достаточного языкового опыта, чтобы выбрать верный вариант при формообразовании.

Если ребенок создает словообразовательную инновацию *звончик (Алеша Д., 2;5) (в значении ‘колокольчик’), он делает это не потому, что хочет как-то «сломать существующий в языке стереотип» и напомнить о том, что предназначение колокольчика – звенеть, а всего лишь потому, что не знает самого слова «колокольчик», а назвать предмет, который видит и предназначение которого ему понятно, – хочет. Если ребенок говорит у меня лыжных *палков нет (Нина Р., 3;0), он делает это не потому, что стремится к отходу от стереотипа, а лишь потому, что имеет недостаточный языковой опыт, чтобы применить имплицитное языковое правило, согласно которому флексия –ов в р. пад. мн. числе не используется у существительных женского рода.

Между тем, вторая часть того, что, по мнению Т.А. Гридиной, лежит в основе лингвокреативного мышления, а именно – создание нового речевого продукта на базе переработки уже существующего в языке материала – всецело может быть отнесена и к детям раннего возраста. Слово «звончик» не могло бы возникнуть, если бы ребенок, не знал слов типа «счетчик» или «лётчик» и, как безусловно следует из самого факта создания данной инновации, не овладел бы определенной словообразовательной моделью типа «считать – счётчик, летать – лётчик»⁵. Аналогичным образом, ребенок не смог бы сказать «палков

⁵ Естественно, в подавляющем большинстве случаев, заполняя языковую лакуну, дети (по крайней мере – на раннем этапе речевого онтогенеза) используют не просто продуктивные, а продуктивные и при этом наиболее системные словообразовательные модели (о том, чем, с нашей точки зрения различается системность и продуктивность словообразовательной модели подробнее см. в [Бондаренко, Доброва 2011: 90–92]).

нет», если бы не понимал уместности (в принципе) использования данной флексии в форме род. пад. мн. числа (ср. с «столов нет», «кубиков нет»). Языковая модель освоена сначала в генерализованном виде, без учета некоторых деталей и нюансов, но освоена она на основе реально существующего языкового материала. Всё это позволяет считать, что подобное заполнение детьми языковых лакун (в данном случае – относительных языковых лакун) происходит именно и исключительно на базе переработки уже существующего языкового материала.

Разумеется, подобная опора детей лишь на вторую часть того, что лежит в основе лингвокреативного мышления, касается только детей раннего возраста. В период, когда у ребенка начинает формироваться самосознание, когда он начинает задумываться о языке, когда у него возникает языковая рефлексия, когда он начинает быть способен к высшим проявлениям метаязыковой деятельности – сознательным рассуждениям о языке и языковой игре, – возникает и первая часть базиса лингвокреативного мышления – способность (и склонность) к ломке и переключению стереотипов. Естественно, может возникнуть вопрос: насколько правомочно относить к области лингвокреативной деятельности факты заполнения языковых лакун в случаях, когда это делается не потому, что говорящий стремится к ломке стереотипа, а потому что не знаком еще с этим стереотипом. Представляется, что это вполне правомочно, поскольку самый факт инноваций доказывает, что ребенок создает их самостоятельно (ведь глагол «to create» и означает ‘создавать’, создавать нечто новое). Разумеется, есть разные уровни осознанности языкового поведения, есть иерархически разные этапы и формы проявления метаязыковой деятельности (об этом см., например, [Воробьева 2016]), однако и такой, обязательный для полноценного речевого онтогенеза (в отличие от, например, языковой игры), этап проявления метаязыковой деятельности, как слово- и формообразование, демонстрирует способность индивида к созданию собственного языкового продукта, что, как представляется, само по себе демонстрирует начало формирования лингвокреативного мышления.

Проявлением креативности можно считать и заполнение детьми лексико-семантических лагун. Когда трехлетняя Оля С. использует слово «завтра» в значении ‘вчера’ (типа *мы завтра ходили в цирк*) она создает некую лексико-семантическую инновацию – в данном случае относительную. В языке есть узуальное средство для обозначения дня, предшествующего дню момента речи (слово «вчера»), но ребенок его в данный момент не смог, видимо, извлечь из ментального лексикона, актуализировать и потому использует в генерализованном виде слово, являющееся, казалось бы, его «антагонистом» – *завтра*. Вместе с тем, если вдуматься, у слов «вчера» и «завтра» общего не меньше, чем различного. Естественно, вектор «от момента речи» направлен в разные стороны, но эти слова объединяет общее ядро значения – ‘день, на один день отстоящий от сегодняшнего’, что и заставляет некоторых детей заменять одно из этих слов другим – тем, которое по какой-то причине быстрее актуализировалось. Казалось бы, это просто детская ошибка, поскольку на первый взгляд представляется, что на шкале времени слишком важно направление – назад или вперед. Однако так ли это? Ведь говоря «на той неделе» мы можем иметь в виду и прошедшую неделю, и последующую: «на той неделе я принимала у студентов экзамен» (прошедшее время) и «на той неделе мне предстоит принимать у студентов экзамен» (будущее время). Следовательно, в языке нет явных противопоказаний к использованию одного и того же слова для обозначения неких периодов на шкале времени, равноудаленных от момента речи «вперед» или «назад». Видимо, именно эта языковая потенция и позволят детям создавать семантические инновации типа вышеупомянутой, расширяя область референции наречия. Представляется, что такого рода замены детьми слов словами с как будто бы противоположным значением, представляющие собой заполнение относительных (поскольку соответствующее слово имеется в узусе) лексико-семантических лагун – также факт лингвокреативной деятельности детей, хотя и не базирующийся на хоть сколько-нибудь сознательной ломке языковых стереотипов.

Существенным представляется и то, что лингвокреативная деятельность, не базирующаяся на ломке стереотипов, возможна у детей не только раннего, но и значительно более старшего возраста. По сути дела, ограничений по возрасту для такой деятельности нет вообще, она возможна и у взрослых. Условием для проявления такой креативной деятельности «без (сознательной) ломки стереотипов» в таком случае служит единственный фактор – незнание (по той или иной причине) существующего стереотипа. Особенно очевидно это проявляется в языковой продукции детей-билингвов. Когда проживающие за границей России дети из русскоязычных семей, желая обратиться к своей бабушке ласково, называют ее «бабочкой» (это зафиксировано нами у детей и 10-ти, и 12-ти лет), то они делают ровно то же самое, что делают русскоязычные дети-монолингвы, проживающие в России, – только существенно более раннего возраста (см., например, в [Гридина 2012 б: 39] подобное употребление слова «бабочка» девочкой Надей в возрасте 2;7). Следовательно, здесь важен не возраст, а отсутствие должного языкового опыта, отсутствие знаний языкового стереотипа. Детские словообразовательные инновации неоднократно фиксировались нами у проживающих за границей детей из русских семей даже в весьма «зрелом» возрасте: например, 14-летняя Нина создает словообразовательную инновацию *ворить* в значении красть (пример из [Доброва, Рингблом 2017]) в строгом соответствии с существующей в языке словообразовательной моделью – «совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным» [Русская грамматика: 334]: *ворить* ‘выступать в роли вора’ ср., например, с «партизанить» ‘совершать действия, свойственные партизану’, с «гостить» в значении ‘быть гостем’ или с совсем уж просторечным *шоферить* в значении ‘выступать в роли шофера’.

Вместе с тем, в связи с созданием детьми-билингвами в относительно «взрослом» возрасте слово- и/или формообразовательных инноваций как заполнением языковых лакун возникает интересный вопрос: понимает ли такой ребенок (подросток), что ломает стереотип? Когда какую-то инновацию создает ребенок

двух лет, он, конечно, не понимает, что ломает стереотип, поскольку не понимает еще, что эти стереотипы существуют. Лишь позже, когда ребенок становится способным поинтересоваться «а можно ли так сказать?», он переходит на стадию понимания того, что в языке существуют некие стереотипы (языковая норма). Ребенок же билингв четырнадцати, например, лет, в принципе, наверное, понимает, что в языке существуют некие стереотипы. Он осознает, вероятно, и то, что он, в силу ограниченности его русскоязычного инпута и русскоязычного языкового опыта, знает отнюдь не все русские языковые стереотипы. Однако знает ли он, создавая инновацию, что именно в этом случае он нарушает сложившийся языковой стереотип, – на этот вопрос не всегда можно ответить. Видимо, в каких-то случаях он может знать, что есть некое слово, которого он не знает (или не может вовремя актуализировать его, извлечь из ментального лексикона) и замену которому вынужден создавать в целях осуществления коммуникации. Однако в других случаях подросток-билингв может просто не иметь понятия о том, что такого слова в русском языке нет, поскольку, для того, чтобы это знать, ему нужен более обширный языковой опыт, чем у него имеется.

Таким образом, по-видимому, вопрос об осознанности «ломки стереотипа» зависит не столько от возраста индивида, сколько от степени его «наивности» как носителя языка. Пожилая малообразованная женщина, называя посаженное ею дерево *туей* *пермандидальной (пирамидальной) и отвечающая на вопрос собеседницы, искренне не понявшей, что она произнесла, *Ну неужели ты слов научных не знаешь? Перманент делала когда-нибудь?*, создает свою инновацию не в целях ломки существующего стереотипа, а, напротив, для его поддержания, как ей кажется. Не зная слова «пирамида», она создает свою инновацию по типу ложной (народной) этимологии от известного ей и кажущегося ей созвучным слова «перманент». При этом она совершенно не сознает, что ломает стереотип, и не стремится к этому. Напротив, она полагает, что воспроизводит слово правильно, в соответствии с нормой и тем самым (с ее точки зрения) поддерживает этот языковой стереотип. И, не понимая, что

ломает сложившийся языковой стереотип, она не подозревает и о том, что создала нечто новое (инновацию), что включилась в некую «креативную деятельность».

Таким образом, представляется, что при заполнении лакун как при проявлении одной из форм креативной деятельности, носитель языка (и в первую очередь, конечно, ребенок, хотя и не только ребенок) может как абсолютно отчетливо осознавать, что ломает языковой стереотип и делать это сознательно и целенаправленно (например, при языковой игре), так и не понимать этого вообще. По-видимому, лингвокреативная деятельность при заполнении языковых лакун представляет достаточно широкий спектр по отношению к «ломке стереотипов» – от абсолютно осознанного отказа от стереотипа до полного непонимания того, что стереотип ломается и что создается нечто новое. В середине же этого спектра, по-видимому, располагаются все те случаи, когда носитель языка подозревает (с большей или меньшей степенью уверенности), что существует некий стереотип, который лично ему, однако, неизвестен.

Литература

Бондаренко А.А., Доброва Г.Р. О вариативности онтогенеза морфологической системы // Путь в язык: Одноязычие и двуязычие. Сб. статей. Сер. "Studiophilologica". Отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. – М., 2011. – С. 85-99.

Воробьева Т.А. Метаязыковая деятельность детей: попытка классификации // Языковое и литературное образование в современном обществе – 2016. Сб. науч. статей по итогам Всеросс. научно-практич. конф. с междунар. участием. – СПб.: 2016. – С. 387-392.

Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2. / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012 а. – С. 5–33.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург, 2012 б.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива -3. / Под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – С. 14-75.

Доброва Г.Р., Рингблом Н. Чем «херитажный» (унаследованный) язык отличается от второго (неродного)? // Проблемы онтолингвистики - 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия: Материалы ежегодной междунар. науч. конф. Ред.: Т. А. Круглякова, М. А. Еливанова, Т. А. Ушакова. 2017. – С. 10–24.

Русская грамматика. – М., 1980. Т.1.

Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психоллингвистика. – М., 1974. – С. 143–207.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

Цейтлин С.Н. Онтолингвистика в пути // Известия РГПУ им. А. И Герцена 2018, № 189. – С.12–22.

REFERENCES

Bondarenko A.A., Dobrova G.R. O variativnosti ontogeneza morfolozičeskoj sistemy // Put' v yazyk: Odnoyazyčhie i dvu-yazyčhie. Sb. statej. Ser. "Studiaphilologica". Otv. red. S. N. Cejtlin, M. B. Eliseeva. M., 2011. – S. 85-99.

Vorob'eva T.A. Metazykovaya deyatelnost' detej: popytka klassifikacii // Yazykovoe i literaturnoe obrazovanie v so-vremennom obščestve – 2016. Sb. nauch. statej po itogam Vseross. nauchno-praktič. konf. s mezhdunar. učastiem. SPb.: 2016. – S. 387-392.

Gridina T.A. Logika yazykovogo paradoksa v detskoj reči // Lingvistika kreativa-2. /Pod obščej red. prof. T.A. Gridinoj. Ekaterinburg 2012 a.– S. 5–33.

Gridina T.A. Ob"yasnitel'nyj slovar' detskih innovacij. Ekaterinburg: Ural.gos. ped. un-t, 2012 b.

Gridina T.A. Associativnye proekcii detskih slovotvorčeskih innovacij i treningi verbal'noj kreativnosti //Lingvistika kreativa - 3 Pod obščej red. T.A. Gridinoj. Eka-terinburg, 2014. – S. 14-75.

Dobrova G.R. , Ringblom N. Chem «heritazhnyj» (unasledovan-nyj) yazyk otlišaetsya ot vtorogo (nerodnogo)? // Problemy on-tolingvistiki - 2017. Osvoenie i funkcionirovanie yazyka v situacii mnogoyazyčhiya: Materialy ezhegodnoj mezhdunar. nauch. konf. Red.: T. A. Kругlyakova, M. A. Elivanova, T. A. Ushakova. 2017. – S. 10–24.

Russkaya grammatika. – М., 1980. Т.1.

Slobin D.I. Kognitivnye predposylki razvitiya grammatiki // Psiholingvistika. – М., 1974. – С. 143–207.

Cejtlin S.N. Očerki po slovoobrazovaniju i formoobrazovaniju v detskoj reči. – М., 2009.

Sejtin S.N.Ontolingvistika v puti // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena
2018, № 189. – S.12–22.

©Доброва Г.Р., 2020

Доброва Галина Радмировна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового и литературного образования ребенка. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. В.О., 1-ая Линия, 52.

E-mail: galdobr@peterlink.ru

Dobrova Galina Radmirovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Language and Literary Education of the Child. Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia).

ЕЛЕНЕВСКАЯ М. Н.

Хайфа, Израиль

ymaria@technion.ac.il

81'246.3

DOI 10.26170/ufv20-02-13

ПОВСЕДНЕВНАЯ РЕЧЬ МИГРАНТОВ: МНОГОЯЗЫЧИЕ, АТТРИЦИЯ И КРЕАТИВНОСТЬ

Аннотация. Трансьязычие – характерная особенность речи мигрантов. В некоторых случаях смешение кодов свидетельствует об аттриции родного языка, в других мы имеем дело с мультилингвальной креативностью, которая возникает благодаря компетенции в двух или более языках и благодаря стратегическому комбинированию языковых ресурсов для достижения прагматических целей. На примере высказываний русскоязычных израильтян мы покажем, какими способами лексика языка принимающей страны интегрируется в русскую речь и становится частью региональной версии русского языка.

Ключевые слова: иммигранты, трансьязычие, лингвокреативность, языковая аттриция, языковая игра

YELENEVSKAYA MARIA

Haifa, Israel

MIGRANTS' EVERYDAY SPEECH: MULTILINGUALISM, ATTRITION AND CREATIVITY

Abstract. Translanguaging is a typical feature of migrants' speech. While sometimes codemixing testifies to attrition of the native language, in others it manifests multilingual creativity which emerges thanks to competency in two or more languages and strategic manipulation of linguistic resources in order to attain pragmatic purposes. Relying on 200 examples from oral and quasi-oral communication of Russian-speaking Israelis, we will elaborate on how lexis of the host country is domesticated and integrated into a regional variety of Russian.

Keywords: immigrants, translanguaging, linguistic creativity, language attrition, language play

Годы, прошедшие со дня распада СССР, ознаменовались значительным сокращением числа носителей русского языка [Арефьев 2012]. В то же время, благодаря массовым миграциям география его распространения чрезвычайно расширилась [Pavlenko 2006; Yelenevskaya, Protassova 2015], и стали зарождаться новые региональные версии [Ryazanova-Clarke 2014; Mustajoki, Protassova, and Yelenevskaya 2020]. Русский и раньше вступал в контакты с другими языками: российская аристократия привычно мешала русский с французским; жители периферии Российской империи, а в дальнейшем СССР, включали в речь элементы языка соседей; а с начала 1990-х, одним из самых заметных явлений изменения языка в метрополии стало интенсивное освоение английской лексики [Крысин 2004, Proshina, Etkin 2005; Yelenevskaya 2008]. За счет миграций оживились старые контактные пары русского с финским, немецким и французским, а также активно стали развиваться контактные отношения с арабским, греческим, испанским, итальянским, чешским, ивритом и другими языками стран, в которых образовались русскоязычные общины. Изучение лингвокреативности (ЛК) русскоязычных за рубежом представляет большой интерес, т.к. позволяет проследить, как овладение вторым, а чаще и третьим, языком влияет на способность языковой личности отходить от языковых правил и создавать новые языковые единицы и новые смыслы [см. Aronin 2019 о доминантной констелляции многоязычных индивидов]. В самом широком смысле под ЛК понимается способность носителей языка не только воспроизводить правила и пользоваться готовыми моделями, но и воссоздавать, преобразовывать и модифицировать лингвокультурные ресурсы, а также их контекстуализацию в процессе коммуникации [Maybin, Swann 2007: 491]. В случае, если для инноваций говорящий манипулирует ресурсами двух или более языков, можно говорить о многоязычной креативности. Более того, обязательным свойством ЛК является ее прагматическая ценность. ЛК не только составляет основу поэтического языка, но и широко встречается в повседневной речи. В тех случаях, когда говорящий намеренно использует такие приемы ЛК, как мета-

фора и метонимия, гипербола, параллелизм, повтор, каламбур, паронимия и т.д., он добивается определенной цели: предлагает собеседнику новый взгляд на предметы и явления или акцентирует внимание на каком-либо фрагменте сообщения. Посредством нарушения правил можно выразить критику и антагонизм или утвердить свою идентичность, что особенно важно для мигрантов, которым приходится самоутверждаться в новой социокультурной среде. Наконец, языковые инновации – это способ придать высказыванию юмористический характер, вовлечь собеседника в языковую игру или просто оживить разговор [Carter, McCarthy 2004: 63-64; Jones 2010].

В исследовании языка русскоязычных иммигрантов до настоящего времени внимание прежде всего уделялось процессам аттриции и классификации ошибок, в частности, ошибок детей и подростков, для которых русский является унаследованным [Протасова 2014]. Именно в этом русле рассматривались практики трансязычия, то есть смешение и переключение языковых кодов. Мультилингвальная креативность, которая возникает благодаря компетенции в двух или более языках и благодаря стратегическому комбинированию языковых ресурсов, мотивированных социальными или психологическими причинами [Kachru 1985], пока исследована недостаточно. Представляется, что этому есть несколько причин: архивы записей спонтанной речи русскоязычных иммигрантов пока невелики и малодоступны исследователям. В тех случаях, когда записи ведутся во время интервью, говорящие нередко делают усилие не «мешать» языки, т.к. пока еще широко распространено пуристское представление, о том, что трансязычие – это прежде всего показатель аттриции родного языка: «новый язык так и не выучил, а свой уже забыл». Не случайно можно часто услышать уничижительные отзывы иммигрантов друг о друге: «у него салат из языков», «он говорит на каком-то безумном суржике»⁶ (из этнографического дневника). Другая причина состоит в том, что

⁶ Обратим внимание на то, что интереснейшее явление русско-украинского трансязычия не только носит отрицательный оценочный характер, но и выступает в качестве прототипа смешения языков.

иногда бывает непросто отделить случаи действительного дефицита слов в языке-матрице от намеренного манипулирования языками, т.к. интенции говорящего/пишущего и восприятие слушающего/читающего не всегда эквивалентны [см. Норман 2018], а кроме того, далеко не все мультилингвы могут объяснить свой выбор языковых элементов, хотя надо отметить, что поздние мультилингвы, осваивавшие 2-й или 3-й язык в бытовых ситуациях или в учебной обстановке, больше склонны к языковой саморефлексии, нежели монолингвы.

Задача данной статьи дать краткий анализ ЛК мультилингвов на примере спонтанной речи русскоязычных израильтян, иммигрантов 4-й и 5-х волн. Материалом наблюдения послужили дневниковые записи спонтанных разговоров со знакомыми, «подслушанных» диалогов в общественных местах, радиопередачи, а также форумы в Фэйс Буке (ФБ). Всего для анализа было отобрано 200 примеров.

Освоение иноязычной лексики обычно проходит в три этапа: окказиональные вкрапления, экзотизмы и заимствования [Колесов 1998; Крысин 2004]. Для первых двух этапов характерна морфологическая статичность и неделимость. Так как иммигрантские версии русского языка не кодифицированы, то слова, заимствованные из языков принимающих стран, не фиксируются в словарях, и об их освоенности можно судить, в основном, по встречаемости в публичном дискурсе, а главное, по фонетической и морфо-синтаксической адаптации, т.е., аффиксации и деривационным процессам. Приведем примеры, показывающие разные стадии освоенности ивритских слов в русской речи.

В объявлении о найме на работу читаем: «Требуются работники/работницы по уходу, *металлим* и *металлот*». В длинном списке вакансий в этом объявлении встречаются также помощники/помощницы и раздатчики/раздатчицы. И только в случае сиделок дается уточнение с помощью ивритских слов, написанных кириллицей, с использованием окончаний мужского и женского рода (выделены жирным шрифтом). Очевидно, работники / работницы по уходу показались автору объявления более ту-манными, чем ивритские слова, обозначающие «сиделок». Та-

ким образом, в данном контексте прагматической задачей внесения в русский текст ивритских слов было уточнение информации, а не ее творческая презентация.

Однако иногда сохранение формы слова может вписываться в новый контекст, не нарушая правил русского языка, но творчески используя метафорический потенциал слов обоих языков. Так, во время предвыборной кампании 2020 года одна из групп ФБ разместила отчет о проведении диспута русскоязычных представителей политических партий, сопроводив его фотографией. На столах перед каждым участником были таблички с названиями партий, написанными кириллицей. Был среди них и блок правых партий, кратко, но грамматически некорректно обозначенный *ямина* [правый, направо]. За фотографией последовал комментарий: «*Ямина* чет косит смола...».⁷ Используя просторечие «чет» и жаргонное «косит», пользователь имплицитно выразил свое презрительное отношение к «правым», усиленное метафорой «смотреть налево», обозначающее в данном контексте не направление взгляда, а политическую линию. Это высказывание было одобрено «лайками», т.к. отразило мнение тех, кто считает позицию правых партий недостаточно жесткой в конфликте с палестинцами.

Большое количество примеров из разных источников показывает, как ивритские слова обрастают русскими аффиксами. Так, в русскоязычной прессе и в интернете жители города Хайфа называются *хайфчане* и именно словами «Привет, хайфчане» начинаются многие интернет-посты в городских форумах. Под фотографией городских видов находим запись с использованием ласкательного суффикса: «Моя ты красота наша любимая *Хайфочка*». В следующем вопросе ивритский топоним соединен с приставкой «при», которая образует слово «пригород»: Привет народ! Хочу поехать за грибами. Может кто поделится местами в *прихайфске*? Буду признателен. Наконец, в недавней беседе о вышедших из-под контроля диких кабанах, освоивших

⁷ Все цитации письменных источников приводятся в орфографии и с пунктуацией текста-оригинала.

городские территории, редактор хайфской интернет-газеты рассказал об опыте окрашивания рогов оленей фосфором с тем, чтобы они были видны жителям в темноте. Предложение вызвало бурную дискуссию, включившую аллюзии к повести А. Конан Дойля «Собака Баскервилей»:

Кормить кабанов фосфором? И будут у нас кабаны (Баскервилей) *Хайфавилей*. Обратим внимание на то, что в последнем примере ассоциативный контекст окказионализма подкрепляется знакомством с содержанием литературного произведения-источника. Однако, не будучи уверен в быстроте актуализации фоновых знаний адресатов, автор все же дает в скобках и часть названия оригинала.

Добавление к ивритским словам уменьшительных, ласкательных и уничижительных суффиксов позволяет русскоязычным израильтянам показать отношение к предмету коммуникации и выразить эмоции: завсегда́тай блошиного рынка, *шук пишпешим*, любовно называет его *пишпешикой*; мать, заботящаяся о развитии ребенка и не жалеющая сил на то, чтобы водить дочь на кружки, зовет их *хугимчики* (*хугим* – мн. ч.). Обратим при этом внимание на характерное прибавление к заимствованному слову во множественном числе русского окончания множественного числа [Еленевская 2008].

В трансязычии русскоязычные израильтяне широко используют дериваты ивритских, английских, а иногда и арабских слов:

Я в эту компанию уже апплаилась (от английского *applied*, зд. подавала документы на вакантное место).

Ездили мы *мэургански*, и это не хорошо (номинативное сочетание *тиоль мэурган*, «организованная групповая поездка» используется в качестве лексического обновления, в котором прилагательное заменяется по функции на наречие с суффиксом *-ски*).

Он из наших, тоже *олимицик*. Существительное образовано путем прибавления суффикса *-ик*, к существительному множественного числа *олим*, «новые репатрианты», и таким образом, имплицитно превращает иммиграцию в род деятельности).

Вы в кадр не влезаете. *Сквуцуйтесь*. («сгруппируйтесь») – ивритское существительное *квуца* преобразуется в несуществующий глагол повелительного наклонения.

В некоторых случаях, избавившись от перевода, говорящие актуализируют принцип языковой экономии. Когда лексическое обновление является окказиональным, еще не вошедшим в «узус» речевого коллектива, оно вызывает улыбки и смех слушателей. Эти и многие другие инновации легко декодируются русско-ивритскими билингвами и являются интегральной частью и устного, и письменного дискурса.

В некоторых случаях продуктивной моделью инноваций может стать не русское слово или основа. Так, например, произошло с тюркским *стан*, породившим пейоративные *Хамастан* – наименование сектора Газа, в котором у власти стоит Хамас; *Хабибистан*, использующее арабское *хабиби*, «любимый», часто встречающееся в качестве обращения и использованное в русском высказывании для обозначения района проживания арабов; а также *Бибистан* – о власти правительства, возглавляемого Бенджамином Натаньяху, фамильно называемым и в неформальном, и в формальном дискурсе «*Биби*».

Билингвы обнаруживают способность дивергентного мышления, предполагающего возможность разноаспектного восприятия одного и того же стимула, включая вербальные [Гридина 2018: 22]. Благодаря этому у них более обширный резервуар лингвокультурных ассоциаций, нежели у монолингвов. Именно эта особенность проявляется в ставшем фольклорным ответе на вопрос, как живется русским в Израиле: «Все хорошо! Живу в дыре, купаюсь в яме». Паронимическое сходство ивритского *дира*, «квартира» и русского «дыра», метафоры плохого жилья, а также омонимия в *яме*, «море» и метафорического русского «попасть в яму», олицетворяющего финансовый, а иногда и жизненный крах, придают высказыванию ироническое звучание. Отметим, что клишированность этого высказывания объясняется не только удачным межязыковым каламбуром, но и его социальным подтекстом – многолетней борьбой иммигрантов за доступное жилье хорошего качества.

Двойные ассоциации могут остаться незамеченными говорящим, но восприняты адресатом. Так, одна из участниц интернет-форума г. Хайфа обратилась с просьбой к форумчанам: Ищу репетитора по математике и английскому языку в *Крайот!* Для *кита* 7. И название местности *Крайот*, и существительное *кита*, «класс», и даже буква, обозначающая цифру «5», функционируют как экзотизмы. Автор поста вряд ли задумывалась о стиле, но, очевидно, была уверена, что будет понята. И, действительно, в ответ она получила множество советов. Но был среди комментариев и такой:

То **кабаны** по улицам ходят, то **киты** в школе учатся... Это Хайфа!.. :-) Автор комментария продемонстрировал и двойные ассоциации с русским и с ивритом, а также шуточно связал высказывание с контекстом удивления и тревоги по поводу присутствия диких животных в городе. Более того, он завершает свой меткий комментарий аллюзией к джазовому спектаклю Петербургского театра Ленсовета, послужившему источником многих лексико-стилистических инноваций. Таким образом, высказывание творчески объединяет и языки, и культуры мультилингвов.

Выводы. ЛК широко представлена в русском иммигрантском дискурсе и показывает, что трансязычие далеко не всегда вызвана аттрицией. Напротив, оно может показывать обостренное чувство языка и расширение ассоциативных полей мультилингвов. Для более точного определения целей и способов выражения ЛК мультилингвов требуется анализ более длинных фрагментов коммуникации, чем можно было представить в данной статье. Необходимо также фиксировать случаи, когда окказиональные инновации становятся достоянием всего языкового коллектива, в нашем случае иммигрантского сообщества, что является показателем социокультурной важности вновь созданных смыслов и частью региональной версии русского языка.

Литература

Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. – М.: Центр Социального планирования и маркетинга, 2012.

Гридина Т.А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативности и поэтической одаренности. // Лингвистика креатива-4: коллект. моногр. / под ред. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2018. С. 11-39.

Колесов В.В. Русская речь: Вчера, сегодня, завтра. – СПб., 1998.

Крысин Л.П. Русское слово: свое и чужое: Исследования по русскому языку и социолингвистике. – М., 2004.

Норман Б.Ю. «Креатив» говорящего vs «креатива» слушающего: компромисс взаимопонимания // Лингвистика креатива-4: коллект. моногр. / под ред. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2018. С.174-213.

Протасова Е.Ю. (ред.) Многоязычие и ошибки. – Берлин, 2014.

Aronin L. What is multilingualism? // D. Singleton, L. Aronin (eds.), Twelve lectures on multilingualism. – Bristol, Multilingual Matters, 2019. Pp. 3-34.

Carter R., McCarthy, M. Talking, creating: Interactional language, creativity and context// Applied Linguistics, 2004, 25(1). Pp. 62-88.

Jones R. H. Creativity and Discourse. // World Englishes, 2010, 29(4). Pp. 467-480.

Kachru B. B. The bilinguals' creativity //Annual Review of Applied Linguistics, 1985, v. 6, Pp. 20-33.

Mustajoki A., Protassova E., and Yelenevskaya M. (eds.) The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies. – London, New York: Routledge. 2020.

Pavlenko A. Russian as a lingua franca. //Annual Review of Applied Linguistics. 2006, 6. Pp. 78–99.

Proshina Z., Etkin B. P. English-Russian language contacts. // World Englishes, 2005, 24(4). Pp. 439-444.

Ryazanova-Clarke L. (ed.) The Russian language outside the nation. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 2014.

Yelenevskaya M. Russian: From Socialist Realism to Reality Show. // J. Rosenhouse, R. Kowner (eds.), Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages, chapter 6. – Clevedon, U.K.: Multilingual Matters. 2008. Pp., 98-120.

Yelenevskaya M., Protassova E. Global Russian between Decline and Revitalization //Russian Journal of Communication. 2015, 7(2). Pp. 139-149.

REFERENCES

Aref'ev A.L. Russkij yazyk na rubezhe HH-HHI vekov. – M.: Centr Social'nogo planirovaniya i marketinga, 2012.

Gridina T.A. Metafory detskoj rechi kak fenomen lingvokreativnosti i poeticheskoj odarennosti. // Lingvistika kreativa-4: kollekt.monogr. / pod obshchej red. T.A.Gridinoj. – Ekaterinburg, 2018. – S. 11-39.

- Kolesov V.V. Russkaya rech': Vchera, segodnya, zavtra. – Spb., 1998.
- Krysin L.P. Russkoe slovo: svoe i chuzhoe: Issledovaniya po russkomu yazyku i sociolingvistike. – M., 2004.
- Norman B.Yu. «Kreativ» govoryashchego vs «kreativa» slushayushchego: kompromiss vzaimoponimaniya // Lingvistika kreativa-4: kollekt. monogr. / pod obshchej red. T.A.Gridinoj. – Ekaterinburg, 2018. S.174-213.
- Protasova E.Yu. (red.) mnogoyazychie i oshibki. – Berlin, 2014.
- Aronin L. What is multilingualism? // D. Singleton, L. Aronin (eds.), Twelve lectures on multilingualism. – Bristol, Multilingual Matters, 2019. Pp. 3-34.
- Carter R., McCarthy M. Talking, creating: Interactional language, creativity and context// Applied Linguistics, 2004, 25(1). Pp. 62-88.
- Jones R. H. Creativity and Discourse. // World Englishes, 2010, 29(4). Pp. 467-480.
- Kachru B. B. The bilinguals' creativity //Annual Review of Applied Linguistics, 1985, v. 6, Pp. 20-33.
- Mustajoki A., Protasova E., and Yelenevskaya M. (eds.) The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies. – London, New York: Routledge. 2020.
- Pavlenko A. Russian as a lingua franca. //Annual Review of Applied Linguistics. 2006, 6. Pp. 78–99.
- Proshina Z., Etkin B. P. English-Russian language contacts. // World Englishes, 2005, 24(4). Pp. 439-444.
- Ryazanova-Clarke L. (ed.) The Russian language outside the nation. – Edinburgh: Edinburgh University Press. 2014.
- Yelenevskaya M. Russian: From Socialist Realism to Reality Show. // J. Rosenhouse, R. Kowner (eds.), Globally Speaking: Motives for Adopting English Vocabulary in Other Languages, chapter 6. – Clevedon, U.K.: Multilingual Matters. 2008. Pp., 98-120.
- Yelenevskaya M., Protasova E. Global Russian between Decline and Revitalization //Russian Journal of Communication. 2015, 7(2). Pp. 139-149.

©Еленевская М.Н., 2020

Еленевская Мария Николаевна – старший преподаватель, Технион-Израильский технологический институт.

Адрес: Израиль, г. Хайфа, Rehov ha-Broshim 15, apt. 15.

E-mail: ymaria@technion.ac.il

Elenevskaya Mariya Nikolaevna – Senior Teaching Fellow, Technion-Israel Institute of Technology.

ИВАНОВА Е.Н.

г. Екатеринбург, Россия

z3411828@yandex.ru

81:004.738.5

DOI 10.26170/ufv20-02-14

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА ПИСЬМА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья выполнена в русле актуальных исследований, посвященных вопросам деловой и частной переписки в сети Интернет. Представлены наблюдения за некоторыми новыми жанровыми формами, генетически связанными с эпистолярной. Рассматриваются три жанра интернет-коммуникации: электронное письмо, сообщение в социальной сети и комментарий. Эти жанры сопоставляются с традиционным письмом по структурным, содержательным и языковым параметрам. Делается вывод о максимальной близости деловых и частных писем, традиционных и электронных. Языковое оформление их почти не отличается от оформления бумажных писем. В данном случае трансформация обусловлена иной знаковой природой – цифровой. Сообщения сохраняют базовые структурные элементы – формулы приветствия, обращения и основной текст, тяготеют к устной речи (лексически и синтаксически). Интернет-комментарии состоят только из основного блока, обращения используются только в диалоговых фрагментах, отражают одну тему, ради которой они и создаются. Орфографическое и пунктуационное оформление частных электронных писем, сообщений и комментариев отличается установкой автора на эмоциональность, а не на соблюдение соответствующих норм.

Ключевые слова: эпистолярный текст, деловое письмо, частное письмо, электронное письмо, сообщение, комментарий.

IVANOVA EVGENIYA

Ekaterinburg, Russia

THE TRANSFORMATION OF GENRE “LETTER” IN THE INTERNET-COMMUNICATION

Abstract. The article is carried out in line with of relevant studies on business and private correspondence on the Internet. Observations of some new textual forms genetically related to the epistolary genre are presented.

Three genres of Internet-communication are considered: an e-mail, a message on a social network and comment. These genres are compared with traditional writing in structural, substantive and linguistic parameters. The conclusion is drawn about the maximum proximity of business and private letters, of traditional and electronic. Their language design is almost no different from the units of the epistolary heritage. In this case, the transformation is due to another symbolic nature - digital. Messages retain the basic structural elements – formulas of greeting, treatment and the main text, gravitate to oral speech. Internet-comments consist only of the main part, references are used only in dialog fragments, reflect one topic for which they are created. The spelling and punctuation of private e-mails, messages and comments is differentiated by the author's attitude towards emotionality, and not compliance with the relevant standards.

Keywords: epistolary text, business letter, private letter, email, message, comment.

Интернет-коммуникация благодаря некоторым своим особенностям (гипертекстуальности и анонимности) открывает практически безграничные возможности для реализации интенций личности, в частности, в создании самых разнообразных записей, записок, писем. Эпистолярный текст исторически обусловлен (см., например: [Косов 2004; Майоров 2006; Иванова, Лапина 2016]) и развивается до сих пор [Кожеко 2015; Григорьева 2015].

К эпистолярному жанру относятся тексты, имеющие определенные структурные элементы, отправленные адресату с целью информирования его в широком смысле о чем-либо и/или получения от него отклика (см., например, в: [Фесенко 2008; Косивцова 2011]). Существуют два основных вида писем: деловые, составляющие переписку государств, организаций, учреждений в процессе их официальной деятельности, и частные, включающие в себя переписку родственников, приятелей, друзей [Калёнова 2012].

Эпистолярный жанр отличается от других рядом особенностей: наличием одной или нескольких тем, сочетанием в тексте признаков монологической и диалогической речи, использованием языковых средств, соответствующих сфере переписки (книжно-письменных в деловых и устно-разговорных в частных

письмах), устойчивой композицией текста (более жесткой в официальных и более свободной в частных письмах), соблюдением речевого этикета с учетом фактора адресата характера сообщения, эпистолярных традиций, правил орфографии и пунктуации [Фесенко 2008: 133].

Методика анализа современных форм эпистолярного жанра может включать следующие операции:

- 1) рассмотрение элементов структуры;
- 2) характеристику языковых особенностей (лексических, синтаксических);
- 3) описание пунктуационного и орфографического оформления;
- 4) учет тематических особенностей (количества тем).

Далее представим процесс трансформации канонического эпистолярного текста на примере следующих жанровых форм, весьма распространенных в сети Интернет: электронных писем, сообщений в социальной сети «ВКонтакте», комментариев, размещённых на сайтах.

Электронное письмо, безусловно, может быть и деловым, и частным и зависеть от социального статуса адресата (в таком случае электронные письма направляются к вышестоящим адресатам, к равным или нижестоящим адресатам).

М.А. Кронгауз отмечает, что «электронное письмо – жанр разнообразный и демократичный, основной особенностью которого является сочетание компонентов устного и письменного этикета. В них употребляются и письменные обращения: «Уважаемый Николай Иванович!», и приветствия, более свойственные устной речи: «Здравствуйте, Николай Иванович!», «Добрый день, коллеги!». Стоит обратить внимание на то, что в официальных бумажных деловых письмах употребление приветствия недопустимо, это свойственно только электронным деловым письмам» [Кронгауз 2012].

Употребление слов *уважаемый*, *почтенный* и т.п. зависит от ситуации общения (например, в официальной коммуникации они обязательны), степени близости собеседников и возможностью языковой игры. Эти фразы можно встретить чаще всего в

конце письма в качестве завершающей формулы (об этикете деловых писем см. подробнее: [Трофимова, Купчик 2010]). Приведем пример официального письма-ответа:

Добрый вечер, NN!

Да, набор на программу производится каждый семестр, можно будет подать документы на сентябрь. Вступительные экзамены: тестирование, собеседование с начальником центра. Обязательно к посещению 2 дня в неделю: 1 вечер на неделе и дневные занятия в субботу, остальные можно посещать факультативно (как правило, это 1-2 лекции у параллельно идущих переводческих программ). Стоимость обучения: 40 000 за весь курс (2 семестра), оплачивать можно посеместрово.

С уважением, О.

На лексическом уровне можно отметить преобладание общелитературной лексики, а также вкрапление разговорной лексики (*переводческих*) и отчасти окказиональных слов с оттенком просторечия (*посеместрово*).

Что касается синтаксиса, то в деловом электронном письме наблюдается употребление конструкций, характерных для письменной канцелярской речи: предложения с однородными и с обособленными членами: *Для входа на мероприятие при себе необходимо иметь документ, удостоверяющий личность.*

Теперь обратимся к фрагменту частного письма, автором которого выступает студент, адресатом – преподаватель:

...Ну и об итогах завтрашнего урока я Вам отчитаюсь, естественно, так что ожидайте гигантского полотна с рефлексией (ну или нет, просто напишите, что меньше рефлексии, больше конкретики, ибо нефиг).

*На русском/риторике и химии дети вполне ведут себя адекватно и активничают, когда как на уроках истории уже заметны проблемы. На своих уроках планирую **по полной** использовать имеющееся оборудование, ибо заметил недостаточную визуализацию подачи материала. **Визуалы плачут в сторнке**, увы...*

К особенностям этой разновидности письма относятся преобладание разговорной лексики, в т.ч. сниженной, и разговорного синтаксиса (с некоторыми грамматическими погрешностями).

В целом при характеристике **электронных писем** нужно выделить следующее: по своей структуре электронное (деловое и

частное) письмо сохраняет максимально тесную связь с традиционными формами эпистолярного жанра. В языковом оформлении электронных писем актуальной остается тенденция к демократизации. Что касается политематичности, то электронные письма обладают этим свойством в той же мере, что и бумажные.

Следующим жанром интернет-коммуникации, генетически связанным с эпистолярным, выступают сообщения в соцсетях.

Самым частотным средством контактоустановления в них выступает слово *привет* и производные от него: *приветик*, *приветос* и т.д. В начале сообщения может быть обращение, например, *Дорогие мои*. Обычно так начинаются сообщения, написанные в группу или беседу. В значительном количестве сообщений нет ни формул приветствия, ни обращений, что можно объяснить особенностями соцсети: существованием чата и определенностью адресата для пишущего соответственно.

Формулы прощания в таких текстах используются редко, вместо них можно видеть слова, выполняющие контактозавершающую функцию:

Привет. Ты тут? Вообще, просмотри этапы эти, я тебе скидывала листочек. Я не сделала 1 и 5 этап что ли. Какую-то ерунду понаписала. Там в конце серым выделено, это не надо в презентацию. Просто пусть будет. И прочитай всё внимательно. Она строго спрашивает, вопросы задаёт. Нам досталась дурацкая тема. Ну всё.

Как и в электронных письмах, в сообщениях дата и время устанавливаются автоматически.

На лексическом уровне можно заметить, что собеседники употребляют в переписке языковые средства, характерные для устной речи. Некоторые сообщения содержат в себе большое количество просторечных слов и жаргонизмов:

Представляешь что... У меня сегодня украли телефон, мы ехали в универ на трамвае и когда начали выходить я чувствую, что мне в карман кто-то лезет и тянет меня, я аж заорала туп дайте выйти.

Ещё одна особенность сообщений связана с употреблением в них заглавных букв, противоречащих русской орфографии. Слово или фраза, состоящая из заглавных букв, как правило, означает повышение громкости голоса, отраженное на письме:

*Нас двое сейчас живет. К. продежурила в пятницу. Я в понедельник. Почему вы **наезжаете** на других где-то за моей спиной? Или ещё лучше обсуждаете все ГРОМКО ПЕРЕД НАШЕЙ ДВЕРЬЮ?*

Так, жанр **сообщения** отличается от традиционной эпистолярной формы утратой одних структурных элементов (обращения и/или формул приветствия) и изменением других (формулы прощания). Лексико-синтаксические особенности сообщений отражают тенденцию к устранению границ между устной и письменной речью, что усиливается их вольным пунктуационным и орфографическим оформлением. Но сообщение в соцсетях выполняет информационную функцию и предполагает ответ собеседника, что поддерживает связь его с жанром письма.

Рассмотрим еще один жанр, распространенный в интернет-коммуникации, также имеющий отношение к эпистолярной форме. Речь идет о комментариях, размещаемых на сайтах как пользователями-профессионалами, так и непрофессионалами:

*Не очень понятен местный ажиотаж. Половина долга принадлежит Сбербанку. Её реструктуризируют. Внешние кредиторы, **пойдут** временно лесом. Компания продолжит свою работу. Американцы своими действиями внесли такую сумятицу на рынок, что непонятно, кто вообще потерял...*

Как правило, комментарии представляют собой текст, мотивом к созданию которого послужило личное мнение пишущего, его точка зрения относительно какого-либо вопроса, события и т.п. Формулы приветствия раритетны в таких текстах: *Привет, Привет всем, Приветствую, Доброго времени суток.*

Комментарий обычно адресован не конкретному человеку, доступен для прочтения многим людям, поэтому обращение встречается только в диалоговой части комментариев:

NN, блинн зачем же вы с девочками спорите))) мы сидим в женской группе разглядываем наряды макияж и всякое такое))) обсуждаем комментируем...

Формулы прощания в комментариях не используются, в них скорее можно увидеть фразы, указывающие на контактозавершение, например, *спасибо за внимание*. Дата и время в комментариях, как и в электронных письмах и сообщениях, выставляется автоматически.

С точки зрения лексики в комментариях преобладает в основном стилистически сниженная лексика (просторечные и жаргонные элементы). Синтаксические особенности комментариев во многом определяются упрощенным разговорным синтаксисом, поскольку комментарий часто только фиксирует устную речь пользователя.

Пунктуация в комментариях имеет не самое большое значение, для большей выразительности эмоций в текстах используют, например, один и больше восклицательных знаков:

С регионов то все денежки к вам текут, а нам ничего не остается, а мы против. Москва, ты проголосовала, выбор сделала, все едем в Москву на работу!!!!!!! Раз в наших регионах работы нет, а мы бубним "все хорошо!!!!!!", едем на работу все в Москву, отбираем рабочие места у москвичей!!!!!!!

Орфографическое оформление комментариев отличается свободой, т.е. отступлением от законов правописания.

Комментарии, по сравнению с традиционными письмами, имеют явные отличия в структуре: нет или почти не используются формулы приветствия и/или формулы прощания, обращения только в диалогах. Пунктуационное оформление текста скорее направлено на отражение эмоций пишущего, орфографическая норма не рассматривается как обязательная. Кроме того, тексты комментариев ориентированы на монотематичность, при этом в них преобладает тенденция к диалогизации с другими пользователями.

Таким образом, процесс трансформации затронул эпистолярную форму во многом вследствие влияния интернет-коммуникации. Из рассмотренных нами жанровых форм (электронные письма, сообщения и комментарии) в плане структуры и содержания максимально близкой традиционному письму остаются все виды электронных писем, минимальное сходство с ним обнаруживают комментарии. Некоторая доля частных электронных писем, сообщения и интернет-комментарии демонстрируют языковую распущенность.

Трансформация эпистолярных текстов, за исключением электронных деловых писем, которые сохраняются практически в неизменном виде, отражает поиски пишущего для самовыраже-

ния, эмоционального в частности, его понимание креативности исходного жанра, балансе между его традиционностью и оригинальностью.

Литература

Григорьева Т.М. Русская эпистолярная культура: от прошлого к настоящему // Культура русской речи в условиях многоязычия: Материалы II Международной научно-практической конференции (Махачкала, 18–19 мая 2015 г.). отв. ред. М.Д. Ваджибов. – Махачкала, 2015. С. 103–106.

Иванова Е.Н., Латина А.Д. Нормы эпистолярного стиля и частные письма П.А. Демидова второй половины XVIII века. // *Linguistica juvenis*. Сборник научных трудов молодых ученых. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 18.

Калёнова Н.А. Текстология частного письма // Текст как единица филологической интерпретации: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (20 апреля 2012 г., Куйбышев) / отв. ред. А.А. Куруленок. – Новосибирск, 2012. – С. 96–101.

Кожеко А.В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. – С. 85–115.

Косивцова А.В. Речевой портрет адресанта (на материале частных деловых писем Н.А. Демидова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2011.

Косов А.Г. Эволюция документных жанров в деловом языке XVIII века (на материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.

Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М., 2012.

Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М., 2006.

Трофимова О.В. Купчик Е.В. Основы делового письма: учеб. пособие. – М., 2010.

Фесенко О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 23. – С. 132–143.

REFERENCES

Grigor'eva T.M. Russkaya epistolyarnaya kul'tura: ot proshlogo k nastoyashchemu // Kul'tura russkoj rechi v usloviyah mnogoyazy-chiya: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy kon-ferencii

(Mahachkala, 18–19 maya 2015 g.). *otv. red. M.D. Vazhibov.* – Mahachkala, 2015. S. 103–106.

Ivanova E.N., Lapina A.D. Normy epistolyarnogo stilya i cha-stnye pis'ma P.A. Demidova vtoroj poloviny XVIII veka. *Lin-guistica juvenis. Sbornik nauchnyh trudov molodyh uchenyh.* – Ekaterinburg, 2016. – Vyp. 18.

Kalyonova N.A. *Tekstologiya chastnogo pis'ma // Tekst kak edinica filologicheskoy interpretacii: sbornik statej II Vseros-sijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (20 aprelya 2012 g., Kujbyshev)/* *otv. red. A.A. Kurule-nok.* – Novosibirsk, 2012. – S. 96–101.

Kozheko A.V. *Epistolyarnye zhanry: tradicionnye i sovremennye formy // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* – 2015. – № 2-3. – S. 85–115.

Kosivcova A.V. *Rechevoj portret adresanta (na materiale chastno-delovyh pisaem N.A. Demidova: avtoref. dis. ... kand. fi-lol. nauk.* – Tyumen', 2011.

Kosov A.G. *Evolyuciya dokumentnyh zhanrov v delovom yazyke XVIII veka (na materiale rukopisnyh i pechatnyh tekstov Ob"e-dinennogo gosudarstvennogo arhiva Chelyabinskoy oblasti): av-toref. dis. ... kand. filol. nauk.* – Chelyabinsk, 2004.

Krongauz M.A. *Russkij yazyk na grani nervnogo sryva.* – M., 2012.

Majorov A.P. *Ocherki leksiki regional'noj delovoj pis'ennosti XVIII veka.* – M., 2006.

Trofimov O.V. Kupchik E.V. *Osnovy delovogo pis'ma: ucheb. posobie.* – M., 2010.

Fesenko O.P. *Epistolyarij: zhanr, stil', diskurs // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2008. № 23. – S. 132–143.

©Иванова Е.Н., 2020

Иванова Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: z3411828@yandex.ru

Ivanova Evgeniya Nikolaevna – Candidate of Philology, Docent of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

КАЗАЧЕНКО О.В.

КОВАЛЬЧУК О.В.

г. Москва, Россия

kazachenko_07@mail.ru

alexolgakov@mail.ru

81*38

DOI 10.26170/ufv20-02-15

ДИВЕРГЕНТНАЯ РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Аннотация. В статье анализируется редупликация как лингвистический феномен и его роль в языковой игре. Редупликация существует в подавляющем большинстве языков мира. Несмотря на множество исследований графического и фонетического своеобразия редупликатов в различных языках, содержательная характеристика данных лексических единиц освещена недостаточно. Игнорирование прагматико-коммуникативного потенциала редупликации создает, по мнению авторов, однобокую характеристику данного лингвистического феномена. На примерах особого типа редупликации – дивергентной – показана роль и функции данных языковых единиц в создании эстетического эффекта в процессе коммуникации. Авторы выделяют ряд функций дивергентной редупликации.

Ключевые слова: редупликация, дивергентная редупликация, языковая игра, лингвокреативность, языковые инновации.

KAZACHENKO OKSANA, KOVALCHUK OLGA

Moscow, Russia

DIVERGENT REDUPLICATION AS A PHENOMENON OF LINGUISTIC CREATIVITY

Abstract. The article analyzes reduction as a linguistic phenomenon and its role in the language game. Reduction exists in the vast majority of languages of the world. Despite of the existence of scientific studies of the graphic and phonetic originality of reduplicates in various languages, the content of these lexical units has not been sufficiently investigated. From the authors' point of view, ignoring the pragmatic-communicative potential of reduplication creates a one-sided characteristic of this linguistic phenomenon. The role and functions of these language units in creating an aesthetic

effect in communication are shown by examples of divergent reduplication. The authors distinguish some functions of divergent reduplication.

Keywords: reduplication, divergent reduplication, language game, linguistic creativity, language innovations.

Редупликация имеется в большинстве языков мира, представляя собой абсолютную языковую универсалию [Greenberg 1966]. Согласно данным Карла Рубино [Rubino URL], существует 368 языков мира, которые имеют функцию повтора или дублирования в языке. Однако прагматическому плану данного феномена уделено небольшое внимание в лингвистике. До сих пор не выработан теоретический аппарат, позволяющий рассматривать как место редупликации в системе языка, так и ее основные функции. Подавляющее большинство работ направлено на выявление форм и классифицирование примеров редупликации, вместе с тем исследованию редупликации как специфического языкового механизма, реализующегося в лингвокреативности в процессе речи человека, уделено недостаточно внимания. При этом следует отметить более детальное рассмотрение грамматической составляющей редупликатов, в то время как семантическая сторона остается малоизученной. Кроме того, изучая редупликацию только в аспекте системности языка, мы лишаем ее важного, если не ведущего, параметра – прагматико-коммуникативного. Анализ прагматического потенциала данного языкового феномена является ключом к пониманию механизмов его актуализации в различных видах дискурса.

Редупликация представляет собой универсальный морфологический языковой феномен, проявляющийся в полном или частичном повторе элемента слова (корня, основы или целого слова), основной звуковой состав которого не меняется. Это морфологический процесс, который учитывает фонологическую структуру основания. При анализе необходимо точно знать, какой фонологический элемент слова может быть скопирован.

Редупликацию в основном классифицируют как полную (завершённую) и частичную. При частичной редупликации субкомпонент слова повторяется с последующей фонологической модификацией. В случае с полным дублированием происходит

полное повторение корневого слова без каких-либо ударных или тональных различий. Еще одной разновидностью выступает редупликация в детской речи, которая характеризуется упрощением слов, когда ребенок «обретает» язык. При рифмованной редупликации имеет место рифма двух или более разных слов с почти одинаковыми звуками. Часто этот вид редупликации называется дивергентным. При дивергентной редупликации компоненты лексической единицы дублируются не полностью, например, могут быть изменены первые один-два звука, в результате создается эффект эха: *fuzzy-wuzzy* (кудрявый), *hob-nob* (по душам), *hocus-rocus* (фокус-покус), *okey-dokey* (ок). При этом, если мы говорим, что копируется максимум до трех сегментов, эта характеристика не дает полного понимания, почему копируется именно эта последовательность, а не какая-либо другая.

Для чего используется редупликация? В некоторых языках таким способом происходит образование формы множественного числа существительных и некоторых глагольных форм [Kauffman Ch. Цит. по Lakra 2017], в отдельных языках редупликация является продуктивной словообразовательной моделью. При этом заимствования подобных редупликатных образований утрачивают изначальные функции и служат простой номинацией: *agar-agar* (агар-агар), *beri-beri* (бери-бери). В настоящем исследовании нас все же больше интересует прагматико-коммуникативный план механизма редупликации: она модифицирует, усиливает, интенсифицирует слово; участвует в пополнении словарного запаса языка; и, наконец, является элементом языковой игры.

Актуализация номинативной функции в процессе редупликации может быть выявлена как в языке в целом, так и в отдельных дискурсивных фрагментах. Например, номинации, базирующиеся на звукоподражании: *cuckoo* (кукушка), *hip-hop* (хип-хоп). Более продуктивным такой способ номинации является в детской речи, когда ребенок, усваивая родной язык, дает объектам действительности названия, основанные на звукоподражании (надо признать, что не без помощи взрослых): *squek-squek* (кря-кря), *choo-choo* (ту-ту), *beer-beer* (бибика). Редупликация

в данном случае выполняет также и мнемоническую функцию, позволяя ребенку быстрее усвоить номинацию объекта. Функция запоминания актуализируется и на более поздних этапах развития ребенка, например в различных детских считалках и присказках во время игры, часто на механизме редупликации выстраивается эстетика детской поэзии:

Twinkle, twinkle, little star,

How I wonder what you are! (Сияй, сияй, маленькая звёздочка!)

Humpty Dumpty sat on a wall,

Humpty Dumpty had a great fall.

Four-score Men and Four-score more,

Could not make Humpty Dumpty where he was before (Шалтай-Болтай сидел на стене...).

В данных примерах очевидна реализация экспрессивной и эмотивной функций редупликации, основанной на языковой игре. Именно поэтому, на наш взгляд, редупликативные образования были сохранены во всех известных переводах указанных стихотворений на русский язык.

Языковая игра представляет собой «особую форму лингвокреативного мышления» [Гридина 1996, 2013], где при помощи ассоциативных механизмов на основании уже личностно-принятого, то есть усвоенного, создается нечто новое. Языковая игра проявляется в преднамеренном, сознательном нарушении речевой нормы с целью создания коммуникантом эстетического эффекта. Манипулирование «изобретенными» лексическими единицами раскрывает многие потенциальные возможности языка, выраженные в языковой игре.

Часто редупликатные образования используются в магическом дискурсе, в текстах заклинаний, реализуя их ритуальную функцию: hocusocus (фокус-покус), abracadabra (абракадабра), avada kadahat avada (то же), kribble krable (крибле-крабле).

Важно отметить, что в случае с редупликацией мы имеем дело с лингвокреативностью, зафиксированной в языке, а не окказиональностью, поскольку в основном редупликаты вполне об-

щеизвестны. Однако, они привносят в используемый контекст новизну и некоторый игровой момент, связанный с отношением к феномену, ситуации или объекту. Это проявляется, на наш взгляд, в семантике самих редупликатов, например, *lovey-dovey* (любовь-морковь), *hubble-bubble* (бульканье), *nitty-gritty* (повседневная работа), *jeepers-creepers* (черт возьми), *higgledy-piggledy* (сумбурный). Данные контексты показывают нам уничижительно-пренебрежительное отношение говорящего в отношении любви и работы в следующих примерах:

Dave's all lovey-dovey when Nig is around ain't he? Yeah. Showing off though. Try to impress. Дейв становится душкой, когда Ниг рядом, правда? Да. Хочет покрасоваться. Пытается произвести впечатление [здесь и далее перевод наш – О.К., О.К.] [здесь и далее примеры из COCA URL].

I can see to all the nitty-gritty for you. I know you're not a family for bothering your heads with that sort of thing, you've got better things to do. Я обо всем могу позаботиться за тебя (все могу сделать вместо тебя). Я знаю, что ты не из такой семьи, которая забивает голову такими пустяками, у вас есть дела поважнее.

В академическом дискурсе нами были найдены примеры дивергентной редупликации [Knight 1988], которые показывают противоположное мнение автора, касающегося значения фразы, взятой в кавычки:

Darwin's theory had been criticized as the 'law of higgledy-piggledy' by Sir John Herschel, the eminent physicist; but in the same autumn, Maxwell had begun the process of turning physics too into a statistical science. Сэр Джон Гершель, выдающийся физик, раскритиковал теорию Дарвина как 'теорию сумбура', но той же осенью Максвелл начал процесс превращения физики в статистическую науку.

Нам представляется целесообразным разделить найденные нами примеры дивергентной редупликации на определенные тематические группы. Назовем их следующим образом: редупликаты, обозначающие признаки объекта или ситуации с точки

зрения субъекта, редупликаты, обозначающие ситуацию с точки зрения субъекта, редупликаты звукоподражания.

В качестве примеров редупликатов первой группы назовем следующие: *eency-weency* (крошечный), *harum-scarum* (легкомысленный), *itsy-bitsy* (крошечный), *lardy-dardy* (фифа) *ramby-ramby* (сентиментальный), *tumbo-jumbo* (бесмысленный текст), *ruggle-taggle* (плохо организованный), *shilly-shalley* (нерешительно), *teenie-weenie* (крохотный), *chock-a-block* (битком набитый), *artsy-fartsy* (претенциозный), *fuddy-duddy* (консерватор).

Приведем несколько контекстов, иллюстрирующих данные лексические единицы:

Would you agree that you do not switch back and forth from the 1928 prayer book to the 1979, willy-nilly and harum-scarum, on whatever notion happens to strike? Согласитесь ли вы с тем, что вы не будете перескакивать туда-сюда с молитвенника 1928 года на легкомысленное чтение 1979 года, в случае, когда какая-либо идея «выстрелит» (станет чрезвычайно популярной)?

*You are falling for the **mumbo-jumbo** the marxists/progressives want you to. NOBODY is talking about getting rid of, or destroying Medicare or SS. What is being discussed is F-I-X-I-N-G them, not getting rid of them. Вы скатываетесь к чепухе марксистов/прогрессистов. Никто не говорит об избавлении или уничтожении компаний Medicare или SS. Мы обсуждаем P-E-Ш-Е-Н-И-Е этой проблемы, а не уход от нее.*

В примерах мы обнаруживаем отрицательное отношение автора, через использование редупликатов, которое он передает своим слушателям/читателям: *легкомысленное чтение, чепуха* и т.п.

К группе редупликатов, обозначающие ситуацию с точки зрения субъекта, отнесем следующие: *chick-flick* (фильм, интересный для женщин), *hanky-panky* (флирт, проделки), *heebie-jeebies* (мандраж), *helter-skelter* (неразбериха), *hugger-mugger* (беспорядок), *hurlly-burley* (переполох), *pell-mell* (беспорядочно), *razzle-dazzle* (кутеж/броская реклама).

I begin enthusiastically, I go in a hurry, I fall pell-mell down a hill, like a ball of yarns. Я начинаю с энтузиазмом, я спешу, я качусь кубарем с холма, как клубок пряжи.

All that has continued in an ill-conceived, pell-mell, politically driven throwing of resources at a problem that will feel familiar to anyone who was around during the Vietnam War. Все это продолжалось в непродуманном, беспорядочном, определенной политиками трате ресурсов на проблему, которая знакома любому, кто был рядом во время войны во Вьетнаме.

В качестве примеров последней группы назовем следующие лексические единицы: *yoo-hoo* (радость), *jeepers-creepers* (черт возьми).

Несмотря на то, что эмпирическая основа нашего исследования невелика и процесс дивергентной редупликации, показанный данными, нельзя считать особо продуктивным в английском языке, обратим внимание на тот факт, что данные демонстрируют регулярность и фиксированную конфигурацию, что позволяет полагать, что с помощью дублирования происходит регулярный процесс образования слов, пополняющих словарный запас языка. Дивергентная редупликация выполняет ряд функций в языке, среди которых можно выделить номинативную, мнемоническую, экспрессивную, эмотивную и ритуальную, в качестве основных. При этом данный тип редупликации широко используется в языковой игре, выражая определённую модальность отношения к описываемому феномену.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Лингвистика креатива. Коллект. монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. (2-е издание).

Corpus of Contemporary American English (COCA) <https://www.english-corpora.org>.

Greenberg J.H. Language universals: with special reference to feature hierarchies. (Janua Linguarum. Series Minor). The Prague, Paris, 1966. pp. 90.

Knight D. The age of science: the scientific world-view in the nineteenth century. Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1988. pp. 88-205.

Lakra A. V. Reduplication in Kurukh: A Study in Word-formation: Processes and Vocabulary Acquisition International Journal of Applied Linguistics & English Literature. Vol. 6 No. 4; July 2017. Pp. 120-128.

Rubino C. Reduplication. URL: <http://wals.info/feature>

REFERENCES

Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. –Ekaterinburg, 1996.

Lingvistika kreativa. Kollekt. monografiya / Otv. red. T.A. Gridina. – Ekaterinburg, 2013. (2-e izdanie).

Corpus of Contemporary American English (COCA) <https://www.english-corpora.org>.

Greenberg J.H. Language universals: with special reference to feature hierarchies. (Janua Linguarum. Series Minor). The Prague, Paris, 1966. pp. 90.

Knight D. The age of science: the scientific world-view in the nineteenth century. Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1988. pp. 88-205.

Lakra A. V. Reduplication in Kurukh: A Study in Word-formation: Processes and Vocabulary Acquisition International Journal of Applied Linguistics & English Literature. Vol. 6 No. 4; July 2017. Pp. 120-128.

Rubino C. Reduplication. URL: <http://wals.info/feature>

©Казаченко О.В., 2020

©Ковальчук О.В., 2020

Казаченко Оксана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

Адрес: 127572, Россия, г. Москва, ул. Абрамцевская, 9/1, 131.

E-mail: kazachenko_07@mail.ru

Ковальчук Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, Московский городской педагогический университет (Москва, Россия).

129226, Россия, Москва, ул. 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

E-mail: alexolgakov@mail.ru

Kazachenko Oksana Vasilievna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Foreign Philology, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia).

Koval'chuk Ol'ga Vyacheslavovna – Senior Lecturer, Department of Foreign Philology, Moscow City Pedagogical University (Moscow, Russia).

КИСЛОВА И.С.

г. Челябинск, Россия

harit22ir1@mail.ru

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-16

ФОРМИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНОЙ КРЕАТИВНОСТИ У ШКОЛЬНИКОВ ПУТЁМ МОДЕЛИРОВАНИЯ МУЛЬТФИЛЬМА

Аннотация. В статье описан формирующий эксперимент, направленный на развитие дискурсивной креативности. Эксперимент состоит из двух этапов: анализ дискурса современных анимационных фильмов студии «Мельница» о богатырях (текстовосприятие) и моделирование школьниками нового мультфильма, в тексте которого используются выявленные приёмы создания лингвокреативного дискурса (текстопорождение). Исследуемые мультфильмы представляют собой анимационные былины, действие которых развивается во времена Киевской Руси, однако отражаются в них современные реалии. Тексты мультфильмов отличаются высокой степенью структурно-языковой сложности. Речь каждого персонажа индивидуализирована определенным набором используемых приёмов языковой игры, что служит средством раскрытия характера. Автором выдвигается гипотеза относительно того, что в процессе анализа структурных и содержательных особенностей мультфильма как анимационного жанра у респондентов формируются навыки конструирования креативного текста.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, игровой тренинг, креативная среда, дискурсивная креативность, языковая игра, мультфильм.

KISLOVA IRINA

Chelyabinsk, Russia

FORMATION OF DISCURSIVE CREATIVITY IN SCHOOL CHILDREN BY MODELING CARTOON

Abstract. The article describes a teaching experiment aimed at the development of discursive creativity. The experiment consists of two stages: analysis of the discourse of modern animated feature films of Melnitsa studio about the warrior heroes of Russian folk epics (text perception) and

modeling by the schoolchildren of a new cartoon, the text of which uses the revealed techniques for creating linguo-creative discourse (text generation). The cartoons under study are animated Russian epics, the action of which develops in the days of Kievan Rus, but they reveal the modern realities. The cartoon texts demonstrate a high degree of structural and linguistic complexity. The speech of each character presents a certain set of the language game techniques, which serves as a means of revealing the character. The author makes a hypothesis that responders develop skills in constructing a creative text while analyzing the structural and content features of a cartoon as an animation genre.

Keywords: psycholinguistic experiment, game training, creative environment, discursive creativity, language game, cartoon.

В настоящее время особое значение приобретает проблема развития креативности, рассматриваемая в качестве цели и результата образования. Концепция воспитания личности с широким интеллектуальным потенциалом, способствующим развитию креативного мышления, отражена в Федеральном государственном образовательном стандарте начального общего образования, утверждённым приказом №373 от 6 октября 2009 года, в Национальной доктрине образования в РФ.

Проблема креативности в гуманитарных науках обычно «расценивается как экспликация когнитивных и психологических способностей человека к творчеству, к ментальному переосмыслению реальности и созданию каких-то новых феноменов, объектов, артефактов, выдвижению новых идей, конструированию новых смыслов и их воплощению в новые концепты, слова, значения, тексты, ранее не имевшие место в материальной действительности или духовно-социальном пространстве социума» [Гермашева 2016: 166].

Особым видом креативности выступает вербальная креативность как «важная составляющая языковой личности, способной проявлять свою «уникальность», «одаренность» и инновационность в использовании ресурсов языка» [Гридина, Берсенева 2017: 54]. При этом вербальная креативность включает в себя способность как к текстопорождению, так и к текстовосприятию. Креативная языковая личность способна и к созданию, и к

восприятию текстов, отличающихся высокой степенью структурно-языковой сложности, в том числе игровых (построенных на механизмах языковой игры) [см. Гридина 2019].

В процессе взросления отмечается тенденция к затуханию спонтанного словотворчества, обусловленного стремлением освоить системные закономерности языка. В школьные годы в действие вступает ещё и фактор следования языковым нормам. «Путь формирования языковой способности лежит через постижение ребенком закономерностей языковой системы к усвоению языковой нормы, к установке накладываемой языковым стандартом "системы фильтров" и ограничений в его речевой практике» [Фурман 2009: 52-55]. Поэтому перед методистами, филологами, педагогами встаёт задача разработки способов развития преднамеренной креативности.

С целью развития преднамеренной креативности у современных школьников мы провели формирующий эксперимент, отличие которого от других видов психолингвистических экспериментов заключается в том, что исследуется не функционирование языковой способности в речевой деятельности, а формирование этой способности. При этом по-разному организуются способы ее формирования и сопоставляется эффективность полученных результатов.

В психолого-педагогической парадигме под креативностью понимается качество, которое формируется лишь тогда, когда это позволяет учебная среда (см. [Дружинин 2002]). Для этого необходимо создание условий для «подражания» творческому поведению и подкрепление такого творческого поведения. Иначе говоря, для творческого процесса необходимо создание креативной среды, т.е. таких условий решения поставленных задач, которые не предполагают жестко заданных алгоритмов (см. об этом [Гридина 2014]).

Одной из таких форм является игровой тренинг. Условия игрового тренинга позволяют «смоделировать и преобразить языковую реальность, отличающуюся высокой степенью спонтанности и свободы, но в то же время протекающую в рамках четко заданных правил, структуры и времени и под руководством тре-

нера-специалиста» [Телегина 2008: 48]. Тренинговые технологии имеют одновременно и диагностическую, и развивающую направленность [Коновалова 2015]. Всё это позволяет нам использовать тренинг как способ организации творческой среды в формирующем эксперименте.

Предметом формирования в эксперименте стала дискурсивная креативность, под которой Т.М. Гермашева понимает «нетривиальное использование существующих языковых знаков и конструирование новых знаков в момент производства речи в условиях конкретной коммуникативной ситуации «здесь» и «сейчас»» [Гермашева 2016: 169].

Наш эксперимент состоял из двух этапов: анализ дискурса современных анимационных фильмов студии «Мельница» о богатырях и моделирование нового мультфильма, в тексте которого используются выявленные приёмы создания лингвокреативного дискурса. Гипотеза исследования: в процессе анализа структурных и содержательных особенностей мультфильма как анимационного жанра у респондентов формируются навыки конструирования креативного текста.

Эксперимент был проведен дважды (в разных группах). Первую группу составили школьники 11-15 лет, обучающиеся в физико-математических классах. В эксперименте приняли участие 17 человек: 10 мальчиков и 7 девочек. Второй группой стали школьники 10-13 лет, обучающиеся в «Современном центре развития». В этой группе испытуемых было 12 человек: 11 девочек и 1 мальчик. Реализация эксперимента заняла 8 уроков (по 40 минут). Занятия проходили в рамках курса «Лингвокреативное мышление».

Процедура анализа состояла в просмотре 3 изображений или видеофрагментов, объединенных одной специфической особенностью мультфильмов, и в выявлении этой особенности. Отметим, что в статье мы приводим лишь некоторые примеры.

1. Анализ названий мультфильмов.

Большинство названий («Три богатыря и Шамаханская царица», «Три богатыря на дальних берегах», «Три богатыря и Морской Царь», «Три богатыря и принцесса Египта») содержат

в себе имя нового героя или место. Но даже если компонентом названия является имя, то оно говорит о том, где будет развиваться действие мультфильма (Шамаханское государство, Морское царство, Египет).

2. Анализ структуры (композиции) мультфильмов.

В мультфильмах сохраняется традиционный принцип построения былинного сюжета: запев, зачин, завязка действия, его развитие, кульминация и развязка.

Например, мультфильм «Алёша Попович и Тугарин Змей» начинается таким запевом: *«А и сильные, могучие богатыри на славной Руси! Не скакать врагам по нашей земле, не топтать их коням землю русскую, не затмить солнце наше красное, и века простоит не шелох..., не шилох...»*. Запев переходит в зачин: *«В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын, звали его Алёшей, по отцу Поповичем. <...> А во времена те лихие повадились войска Тугарские землю Русскую топтать да русских людей неволить. Прискакала сила чёрная собрать с жителей города Ростова дань немалую»*.

Завязка былинны – событие, нарушающее равновесие исходной ситуации, – в мультфильме часто связана с князем Владимиром, действия которого имеют разрушительный характер: он отдает за долги племянницу Забаву, проигрывает Киев, решает завладеть сокровищами Морского Царя, поддается чарам Шамаханской царицы.

3. Анализ национальных стереотипов.

В каждой серии в яркой наглядной форме представлены русские традиции и обычаи, стереотипы о русских:

- *«Киевская Русь, говоришь? Балалайка, матрёшки и три богатыря»;*

- *«Какая же русская свадьба без драки. Ура!»;*

- *«Потерпи, у русских приняты долгие ухаживания».*

Также в мультфильме отражаются гетеростереотипы, традиции и обычаи других народов:

- *«А правду говорят, что цыганка нагадала, то сбудется?»;*

- «Они что, разговаривать умеют?», «Они что, ещё и писать умеют?» (об аборигенах, живущих на острове);

- «По законам Шамаханского царства, невеста может открыть лицо только после свадьбы».

4. Анализ приёмов языковой игры.

Языковая игра в современных анимационных фильмах представлена на всех уровнях языка: фонетическом, лексико-стилистическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом. Приведём примеры, которые мы взяли при анализе приёмов языковой игры на лексико-стилистическом уровне:

«– *Елисей, ты зачем ко мне в попутчики навязался? Забавы ради?/ – Ты всё знаешь? Ну да, я жениться на ней хочу / – Вам, молодым, только забавы да веселья подавай... На ком жениться?/ – На Забаве»* (эффект языковой игры основан на омонимии имени собственного и нарицательного);

« – *Где деньги?/ – О, мудрейший Колыван, сейчас у меня форс-мажор! / – Вот у него бы и занял!»* (обыгрывается парадокс непонимания значения слова);

«*Вот беда с этими бабами... женщинами»* (использован стилистический прием эвфемизации).

5. Анализ прецедентных текстов: источник, способы их включения и трансформации.

Авторы современных мультфильмов разворачивают языковую игру через наиболее распространенные прецедентные тексты: устойчивые выражения, фразы из всем известных сказок, художественных произведений, исторические эпизоды, рекламные слоганы, песни и пр.

«*Конь – это звучит гордо. Мы кони – основа прогресса и шахмат. Довольно цивилизации ездить на конях. Пришёл наш черёд ездить на цивилизации».* (М.Горький. «На дне»)

«*Как вы смеете? Мой отец – депутат и мама – депутат. Я выбираю звонок другу!»* (интеллектуальная игра «Кто хочет стать миллионером?»).

«*Уберите его, уберите. Зарисовка во дворце запрещена!»* (устойчивое выражение «Фото и видеосъемка запрещены!»)

В мультфильме, в связи с тем, что он создан по мотивам былин, частотное употребление фразеологизмов, пословиц и поговорок, которые приводятся как в готовом («*Чистая правда, зуб даю*», «*Сидите там ниже травы, тише воды*», «– *Палач здесь не помощник. Что написано пером, не вырубишь топором* / – *Да ну, он у меня такой виртуоз*»), так и в трансформированном виде («*Клюв даю, больше мы этих богатырей не увидим*», «*Не смейши мои подковы*», «*Из перьев вылезли, но сделай так, чтобы он на мне женился*», «*Допечатай без меня, мне в Осколково, там сегодня новая конюшня открывается, будут показывать, как готовить сани летом*»).

6. Анализ характеров героев и их речевого поведения.

Постоянными героями мультфильмов являются Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович, их жёны, князь, конь Юлий.

Илья Муромец – богатырь, верящий в судьбу, крепко связанный с землей, с народом, культурой. Речевой образ Ильи Муромца, наиболее близкого к народному сознанию, строится с опорой на пословицы, поговорки и приметы: «*Ночью звезда с неба упала – добрая примета*», «*Приметы народ веками замечал, они правду говорят*», «*Не всему доверяй, что с виду красиво. Есть такая примета*».

Добрыня Никитич предстает как опытный, рассудительный, умудренный годами человек, богатырь-дипломат ратует за справедливость, в его речи проявлена установка на наставление и поучение: «*В ратном деле всё важно: тактика, стратегия, а главное, это дух укрепить*», «*Зарекись, что большие ты в азартные игры не играешь*».

Самый молодой из богатырей часто показан простодушным. Гиперболизация этого качества в данном случае не идеализирует, а, наоборот, приближает героя к реально существующим характеристикам. Алёша открыто эмоционален, он фантазёр, рвётся в бой – всем этим он похож на подростка – основного зрителя мультфильмов: «*Всем кони, а мне пони – не полечу на таком*», «*Покуда золото да имя своё доброе не верну, мне в городе делать нечего*».

Алёнушка, жена Ильи, по профессии «летописец», проявляющая в своей речи «навыки современного корреспондента» («*Что заставило вас стать на скользкий путь грабежа и разбоя?*»), Настасья, жена Добрыни, собой традиционный образ русской женщины («*Добрыня, не смей, слышишь! Учти, воротись, а я к маме перееду!*»), Любава молода, любит своего «непутёвого Алёшку» и всегда готова прийти ему на помощь («*А давайте подождём, пока басурмане там с голоду сдохнут... ну или ослабнут*»).

Одним из самых ярких и известных персонажей является конь Юлий. Доминантой его характера и речи является самопрезентация (в любой коммуниктивной ситуации он «переводит стрелки на себя», сообщая то, что поднимает его «престиж» в глазах собеседника и высказывая личностные оценочные суждения по всякому поводу): «*Занимаю должность архивариуса, культурного атташе с точки зрения зарубежных связей и связей с зарубежной общественностью. Как я обожаю Германию, особенно Лондон. Как там Монмартр?*», «*Безобразия, такой тяжёлый груз. Как вы справляетесь? Кстати, я как раз заканчиваю доклад о равноправии полов. Не желаете заслушать основные положения?*».

Князь нерешительный, корыстолюбивый, поведение его нередко напоминает поведение капризного ребёнка. В речи данного персонажа часто встречаются «оговорки», раскрывающие истинные намерения и помыслы нерадивого руководителя: «*Чего хочу — того и ворочу... эээ... действую в интересах державы*»; «*Не пойман — не вор... эээ... в переносном смысле*».

Перед этапом моделирования мы разделили респондентов на микрогруппы (всего 5). Испытуемым было предложено придумать возможный сюжет к несуществующим мультфильмам «Три богатыря в космическом пространстве» и «Богатыри в Стране восходящего солнца» на выбор.

Конечным продуктом эксперимента и критерием его результативности стало написание сценария к одному из эпизодов своего мультфильма и инсценировка этого эпизода.

Результат, полученный от одной из микрогрупп (учащихся физико-математического класса).

«Три богатыря в космическом пространстве», эпизод «Богатыри в ракете».

Илья: Ох, братцы, до чего же техника дошла!

Добрыня: Что ни захочешь – для всего кнопка есть.

Алёша: А это что за кнопка? (*нажимает на кнопку «Не нажимать»*)

Начинается отсчёт. Ракета взлетает.

Юлий: Спокойствие, только спокойствие.... Нет, мы все умрём, я не доживу до своей смерти, которая мне была суждена.

Илья: На дорожку мы с вами не посидели – плохо полёт пройдёт. Примета такая.

Илья: Эх, братцы, земля русская из-под ног уходит (*невесомость*).

Юлий: Ура, я буду первым конём в космосе. А ещё я есть хочу.

Алёша: Опять?

Добрыня: Не опять, а снова.

Юлий: В смысле не опять, а снова. Я вообще-то **растущий организм**. Мне питаться надо.

Нашли еду в тубиках

Илья: Эх, а жёнушки-то наши на приготовлении еды **собаку съели**. Нечто вы забыли борщи их вкусные или пельмени. Никто такое не сварит и не слепит.

Добрыня: Душновато стало, братцы. Надо бы проветрить.

Автоответчик (робот): Не в нашем случае. За бортом – 200 градусов по Цельсию.

Алёша (не обращая внимания на голос, пытается открыть): Не поддаётся.

Автоответчик: У вас ничего не получится. Окна заблокированы. Для отключения блокировки обратитесь в **службу техподдержки «Русь-матушка»**.

Илья: Да ну его, навались (*дверь открывается*)

Автор: И попали богатыри в **три/ девятую Галактику**.

Три микрогруппы из пяти выбрали для работы название «Богатыри в Стране восходящего солнца». В мультфильме с таким содержанием они увидели больше возможностей для словотворчества. Данные ниже диалоги составлены учащимися «Современного центра развития».

«Богатыри в Стране восходящего солнца», эпизод «Прибытие в Японию».

Алёнушка: Как только прибудем, заселимся в отель, и я сразу побегу на конференцию **«Новые технологии по очистке рыбы»**

Князь (*выходит из каюты*): Что за страна такая?

Илья: Это, царь-батюшка, Япония – **страна с богатой культурой.**

Спускаются на берег:

Юлий: Мы приехали в **период цветения Сакуры.**

Алёша: Это ягода какая-то?

Алёна: Нет, сакура – это дерево, которое очень красиво цветет, **символ Японии.** Оглянитесь (*видят изображение сакуры на одежде, на посуде, на сувенирах*).

Японка: Предлагаю вам нашу **японскую обувь – гэта.** Если вы **поплёёте на подошву,** то ваше путешествие пройдёт хорошо.

Юлий: **Плевать я на это хотел,** что со мной может случиться?

В отеле:

Администратор: Сейчас мы вас заселим. А это кто? (*показывает на Юлия*)

Юлий: Кто-кто? **Конь в кимоно!**

Администратор: **А с животными нельзя!**

Полученные результаты свидетельствуют о том, что школьниками успешно усвоены приёмы лингвокреативизации, используемые в мультфильмах студии «Мельница». Испытуемые построили фразы в соответствии с характерами и речевыми особенностями персонажей. Так, в речь Ильи Муромца они вкла-

дывают уважение к приметам (*«На дорожку мы с вами не посидели – плохо полёт пройдёт. Примета такая», «Черный кот дорогу перебежал – к беде это. Есть такая примета»,* трепетное отношение к родной земле, стране, культуре (*«Да что мы не видели в этой Японии», «Эх, братцы, земля русская из-под ног уходит»*). Высказывания Добрыни Никитича отличаются строгостью, прямолинейностью, рациональностью (*«Не опять, а снова», «А вы, женушки, за дверью подождите. Не женское это дело!», «Настасьюшка, так ты поезжай, а я здесь останусь службу нести», «Давайте приступим к делу»*). Алёша Попович любознателен и задаёт много вопросов (*«А это что за кнопка?», «Это ягода какая-то?»*).

Алёнушка в текстах респондентов предстаёт типичным журналистом (*«Как только прибудем, заселимся в отель, и я сразу побегу на конференцию «Новые технологии по очистке рыбы», «Нет, сакура – это дерево, которое очень красиво цветет, символ Японии. Оглянитесь»*). Речевой образ Настасьи также соответствует её характеру в мультфильме (*«Надо скалку купить новую, а то в моей уже трещина пошла, на покой ей пора», «Всё, надоело! Добрыня, сколько ты уже отпуск мне обещаешь?», «Говорил – не говорил! Спасать нужно!»*). Слов Любавы в придуманных респондентами диалогах не встретилось.

Конь Юлий напоминает современного подростка, поэтому конструировать для него фразы респондентам было интересно и нетрудно (*«Я вообще-то растущий организм. Мне питаться надо», «Плывать я на это хотел, что со мной может случиться?», «И не забудь прочитать то, что мелким шрифтом написано»*).

Испытуемые используют в диалогах прецедентные тексты: *«Спокойствие, только спокойствие...», «Вот до чего в Японии техника дошла: наших богатырей и тут, и там показывают»,* включают в текст трансформированные устойчивые выражения (*«Конь в кимоно», «Три/ девятая Галактика», «Первый конь в космосе», «Мать моя – панда, не знаешь, что это суши?», «Братцы, так они нам фугу подложили», «Не смеши мою седую гриву»*).

Этап инсценировки был самым ожидаемым, служил своеобразной мотивацией. Обыгрывание (выход в устную речь и принятие ролей) способствовало тому, что некоторые шутки или фразы были придуманы особо активными школьниками уже в самом процессе.

Мультфильмы студии «Мельница» выступили хорошим образцом в игровом тренинге, направленном на развитие дискурсивной креативности. На этапе анализа были выявлены приёмы создания лингвокреативного дискурса, на этапе моделирования школьники выступили в роли сценаристов, конструируя возможный сюжет к несуществующим мультфильмам. Составленные диалоги доказывают, что респонденты подбирают лексику и выражения, соответствующие характеру персонажей. Испытуемыми успешно освоены способы трансформации фразеологизмов и способы введения в сюжет прецедентных текстов.

Литература

Баскакова И.Л., Глухов В.П. Практикум по психолингвистике / Учеб. пособие для студентов педагогических и гуманитарных вузов. – М., 2009.

Гермашева Т.М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. – Екатеринбург, 2016. С. 166-172.

Гридина Т.А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива -3. / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. С.14-75

Гридина Т. А. «Уже изобретен велосипед?»: креативные технологии текстопорождения // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. №2(28). С.49-62.

Гридина Т. А., Берсенева А.А. Вербальная и образная составляющие тренинга креативности ребёнка // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2017. №2. С.53-67.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные проекции слова в игровом медиатексте // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2019. №17. – С. 73-93.

Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – СПб., 2002.

Коновалова Н. И. Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. – Екатеринбург, 2015. – №11. – С. 195- 202.

Лингвистика креатива. Коллект. монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. (2-е издание).

Телегина И.О. Границы метода: большая психологическая игра // Школьный психолог. 2008. – №3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200800307>

Фурман Н.Г. Формирование мотивированности слов в детских номинациях в процессе речевого развития // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324 (июль). – С. 52-55.

REFERENCES

Baskakova I.L., Gluhov V.P. Praktikum po psiholingvistike / Ucheb. posobie dlya studentov pedagogicheskikh i gumanitarnykh vuzov. – M., 2009.

Germasheva T.M. Lingvokreativnyj diskurs: k postanovke problemy // Diskurs-Pi. – Ekaterinburg, 2016. – S. 166-172.

Gridina T.A. Associativnye proekcii detskih slovtvorcheskih inovacij i treningi verbal'noj kreativnosti // Lingvistika kreativa -3. / Pod obshchej redakciej T.A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2014. S.14-75

Gridina T. A. «Uzhe izobreten velosiped?»: kreativnye tekhnologii tekstoporozhdeniya // Ural'skij filologicheskij vest-nik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2019. №2(28). – S.49-62.

Gridina T. A., Berseneva A.A. Verbal'naya i obraznaya sostavlyayushchie treninga kreativnosti rebyonka// Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. – 2017. – V. , 1. 2. – P. 53-67.

Gridina T. A., Konovalova N. I. Associativnye proekcii slova v igrovom mediatekste // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2019. №17. – S. 73-93.

Druzhinin V. N. Psihologiya obshchih sposobnostej. – SPb., 2002.

Konovalova N. I. Resursy rechevoj psihodiagnostiki v ob-razovatel'nom processe // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – Ekaterinburg, 2015. – №11. – S. 195- 202.

Лингвистика креатива. Коллект. монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2013. (2-е издание).

Телегина И.О. Granicy metoda: bol'shaya psihologicheskaya igra // Shkol'nyj psiholog. 2008. – №3. [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200800307>

Furman N.G. Formirovanie motivirovannosti slov v detskih nominacijah v processe rechevogo razvitiya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 324 (iyul'). – S. 52-55.

©Кислова И.С., 2020

Кислова Ирина Сергеевна – аспирант, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия).

Адрес: 454080, Россия, г. Челябинск, ул. Ленина, 76.

E-mail: xarit22ir1@mail.ru

Kislova Irina Sergeevna – Graduate Student, Lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia).

КУЛАКОВА Н.В.

г. Красноярск, Россия

kulakova-nv@yandex.ru

81'23

DOI 10.26170/ufv20-02-17

ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СЛОВОТВОРЧЕСКИХ ИГРЕМ

Аннотация. Статья посвящена исследованию потенциала смысловой вариативности производного слова в русском языке и востребованности этого ресурса в лингвокреативной деятельности. Самостоятельной проблемой выступает формирование способности к считыванию потенциальной семантики слова (в том числе игрового) в процессе школьного обучения. Предметом рассмотрения в статье являются словотворческие игры, образованные по продуктивным моделям, в аспекте их восприятия детьми. Представлены результаты эксперимента, направленного на выявление способности младших школьников к семантизации словообразовательных инноваций, и обнаружение факторов, способствующих потенциальной вариативности такой семантизации. Как показывает полученный материал, обучающиеся смогли раскрыть значения новообразований, опираясь не только на созвучие, фонетическое сходство определяемой инновации с известными им узуальными словами, но и на анализ вещественного значения корня и деривационного значения аффикса, «учитывая» тот факт, что смысловая структура производного слова обуславливается значением ее составных частей. Результаты эксперимента показали, что в языковом сознании учащихся младшего школьного возраста (в большинстве случаев) уже сформирована соотнесенность значения слова с тем или иным суффиксом в его структуре, и знание «тематической специализации» слов с данным формантом в знакомых словах помогает ребенку определить значение неизвестного слова в целом. В то же время в эксперименте обнаруживаются факторы потенциальной вариативности словотворческих игр.

Ключевые слова: словообразование, игра, словотворческие игры, окказионализмы, вариативность, семантизация.

KULAKOVA NATALIA

Krasnoyarsk, Russia

POTENTIAL VARIABILITY WORD CREATIVE GAMES

Abstract. The article is devoted to the study of the potential of semantic variability of a derivative word in the Russian language and the relevance of this resource in linguistic-creative activity. An independent problem is the formation of the ability to read the potential semantics of a word (including gaming) in the process of school education. The subject of the article is the word-making games, formed according to productive models in the aspect of their perception by children. The results of an experiment aimed at identifying the ability of younger schoolchildren to semantize word-formation innovations, and the discovery of factors contributing to the potential variability of such semantization are presented. As the obtained material shows, the students were able to uncover the meanings of the neoplasms, relying not only on the harmony, phonetic similarity of the innovation being identified with the familiar words, but also on the analysis of the material value of the root and the derivational value of the affix, “considering” the fact that the semantic structure of the derived word is determined by the value of its constituent parts. The results of the experiment showed that in the linguistic consciousness of students of primary school age (in most cases), the correlation of the meaning of a word with a particular suffix in its structure has already been formed, and knowledge of the “thematic specialization” of words with this formant in familiar words helps the child determine the meaning of the unknown word as a whole. At the same time, the experiment reveals factors of potential variability of word-making games.

Keywords: word formation, game, word-making games, occasionalisms, variability, semantization.

Актуальность проблематики языковой вариативности очевидна, поскольку, вариативность «составляет одно из ярких, постоянных свойств языковой системы, характеризующее все ее уровни во все времена существования языка. Вариативность является следствием динамики языка, отражением различных языковых процессов и тенденций, показателем жизнечности и совершенствования языка» [Блинова 1997: 16].

В качестве одного из вариативных языковых регистров можно рассматривать словотворчество, расширяющее и обновляю-

щее репертуар номинативных средств. Причины такого «обновления» могут иметь как компенсаторный, так и собственно речетворческий характер, принимая, в частности, форму языковой игры.

В таком случае окказиональное или потенциальное слово выступает в виде словотворческой *игремы* (термин «игрема», вслед за Т.А. Гридиной, мы используем в значении «продукт, результат языковой игры» – см. [Гридина 1996]). В некодифицированном языке речетворчеству способствует не только большая самостоятельность морфем, но и вариативность сочетаний отдельных элементов, не связанная с нормами комбинирования, т.е. говорящий свободно вычленяет и употребляет необходимую часть слова (вербализирует ее) [Земская 2004: 112]. Словотворческие *игремы*, являясь «...результатом реализации потенциала языка в области конструирования и варьирования языковых форм и значений с учетом правил аналогии и субстанционально обусловленного свойства асимметрии языкового знака» [Гридина 1996], допускают различную интерпретацию как в плане системно заданного, так и контекстуально обусловленного восприятия. Это в частности, подтверждается как спонтанными, так осознанно игровыми практиками речетворчества в детской речи (см.: [Гридина 2016]), а также экспериментальными данными по толкованию инноваций детской речи самими детьми, выступавшими в качестве респондентов (см. [Гридина 2014]).

Все вышесказанное определило направление диагностического исследования, которое проводилось на базе МБОУ СШ № 27 г. Красноярска (в эксперименте принимали участие обучающиеся 3 «А» класса в количестве 23 человек).

В постановке данного эксперимента мы опирались на идею, о необходимости отступления от сугубо формализованного («неаналитического») подхода к преподаванию русского языка. Ср., показательное в этом отношении высказывание И.М. Петяева в руководстве для учителя, датированном 1915 годом, но и по сей день не утратившем своей актуальности:

«Элементарная грамматика, служа практическимъ цѣлям, при разумномъ преподаваніи, когда ученики сами подъ руководствомъ учителя производятъ наблюденія надъ фактами языка, дѣлаютъ выводы и обобщенія, – не только не скучна, но и въ высокой степени интересна, и, несомнѣнно, полезна для дѣтей – какъ въ смыслѣ изученія языка, такъ и въ смыслѣ развитія у нихъ отвлеченного мышленія вообще» [Петяевъ 1915: 118]. Современные игровые (тренингово-диагностические) технологии обучения вполне коррелируют с данным тезисом.

С целью диагностики и активизации рефлексии учащихся над тем, как «сделано слово и что или кого оно может назвать», детям предлагалось объяснить значения новообразований (словотворческих игр): *данчальщик, жавартель, переключальщик, шафулист, рогувельчанин, махотчик, зимяка, фанерщик, песковик, мыльник, газетоман, турмянник*. Стимульный материал был сконструирован самим экспериментатором.

Моделирование новообразований осуществлялось при помощи узуальных способов деривации по продуктивным в языке моделям: в качестве словообразовательных формантов использовались часто встречающиеся суффиксы: *чик/-щик, -тель, -ист, -чан-ин, -к, -ник*, за которыми закреплено значение принадлежности лица или предмета к определенному виду деятельности, месту или профессии. Выводимость значений слов в опоре на некие типовые модели их конструирования обусловлена «реальностью словообразовательных связей в сознании человека» [Норман 1994: 63-64]. Исходя из того, что структура производного слова обуславливается значением ее составных частей: производящей основы и словообразовательного форманта, при помощи которого это слово образовано, мы предположили, что при осознании вещественного значения корня и деривационного значения аффикса (в данном случае суффикса) ученики смогут семантизировать предложенные им новообразования. Это позволит уточнить характер восприятия детьми семантики отдельных продуктивных суффиксов русского языка.

Анализ результатов исследования.

Данчалщик (-чик/щик – указывают на лицо или предмет, производящий действие, обозначенное мотивирующим словом.)

Респонденты определили значение слова как профессию (9 чел. – 39%): «тот, кто делает **данчал**» (2 человека); «тот, кто работает с **данчальным** кругом» (ассоциация с гончарным кругом); «человек, который чинит»; «тот, кто **данчатит**»; «тот, кто **данчит**» (2 чел.), «тот, работает на гончарном круге», «чинит всякие трубы». Были также предложены варианты, не связанные с указанием на профессию: «тот, кто живет на даче» (2 чел. – 9%), «тот, кому дают дань», «тот, кто всегда говорит "да"», в этих случаях семантизация произошла за счет вычленения из состава основы фрагментов созвучных «знакомых» слов: «дача», «да», «дань» (по принципу ложной этимологии); 2 человека предложили варианты семантизации, основанные на созвучии со словоформой *до начала* и глаголом *начинать*: «человек, который присутствует до начала, «человек, который начинает». Ответы (6 чел.): «человек, который опаздывает», начальник (2 чел.), «работник месяца», «данчанин», «человек, который ездит на подъемнике» не поддаются объяснению с лингвистической точки зрения, толкование их можно объяснить лишь ассоциативным мышлением учащихся, 1 отказ. (Заметим, что в процессе толкования этого слова проявилась словотворческая активность младших школьников, что выразилось в «изобретении» окказиональных слов и словоформ типа *данчальный*, *данчать* и *данчатить*).

Переключальщик

18 человек (78 %) семантизировали игру «переключальщик» как: «тот, кто переключает что-то», 5 человек (22 %) связали новообразование «переключальщик» с путешествиями или приключениями: «человек, у которого много приключений», «человек, который путешествует», «тот, любит приключения», «тот, кто ищет приключения». Созвучие *паронимов* «приключение» и «переключение» способствовало появлению данного варианта. Не исключено, однако, что данная семантизация обыгрывает смысловую связь между словами: *приключение* – калейдоскоп событий, своего рода *переключение* на все новые

впечатления. Правда, данная связь самим ребенком не эксплицирована.

Фанерщик

Человек по роду его деятельности (11 чел.): «человек, который *фанерует*»; «человек, который режет фанеру»; «тот, кто работает с фанерой»; «тот, кто занимается фанерой»; «тот, кто делает что-то из фанеры»; «продает фанеру»; «человек, который делает фанеру» (5 чел.). Знания о том, что для изготовления мебели используется фанера (экстралингвистические знания), позволили ученику семантизировать игрему «фанерщик» как обозначение «того, кто доставляет мебель». 6 человек связали игрему «фанерщик» со словом «фонарщик». Мотивация через сближение по созвучию обусловила следующие варианты семантизации игремы «фанерщик»: «фанерщик – это человек, «кто чинит фонари» (3 чел.); «который делает фонари»; «у кого есть дома фонарь»; один даже записал лексему «фонарщик». Ср. варианты (4 чел.): «тот, кто делает фары»; «фонарь», «шифоньер» (ассоциация, опосредованно связанная с фанера – материал, из которого делают мебель); «тот, кто в Финляндии» можно объяснить лишь ассоциативным фоном слова в сознании конкретных детей. 1 отказ.

Махотчик

4 человека: «тот, кто чем-либо машет» (махать-машет). 1 человек: «тот, кто обладает махом» (ср. *мах* как обозначение быстрого, размашистого движения); 3 человека связали игрему с концептом «охота»: «чел, который охотится на зверей»; «охотник, который охотится на кошек по кличке Маха»; охотник (возможно, в процессе работы ученики вспомнили слово «добытчик»). Варианты (7 чел.): «человек, который находчив»; «отчаянный человек»; «максимально шьёт»; «милый и красивый человек»; «мягкий человек»; «чинит машины»; «кто делает шубы из меха» можно объяснить лишь сближением с созвучными словами, отражающими конкретику ассоциативного мышления учащихся. У 5 учеников игрема «махотчик» вызвала ассоциации по созвучию со словом находчик (тот, кто нашел, случайно обнаружил что-либо). Ср. варианты: махотчик – это: «человек,

который что-то находит»; «тот, кто быстро ищет»; «ищет махот»; «тот, кто находит махо»; «тот, кто находит мох».2 отказа.

Жавартель (-*тель* – называет лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом.) Учащиеся определили значение слова как название профессии (2 чел.): «человек-повар» (1 чел.); профессия (1 чел.) – обобщающая номинация. Характеристика человека по действию 1) (жарит, варит) (12 чел.): «человек, который жарит», «тот, кто варит и жарит», 2) «тот, кто что-то сжимает» (1 чел.), 3) обжора (1 чел.). Один ученик написал, что «жавартель» – это «жаваратель с пропущенной буквой», в этом случае наблюдается пример языковой игры, в которую включился обучающийся, записав свой вариант словотворческой игры. Варианты обозначения «предметного мира»: ткань (1 чел.); машинка (1 чел.), жаворонок (1 чел.), «фирма кастрюль» (1 чел.); «у кого много заварки» (1 чел.) объясняется ассоциативным мышлением учеников. 1 отказ.

Шафулист (- *ист* - называет лицо, характеризующееся свойством, взглядами или сферой занятий, которые названы мотивирующим прилагательным или словосочетанием с мотивирующим прилагательным в качестве определения). Обучающиеся определили как профессию (3 чел.): «спортсмен по виду спорта Шаф» (однако неверно определена основа); 2 человека заменили новообразование узуальными словами: «шахматист» (1 чел.), «футболист» (1 чел.). Человек, относящийся к какому-либо роду деятельности (8 человек): «человек, который делает *шафул*», ученик верно определил суффикс; «человек, который водит машину» (1 чел.); «тот, кто чинит шкафы» (1 чел.); «человек, который *шафулирует*»; «тот, который марширует» (1 чел.), «человек, который шафрирует что-то» (1 чел.); «тот, кто делает шафу» (1 чел.); «тот, кто делает шафл» (1 чел.). Шафулист – это человек, который «раскладывает листья по размеру» (1 чел.) (вычленение узуального слова «лист» в новообразовании *шафулист*); «тот, кто шалит» (2 чел.), в этом случае ученики вычленили узуальное слово «шалит» в новообразовании. Один ученик предложил вариант: шафулист – это «окулист, который ходит в

шарфе» (своеобразная контаминация созвучных частей узуальных слов). Варианты (4 чел.): «у кого есть дома много шкафов» (1 чел.); «человек, который решает»; «шофер» (2 чел.) можно объяснить лишь ассоциативным мышлением учащихся, 4 отказа (максимальное количество отказов).

Рогувельчанин (-чан-ин- называет лицо, характеризующееся отношением к местности или к коллективу, группировке, названной мотивирующим словом).

Ученики (5 чел.) определили слово как обозначение жителя какой-либо местности: «тот, кто живет в стране»; «гражданин другой страны» (2 чел.); «человек, который живет в другой стране»; «человек, который родился в Рогувельчанин»; национальность (1 чел.). 2 ученика предложили варианты: «это англичанин, который любит ругаться» (созвучие игрымы рогувельчанин со словом англичанин); «житель, который много ругается». 7 обучающихся, вычленив узуальное слово «рога» в новообразовании, представили варианты: «тот, кто увеличивает рога»; «человек, у которого выросли рога»; «у кого есть рога»; «винторог»; «делает деревянные рога»; «человек, который вельчает рога» (2 чел.). Варианты (6 чел.): «фамилия»; «человек, который веселый»; «тот, кто регулирует улицы»; «тот, кто регулирует»; «тот, кто делает»; «руководитель» можно объяснить лишь ассоциативным мышлением учащихся. 1 отказ.

Песковик (-ик – лицо по свойству или признаку, которые определяют его отношение к предмету, занятию). Ученики определили значение игрымы «песковик» как «человек, который ищет разные пески (5 чел.), сработала аналогия со словом «поисковик» (парадигматические отношения – суффиксы -ов-, -ик); «ищет людей» (1 чел.). Человек по роду его деятельности (8 чел.): «тот, кто занимается песком»; «тот, кто что-то делает с песком»; «тот, кто любит много лежать на песке» (2 чел.); «человек, который раздает песок»; «человек, который играет с песком»; «кто носит песок»; «тот, кто работает с песком». Один человек дал следующее толкование: «кто любит песок» (проявление отношения). Привлекает внимание вариант расшифровки: «Песковик – тот, кто поет». В этом случае наблюдается языко-

вая игра: созвучие со словом [п'иск]- [п'искав'ик] – тот, кто издает писк, т.е. может петь. 2 ученика написали, что «песковик – это снеговик из песка» (по аналогии), «песок на пляже» (1 чел.), отказ 1.

Турмяник (-ник- указывает на лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом): заграничный человек (1 чел.); человек из страны Турмьяна (1 чел.), живет в Армении; человек из Турции; сказочный тортик — 1 чел., профессия — 1 чел, племянник — 1 чел.. 5 учеников связали игрему «турмяник» с созвучным словом тур: «тот, кто создает туры» (5 чел.); «человек, который делает турники» – семантизация произошла за счет вычленения из новообразования узуального слова: «турник»; «тот, кто вечно на турнирах (1 чел.) – созвучие со словом турнир; предметы: «камень» (1 чел.). Варианты (7 чел.): «машина, похожая на "Жигули"»; «человек, играющий на трубе» (2 чел.); «страна»; «тот, кто ест всё»; «человек, который ничего не знает»; «человек, который сидит в тюрьме» можно объяснить лишь ассоциативным мышлением учащихся. 1 отказ.

Зимьяка. Звуковое сходство подтолкнуло участников эксперимента связать эту игрему со словом *зима* (8 чел.): «человек, любящий зиму» (7 чел.); «человек зимой» (3 чел.); «жилище» (1 чел.); имя Зимьяка (1 чел.); «одежда» (1 чел.); «спит зимой» (1 чел.). 1 отказ.

Газетоман (-ман - конечная составная часть сложных слов, обозначающих: 1) страстного любителя того, что выражено первой частью слова; 2) человека, страдающего болезненной склонностью к тому, что называется словом со второй частью ...мания.)

Первое значение представлено следующими вариантами: «человек, который любит газеты» (2 чел.)» «человек, у которого много газет» (1 чел.); «тот, у кого коллекция газет» (экстралингвистические знания позволили ученику слово «любитель» заменить эквивалентным словом «коллекционер»), «человек, который читает беспрерывно газеты» (1 чел.); «много читает» (3 чел.); «кто увлекается газетами» (1 чел.). Два ученика семанти-

зировали игрему «газетоман» как характеристику человека, «который манит посторонних газетами», это объясняется осмыслением морфемы *ман* как корневого элемента глагола *манить* – «подзывать, делая знаки рукой или взглядом; притягивать к себе». Варианты (11 чел.): «тот, кто продает газеты» (1 чел.); «человек, который разносит газеты» (8 чел.), «газетоавтомат»; «тот, кто работает с газом» (ассоциация по созвучию) можно объяснить ассоциативным мышлением конкретных учащихся, в том числе и установкой на языковую игру. Отказ 1.

Таким образом, результаты исследования показали, что обучающиеся смогли семантизировать новообразования, опираясь не только на созвучие, фонетическое сходство определяемого слова с известной им узуальной лексемой русского языка, но и на анализ вещественного значения корня и деривационного значения аффикса, реализуя на практике «правило» выведения смысла производного слова из его составных частей. В процессе анализа игрем обучающиеся опирались на словообразовательное мышление, «которое заключается в способности проникнуть в глубь слова и разложить его на значимые элементы, не соотносимые с конкретными явлениями, не живущие самостоятельной жизнью, но реально существующие в русском языке» [Львова 1995: 16], только благодаря осмысленному сопоставлению слов, путем рассуждения, учащиеся смогли выявить смысл морфем. Анализ результатов показал, что у большинства учащихся существует определенная закреплённость представлений о значении суффиксального форманта в структуре слова, и именно знание значения этого суффикса в сочетании с производящей основой помогает определить значение неизвестного слова в целом. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что наиболее продуктивным способом семантизации словообразовательных игрем для младших школьников является толкование через выведенный мотиватор. При этом выстраиваемый мотивационный перифраз обнаруживает потенциальную вариативность установления смысловой связи между производящей основой и суффиксальным формантом, в чем проявляется индивидуальная идиоматика игрового слова.

Литература

Блинова О. И. Вариативность как предел внутренней формы слова // Явление вариативности в языке: материалы всероссийской конференции (13–15 декабря 1994 г.). – Кемерово, 1997 – С. 16 -21.

Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. 2014. №5. – С.153-158.

Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь. – Екатеринбург, 2012. – 202 с.

Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка. Монография. – Екатеринбург, 2016.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Земская Е. А. Русский язык как иностранный. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 2004.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Петяевъ И. М. Методическія указанія по преподаванію русскаго языка въ русскіхъ и инородческихъ училищахъ: пособие для учителя. – 3-е изд., перераб. – Казань : 1915.

Работа над составом слова на уроках русского языка в начальной школе: Пособие для учителей / С. И. Львова; – М., 1995.

REFERENCES

Blinova O. I. Variativnost' kak predel vnutrennej formy slova // Yavlenie variativnosti v yazyke: materialy vserossijskoj konferencii (13–15 dekabrya 1994 g.). – Kemerovo, 1997 – S. 16 -21.

Gridina T.A. Lingvokreativnye strategii semantizacii slova i osvoenie operacional'noj tekhniki yazykovoj igry v ontogeneze: eksperimental'nye dannye // Pedagogicheskoe obra-zovanie v Rossii. 2014. №5. – S.153-158.

Gridina T.A. Ob"yasnitel'nyj slovar' detskih innovacij: monografiya i slovar'. – Ekaterinburg, 2012. – 202 s.

Gridina T.A. «Svoya igra»: rebenok v mire yazyka. Monografiya. – Ekaterinburg, 2016.

Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. – Ekaterinburg, 1996.

Zemskaya E.A. Russkij yazyk kak inostrannyj. Russkaya razgovornaya rech'. Lingvisticheskij analiz i problemy obucheniya. – М., 2004.

Norman B.Yu. Grammatika govoryashchego. – SPb., 1994.

Petyaev" I. M. Metodicheskiya ukazaniya po prepodavaniyu russkogo yazyka v" russkih" i inorodcheskih" uchilishchah": posobie dlya uchitelya. – 3-e izd., pererab. – Kazan' : 1915.

Rabota nad sostavom slova na urokah russkogo yazyka v nahal'noj shkole: Posobie dlya uchitelej / S. I. L'vova; – M., 1995.

©Кулакова Н.В., 2020

Кулакова Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия).

Адрес: 660010, Россия, г. Красноярск, ул. Побежимова, 15, 71.

E-mail: kulakova-nv@yandex.ru

Kulakova Natal'ya Vasil'evna – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyeva (Krasnoyarsk, Russia).

ЦОНЕВА Л.М.

г. Велико-Тырново, Болгария

E-mail: liliconeva@abv.bg

81:38

DOI 10.26170/ufv20-02-18

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ИГРА В МЕДИАОБРАЗЕ АНГЕЛЫ МЕРКЕЛЬ

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые проявления ономастической игры – игры с именем и фамилией канцлера Ангелы Меркель. Самые активные среди них – окказиональные слова и каламбуры. Анализ базируется на материале из современных российских медиа.

Ключевые слова: языковая игра, ономастическая игра, прозвища, перифразы, окказиональные слова, каламбур

TSONEVA LILYANA

Veliko Tarnovo, Bulgaria

ONOMASTIC PLAY IN THE MEDIA IMAGE OF ANGELA MERKEL

Abstract. The paper deals with some manifestations of the onomastic play, particularly, the play with the name and surname of German chancellor Angela Merkel. The most active among them appear to be occasional words and puns. The analysis is based on contemporary Russian mass media texts.

Keywords: language play, onomastic play, nicknames, paraphrases, occasional words, pun

Предметом внимания в данной работе являются некоторые игровые языковые средства, участвующие в создании медиаобраза канцлера Германии Ангелы Меркель. В качестве материала для анализа используются тексты из печатных российских СМИ, реже – материалы интернета. Выбор материала для анализа обусловлен тем, что СМИ, как хорошо известно, не только и не просто информируют о политических

субъектах, но и определенным образом, используя разнообразные вербальные и невербальные средства, формируют отношение к ним, оценку их действий и качеств. Поэтому можно считать, что медиаобраз политика – это „экранный образ“, нередко далекий от реального – массмедиа могут подчеркивать, усиливать значение некоторых черт политика, „замалчивать“ другие и т. д.

Анализ большого количества медиатекстов, посвященных А. Меркель, а также другим женщинам, занимающим ключевые позиции, позволяет убедиться в том, что образ женщины-политика имеет свою специфику – он богаче и сложнее образа политика-мужчины, поскольку в нем есть дополнительные гендерные характеристики. Почти всегда предметом обсуждения и оценки являются внешность женщины, стиль, умение одеваться и т. п.; при этом от женщины-политика требуется почти невозможное – работать по-мужски, сохраняя женскую красоту и обаяние.

По мнению Е.Б. Матыгиной, фигуры женщин-политиков освещаются реже, их портреты создаются с учетом гендерных ожиданий, а их внешность обсуждается чаще, чем их деловые качества [Матыгина 2011: 183].

Все это имеет важное значение и в моделировании образа Ангелы Меркель – одной из важнейших политических фигур современности. Ее личность является темой активного обсуждения в российских СМИ, и это вполне объяснимо, если учитывать, кроме всего, российско-германские отношения, которые при А. Меркель определяются как довольно сложные.

А. Меркель является канцлером Германии с 2005-ого года и лидером правящей партии „Христианско-демократический союз“ с 2000-ого года. Она – первая женщина, занимающая любой из этих постов. Более того, А. Меркель нередко определяют как самую могущественную женщину в мире.

Ср. об этом: *„Нет такого уголка в мире, где не знают Ангелы Меркель и не признают ее влияния. <...> Немецкий канцлер действительно очень тихая и последовательная, годами носит пиджаки одного типа и не дает поводов для пересудов, поэтому мировая общественность пытается предугадать ее действия по*

изгибу брови или неудовольствию во взгляде. Впрочем, если кто-то и знает рецепт головокружительной политической карьеры, так это она: много работать, никогда не жаловаться, жить скромно, надеяться на лучшее и вести еженедельный“ (spletnik.ru)

В образе А. Меркель много противоречивого. Одобряя в целом ее „мужские“ качества – силу, стойкость, непоколебимость, А. Меркель очень часто критикуют за мужской стиль одежды (она уже много лет носит скучные брючные костюмы, которые определяют как «униформу»), за отсутствие вкуса и женского обаяния.

В то же время внешность и скромный гардероб А. Меркель могут оцениваться положительно: *Ангела Меркель в девятый раз возглавила список 100 самых влиятельных женщин мира по версии журнала Forbes. При этом она является одним из наиболее популярных политиков у себя на родине. Добиться столь выдающихся успехов Меркель удалось, превратив то, что другие бы сочли недостатком, в достоинство. Подчеркнуто негламурный, неяркий имидж стал не только «визитной карточкой» 59-летнего канцлера, но и залогом ее успеха.* (lenta.ru 5.6.2014)

Неоднозначность личности А. Меркель подтверждается и метафорическими номинациями из разных сфер-источников; она обозначается и как человек с железным характером, и как заботливая мама: *«Меркель – это уникальный ледокол, и это женщина, которая, в отличие от многих, выполняет обещания», – говорит эксперт.* (gazeta.ru 29.5.2019); *Фрау Меркель – это не просто железный канцлер, а самая настоящая мама немецкого народа.* (33Live.Ru 6.2.17)

Важное место в медиаобразе А. Меркель, как и политического лидера вообще, занимают различные проявления языковой игры на базе его имени и фамилии. Игру с именем, по мнению Т.А. Гридиной, можно определить как ономастическую игру – это «особая разновидность ЯИ, основанная на актуализации ассоциативного потенциала имени собственного, что достигается при помощи различных приемов его (имени) трансформации и контекстуальной/референтной актуализации» [Гридина 2011: 219].

Отонимные игровые формы, как правило, появляются как реакция на политическую деятельность А. Меркель в целом, на

особенности ее личности, но чаще всего – как реакция на конкретные события, для выражения экспрессивной оценки политика и его роли в этих событиях.

Как и все ключевые имена, фамилия *Меркель* является активной основой для производных, причем в разных языках, и это вполне объяснимо, если учитывать место А. Меркель в политической жизни не только Германии, но и Европы и всего мира.

Одно из таких слов, активных в немецком языке, отражает разочарованность молодых немцев А. Меркель и ее политикой. Ср. пример:

Я меркелю, ты меркелишь, он меркелит... В Германии фамилия Меркель становится глаголом. Издатель словарей немецкого языка Langenscheidt каждый год общается с молодыми пользователями сети и просит их выбрать «слово года», то есть отражающий последние изменения в языке жаргонизм или неологизм. На этот раз в опросах лидирует «merkeln» – «меркелить»: Merkeln, глагол: ничего не делать, не принимать никаких решений, не делать никаких заявлений. (Россия сегодня 28.8.2015)

Интересные наблюдения над подобными производными словами находим в работе Я. Грегора и Е. Томашковой: «Достаточно длительное по европейским меркам правление канцлера ФРГ Ангелы Меркель не могло не найти отражения в языке – оно вызвало к жизни целый пласт неогенной лексики. <...> Если слово *merkeln* популярно в немецком публицистическом дискурсе, а *меркеленомика* – в русскоязычных СМИ, то неолексема *меркелизм* активно употребляется всеми медиа без исключения» [Грегор, Томашкова 2018]

Приведем пример из российских СМИ: *Психологи и политологи ввели новое понятие «меркелизм», что не только знак признания ведущего европейского политика, но и признание ее стиля. (Новая газета 5.5.2014)*

Отонимные производные, как правило, выражают негативную оценку референта, носителя имени. Например, для обозначения важной роли А. Меркель в правящей партии ХДС, в Германии и в Европе используется неологизм *меркелизация*,

образованный с продуктивным суффиксом *-ация*: Как отметил в этой связи Spiegel, на съезде в Карлсруэ состоялась окончательная **"меркелизация ХДС"**: от старой "западногерманской консервативной мужской партии" не осталось и следа. (Peoples.ru); **"Меркелизация"** может обречь на гибель проект единой Европы (Nakanune.ru)

Интерес представляет употребление слова *меркелизация* в совсем другом значении – им обозначают безликость А. Меркель, отсутствие женского обаяния. Ср. об этом: На днях *The New York Times* назвал безликие и бесполые образы, которые массово выбирают современные дамы-политики, **«меркелизацией»**. (lenta.ru 30.3.2015)

Подобные производные остаются обычно в рамках окказионального.

Исключительно активно в окказиональном словообразовании используется способ контаминации – способ компрессивного словопроизводства, при котором новая лексическая единица образуется на базе объединения начальных или конечных частей двух слов [Цонева 2017: 127].

Например: *Лучшее – враг хорошего. Усовершенствовать отлаженную машину «меркеленомики» очень сложно, а вот сломать – раз плюнуть*. (Московский комсомолец 9.3.2017)

Путем контаминации – объединения двух онимных основ – создано и окказиональное слово *Меркози*, которое является компрессированным выражением активной совместной работы А. Меркель и президента Н. Саркози: *Победа Никола Саркози на выборах лидера партии "Союз за народное движение" создала все условия для возрождения, пожалуй, самого тесного и самого влиятельного альянса в Европе – личного альянса Саркози и германского канцлера Ангелы Меркель. Этот союз настолько очевиден, что он даже получил название – "Меркози"*. (Власть 8.12.2014)

Производные слова, как правило, остаются обычно в рамках окказионального, хотя иногда пополняют лексический фонд языка.

Интересно переплетается лингвистическое (некоторые особенности собственных имен) с экстралингвистическим в каламбуре, который строится на специальном объединении в

рамках ограниченного контекста многозначных слов, омонимов или паронимов, а также на оживлении внутренней формы слова. [Цонева 2017: 163].

В нашем анализе это можно увидеть в использовании имени *Ангела*, которое оказывается благодатной основой для обыгрывания из-за ощущения в нем апеллятива *ангел*: *Канцлер больше не строит из себя ангела* (Новая газета 18.11.2014); *Станет ли Меркель «Ангелом мира»?* (Московский комсомолец 6.2.2015)

Отметим, что ассоциации с апеллятивом в имени *Ангела* характерны для носителей русского языка, в то время как традиционные имена *Ангел* в болгарском, *Анхел* в испанском, *Анджелло* в итальянском и т.д., редко вызывают такие ассоциации в повседневном общении (разумеется, кроме случаев специального обыгрывания).

Каламбур может располагаться в заглавии, а основания для его создания (действия или качества А. Меркель) следует искать в контексте, как и во внетекстовых ситуациях: *Ангела не ангел* (Новые ведомости 12.12.2018) – текст о съезде партии ХДС, где А. Меркель впервые за много лет не переизбрали председателем; *Не железный ангел* (Московский комсомолец 20.09.2005) – текст о «домашней» А. Меркель, которая любит готовить и принимать гостей.

Каламбуры могут строиться и на внутренней форме фамилии *Меркель*. Они определяются как ложная этимологизация – слово связывается не с реальной, а с мнимой производящей основой *меркнуть*: *Меркель совсем померкла. Удастся ли канцлеру Германии сохранить свой пост* (Аргументы и факты 28.12.2016) – заглавие текста о положении А. Меркель после теракта в Берлине; *Ангела не меркнет* (Коммерсантъ 14.3.2018) – заглавие текста о переизбрании А. Меркель федеральным канцлером в четвертый раз; *Ангела не померкель* (Коммерсантъ 18.8.2018) – заглавие текста о В. Путине, который до встречи с А. Меркель поехал на свадьбу главы МИД Австрии. (В связи с этимологией фамилии *Меркель* отметим, что она толкуется по-разному в разных источниках, но все-таки чаще ее связывают со словами *mark*, *marcha* (пограничная полоса, область) и *ward(e)* (защитник, охранник).

Имя *Ангела* используется и в игровой трансформации прецедентных текстов – одной из самых активных форм языковой игры в современных печатных медиа.

Такая трансформация есть в заглавии текста, в котором анализируется слишком либеральная миграционная политика А. Меркель, на практике стоившая ей переизбрания на пост председателя ХДС и канцлера: *Ангела, открой личико!* (Комсомольская правда 11.9.2015)

В тексте также рисуется мрачная картина будущего Германии, вынужденной принимать чужую культуру, в том числе мусульманскую женскую одежду.

В данном случае внимание адресата привлекает замена компонента прецедентного текста из культового фильма „Белое солнце пустыни“, хранящегося в языковом сознании русского человека в определенном виде: «*Гюльчатай! Открой личико!*». Добавим, что этот прецедентный текст обычно относят к самым известным и любимым цитатам из кинофильмов советского времени.

В заключение отметим, что дальнейший анализ проявлений ономастической игры, а также разнообразных языковых и неязыковых средств, направленных на оценку действий и качеств Ангелы Меркель, может осветить особенности формирования сложного медиаобраза женщины-политика.

Литература

Грегор Я., Томашкова Е. Как назвать Ангелу Меркель: неологизмы немецкого политического дискурса в иноязычных СМИ // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1160-1173.

Гридина Т.А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // *Политическая лингвистика*. №1(35). – Екатеринбург, 2011. С. 219-223.

Матыгина Е.Б. Описание внешности и стиля как особенность изображения женщин-политиков в СМИ // *Современная политическая лингвистика. Тезисы Междун. научной конференции*. – Екатеринбург, 2011. С. 183-186.

Цонева Л. Имена и люди. Ключевые имена в медиадискурсе. – Велико-Тырново, 2017.

REFERENCES

Gregor Ya., Tomashkova E. *Kak nazvat' Angelu Merkel': neologizmy nemeckogo politicheskogo diskursa v inoyazychnyh SMI // Quaestio Rossica. T. 6. 2018. № 4. – S. 1160-1173.*

Gridina T.A. *Etnosociokul'turnyj kontekst onomasticheskoy igry // Politicheskaya lingvistika. №1(35). – Ekaterinburg, 2011. – S. 219-223.*

Matygina E.B. *Opisanie vneshnosti i stilya kak osobennost' izobrazheniya zhenshchin-politikov v SMI // Sovremennaya politicheskaya lingvistika. Tezisy Mezhdun. nauchnoj konferencii. – Ekaterinburg, 2011. – S. 183-186.*

Coneva L. *Imena i lyudi. Klyuchevye imena v mediadiskurse. – Veliko-Turnovo, 2017.*

©Цонева Л.М., 2020

Цонева Лиляна Михайлова – доктор филологических наук, профессор кафедры русистики, Великотърновский университет Святых Кирилла и Мефодия (Велико-Търново, Болгария).

Адрес: 5003, Болгария, г. Велико-Търново, ул. "Теодосий Търновски", 2.

E-mail: liliconeva@abv.bg

TSoneva Lilyana Mikhajlova – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Studies, Velikotyrnovsky University of Saints Cyril and Methodius (Veliko Tarnovo, Bulgaria)

ШЛЯХОВА С.С.

г. Пермь, Россия

shlyahova@mail.ru

81'23

DOI 10.26170/ufv20-02-19

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ БИКУЛЬТУРАЛИЗМА ИСТОРИЧЕСКИ ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ (коми-пермяки): ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Названия цветов в языках мира традиционно рассматривались либо как отражающие универсальный набор фокальных (эталонных) цветов, либо в контексте теории лингвистической относительности. Цель исследования – установление номенклатуры цветообозначений в коми-пермяцком языке и специфики восприятия цвета коми-пермяками при помощи психолингвистического эксперимента. В коми-пермяцком языке исконные названия существуют для желтых, красных, синих, серых, черных и белых оттенков. Поздние заимствования из русского языка используются коми-пермяками для называния оранжевых, фиолетовых, зелёных, коричневых оттенков. Лучше всего коми-пермяки дифференцируют белые, чёрные, оранжевые, серые, желтые, красные, коричневые оттенки. Плохо дифференцируются (13-68% отказов) фиолетовые, синие и зелёные оттенки. Эксперименты показывают, что номенклатура цветообозначений в коми-пермяцком может быть объяснена с точки зрения ментальности, цветовой картины мира, которые объясняют отклонения от универсальной теории эволюции цветообозначений Б. Берлина и П. Кея. Номенклатура цветообозначений в коми-пермяцком языке и специфики восприятия цвета коми-пермяками может отражать не стадию развития языка согласно универсальной теории эволюции цветообозначений, а функциональную потребность в эффективной коммуникации.

Ключевые слова: цветообозначения, восприятие цвета, теория эволюции цветообозначений, коми-пермяцкий язык, пермские языки.

SVETLANA S. SHLYAKHOVA

Perm, Russia

COLOR DESIGNATIONS IN THE CONTEXT OF BICULTURALISM OF HISTORICALLY MULTI-ETHNIC REGIONS (KOMI-PERMYAKS): AN EXPERIMENTAL STUDY

Abstract. Color names in world languages have traditionally been considered either as reflecting a universal set of focal (reference) colors, or in the context of the theory of linguistic relativity. The aim of the study is to establish the nomenclature of color meanings in the Komi-Permian language and the specifics of color perception by Komi-Permians using a psycholinguistic experiment. In the Komi-Permian language, native names exist for yellow, red, blue, gray, black, and white shades. Later borrowings from the Russian language are used by the Komi-Permians to name orange, purple, green, and brown shades. Best of all, Komi-Permians differentiate white, black, orange, gray, yellow, red, and brown shades. Purple, blue and green shades are poorly differentiated (13-68% of failures). Experiments show that the nomenclature of color values in the Komi-Permian can be explained from the point of view of mentality, color picture of the world, which explain deviations from the universal theory of evolution of color values of B. Berlin and P. Kay. The nomenclature of color meanings in the Komi-Permian language and the specifics of color perception by the Komi-Permians may reflect not the stage of language development according to the universal theory of the evolution of color meanings, but the functional need for effective communication.

Keywords: color designations, color perception, theory of evolution of color names, Komi-Permian language, Permian languages.

Введение. Коми-пермяки являются естественными билингвами, проживая в условиях однополярного билингвизма и бикультурализма: около 90% коми-пермяков двуязычны (второй язык – русский). Коми-пермяцкий язык – язык внутринационального общения коми-пермяков, основного населения Коми-Пермяцкого округа, расположенного на северо-западе Пермского края РФ. Относится к пермской ветви финно-угорской подсемьи уральских языков и состоит в близком родстве с языками коми-зырян и удмуртов.

Цветобозначения достаточно подробно исследованы в пермских языках [Ракин 1990; Рябина 2010, 2011; Тараканов 1990; Гончаров, Князев 2010]. В коми-пермяцком языке цветобозначения основательно и методологически глубоко исследовала Е.С. Рябина [Рябина 2016].

Однако перспективы дальнейших исследований, на наш взгляд, очевидны по многим причинам: (1) представленная Е.С. Рябиной выборочная совокупность (28 респондентов, из них 9 – специалисты в области коми-пермяцкого языка) должна быть проверена на возможность представлять параметры генеральной совокупности (всех носителей коми-пермяцкого языка); (2) современные исследования цветобозначений направлены не столько на установление номенклатуры названий цветов в разных языках, сколько на причины, определяющие эту номенклатуру (проект World Color Survey (WCS); Siok 2009 и др.). Наши исследования направлены на частичное восполнение этих пробелов.

Безусловными авторитетами в области цветобозначений являются Б. Берлин и П. Кей [Berlin&Кей 1969], которые на материале 98 языков показали, что эволюция становления цветобозначений проходит семь стадий (позднее были внесены коррективы): I стадия: язык лексически выделяет два цвета: *черный* (все темные тона) и *белый* (все светлые тона); II стадия: появляется *красный* (все оттенки красного, оранжевого, желтого, коричневого, розового и фиолетового); III стадия: выделяется *желтый* или *зеленый*; III и IV стадии могут варьироваться: *желтый* и *зеленый* появляются один за другим в произвольном порядке, но не одновременно; V стадия: формирование *синего*; VI стадия: *коричневый*; VII стадия: *серый*. По В. Тернеру, цвета I и II стадий красный-белый-черный («первичная триада») – основные физиологические цвета (кровь, семя, экскременты) [Тернер 1983].

Одно из основных правил эволюции цветоименований таково: если в языке есть цветобозначения определенной стадии, то в нем обязательно есть все цветобозначения предыдущих

стадий. Так, если язык выделяет категорию *синий*, то в нем есть *белый, черный, красный, зеленый и желтый*.

В конце 1970-х годов для проверки гипотез, выдвинутых Б. Берлином и П. Кей, был создан проект World Color Survey (WCS) [World Color Survey], в рамках которого корректируются некоторые положения теории эволюции цветообозначений.

Названия цветов в языках мира традиционно рассматривались либо как отражающие универсальный набор фокальных (эталонных) цветов, либо в контексте теории лингвистической относительности. Несмотря на радикальные отличия в словесном обозначении цветовых интервалов, люди различных культур воспринимают цвета сходным образом, т.е. склонны выделять одни и те же фокальные цвета.

Сегодня есть и иная точка зрения: номенклатура цветообозначений в разных языках может быть объяснена с точки зрения ментальности, цветовой картины мира, которые объясняют отклонения от универсальной теории эволюции цветообозначений [Regier et al. 2009]. Так, языки, на которых говорят в окружении пышной растительности, могут иметь большую потребность ссылаться на зеленый цвет или, наоборот, цветообозначения не нужны, если эта растительность в цветовой картине мира выступает в качестве фона. Таким образом, классификация цветов в разных культурах может отражать не стадию развития языка, а функциональную потребность в эффективной коммуникации [Regier et al. 2014]. Кроме того, считается, что человеческий глаз способен различить до двух миллионов оттенков, но человеческая память не в состоянии освоить такое количество названий, а мышление – оперировать ими.

В коми-пермяцком языке выделяются всего шесть основных цветообозначений: *гӧрд* ‘красный’, *лӧз* ‘синий’, *сьӧд* ‘черный’, *чочком* ‘белый’, *вез* ‘желтый, зеленый’, *руд* ‘серый’, остальные наименования цветов – поздние заимствования из русского языка (*рыжӧй, оранжевӧй, коричневӧй, малиновӧй, розовӧй, фиолетовӧй, голубӧй, зеленой* и др.) [КПРС 1985; Рябина 2016].

Цель исследования – установление номенклатуры цветообозначений в коми-пермяцком языке и специфики восприятия цве-

та коми-пермяками при помощи психолингвистического эксперимента. В статье представлены первичные результаты пилотного эксперимента, направленного на выявление цветообозначений коми-пермяцкого языка и соотношение их со стандартом международной системы соответствия цветов RAL (восприятие цвета).

Методика. Ситуация однополярного билингвизма требовала изучения языкового сознания, которое менее всего подвержено влиянию русского языка, т.е. деревенских малообразованных жителей старшего поколения. В связи с этим эксперимент проводился в виде face-to-face (жители поселений Коми-пермяцкого округа) и сетевого (преимущественно молодые коми-пермяки) анкетирования в июле-августе 2019 г.

Респондентам предлагался цветовой круг, состоящий из 32 цветов и оттенков. В дальнейшей интерпретации определение цвета производилось по стандарту RAL (международная система соответствия цветов). Каталог цветов RAL Classic в настоящее время содержит 213 цветов, в том числе 15 перламутровых, 5 люминесцентных и 2 железных. Первая цифра в классификаторе является кодом оттенка (1 – желтые, 2 – оранжевые, 3 – красные, 4 – фиолетовые, 5 – синие, 6 – зелёные, 7 – серые, 8 – коричневые, 9 – белые и чёрные) [RAL Classic].

Респондентам предлагалось определить цвет образцов на русском и родном языке или выбрать язык, на котором будут написаны цвета. Характер определений цвета образцов не регулировался; разрешался отказ от ответа при затруднении наименования цвета.

В ходе эксперимента было опрошено 148 коми-пермяков (школьники, студенты, крестьяне, служащие, пенсионеры) в возрасте от 15 до 69 лет (средний возраст – 42 года), получено 9470 реакций. Следует отметить, что многие коми-пермяки испытывали затруднения (иногда серьезные) при выполнении задания.

Результаты. В результате исследования была получена следующая дистрибуция цветоименований по происхождению

(коми-пермяцкий – заимствования из русского – русские цвето-наименования):

- *лӧз /вӧз – голубӧй – васильковый, темно-синий, светло-синий, индиго, глубокий синий, темно-фиолетовый, сливовый, очень синий, очень темно-синий, антрацит, черничный, темно-бирюзовый, чернильный, темно-голубой, голубой, синий, темно-голубой, сине-зеленый, цвет морской волны, лазурный, зелено-голубой, цвет лагуны, синий, светло-бирюзовый, малахитовый, светло-зеленый, голубо-зеленый;*
- *веж – 0 – светло-желтый, желтый; ярко-желтый, лимонный, пшеничный, бежевый;*
- *гӧрд – 0 – красный; ярко-красный, алый, светло-красный, коралловый, сиреневый, оранжевый, малиновый, вишневый, бледно-розовый, светло-красный, темно-красный, темно-розовый;*
- *сьӧд – 0 – черный, угольный, темно-черный;*
- *чочком – 0 – белый;*
- *руд – 0 – серый, светло-серый; стальной, серый меланж, серебристый;*
- *пемыт руд / руджык – 0 – темно-серый, серый; мокрый асфальт, мышинный, бледно-серый;*
- *0 – рыжӧй, оранжевӧй – оранжевый, рыжий; терракотовый, кирпичный, светло-коричневый, коричневый;*
- *мурӧм – коричневӧй – коричневый, светло-коричневый;*
- *мурӧм – темнӧй коричневӧй – темно-коричневый, коричневый; бурый, шоколадный, черный, бордовый;*
- *0 – розовӧй – розовый, светло-розовый, малиновый; фуксия, красный, алый, сиреневый;*
- *0 – фиолетовӧй – фиолетовый, светло-фиолетовый; темно-фиолетовый, фиолетовый; темно-сиреневый, баклажановый, сливовый, свекольный, бордовый, черничный, фуксия, коричневый, светло-фиолетовый, светло-коричневый;*
- *0 – зеленӧй – зеленый; травяной, ярко-зеленый, светло-зеленый, темно-зеленый, цвет зеленки, изумрудный;*

- 0 – югыт зеленой – светло-зеленый; салатový, зеленый, фисташковый, травяной, желто-зеленый;
- 0 – пемыт зеленой – зеленый, темно-зеленый; светло-зеленый, ярко-зеленый, салатový, неоновый-зеленый, свежее-зеленый, изумрудный, сочно-зеленый, ядовитый-зеленый, насыщенно-зеленый;
- 0 – темной зеленой – темно-зеленый, зеленый, болотный, травяной, грязно-зеленый, серо-зеленый, хаки, фисташковый, глубокий зеленый.

Таким образом, по классификации RAL Classic в коми-пермяком языке исконные названия существуют для следующих кодов оттенков: 1 – желтые (к.-п. цвета золота), 3 – красные, 5 – синие, 7 – серые, 9 – белые и чёрные. Поздние заимствования из русского языка используются коми-пермяками для названия следующих кодов оттенков: 2 – оранжевые (к.-п. цвета лисы), 4 – фиолетовые, 6 – зелёные (к.-п. цвета травы, листы), 8 – коричневые (к.-п. цвета земли).

Несмотря на то, что обозначение *руд* заимствовано из русского *рудый*, будем считать его исконным по причине того, что это давнее заимствование. Кроме того, семантика индоевропейского *рудый* была переосмыслена финно-угорской перцепцией цвета коми-пермяков. По М. Фасмеру, *рудый* «крово-красный», тульск. *рудой* «рыжий», южн., зап. (Даль), «грязный», смол. (Даль), укр. *рудий* «рыжий», блр. *руды*, др.-русск. *рудъ*, болг. *руд* «бурый», сербохорв. *руд*, *руда*, *рудо* «рыжеватый», словен. *rud*, *rida* «красный, коричневый», чеш. *rudý* «красный, рыжий», польск. «рыжий», в.-луж. «бурый». В МАС *рудый*, *рудой* «красный».

Лучше всего коми-пермяки дифференцируют белые (отказов 0%), чёрные (отказов 2,4%), оранжевые (отказов 8%), серые (отказов по разным оттенкам 0,66-9%), желтые (отказов 3,3-18%), красные (отказов 4-21%), коричневые (7-20%) оттенки.

Плохо дифференцируются фиолетовые (отказов 30-62%), синие (отказов 21-68%) и зелёные (отказов 13-68%) оттенки.

Интерпретация. В эволюции цветовой терминологии в языках Б. Берлина и П. Кея формирование цветообозначения *синего*

(V стадия) идет вслед за *желтым* и *зеленым* (III-IV стадии). На это же указывают психологические эксперименты: при выделении *зеленого* квадрата время реакции у русских и коми примерно одинаковое, но на выделение *синего* квадрата коми затрачивают значительно больше времени, чем русские [Гончаров, Князев 2010].

В коми-пермяцком языке эволюционная схема Б. Берлина и П. Кея имеет исключения: в коми-пермяцком языке есть цвето-наименование для *синего* – *лӧз* (V стадия) и для *серого* – *руд* (VII стадия) цветов, но нет названия для *зеленого* (III-IV стадии) и *коричневого* (VI стадия) цвета.

Отсутствие в коми-пермяцком языке исконного наименования зеленого говорит о слабой значимости цвета в картине мира коми-пермяков, на изменение и формирование которой повлияли цветовые представления русских. Здесь уместно вспомнить гипотезу Т. Реджера о цветообозначениях как функциональной потребности в эффективной коммуникации [Regier et al. 2014]: вероятно, зеленое выступает в цветовой картине мира коми-пермяков как естественный фон (коми-пермяки – «лесное племя»), который не требует названия.

Незначимость для коми-пермяков зеленого цвета объясняет тот факт, что коми-пермяки слабо дифференцируют (13-68% отказов) оттенки зеленого: RAL 6003 (оливково-зелёный) (в русском – *болотный* цвет, цвет *хаки*) – 65% отказов; RAL 6009 (пихтовый зелёный) – 61% отказов; светлый и темный тона: RAL 6027 (светло-зелёный) (в русском – *бирюзовый*) определяются как *лӧз* при 68% отказов; *голубо-зеленый, синий*; RAL 6038 (люминесцентный зелёный) (в русском – *ярко-зеленый*) – как *зеленӧй, пемыт зеленӧй; зеленый, темно-зеленый* при 46% отказов.

Оттенки коричневого определяются RAL 8011 (орехово-коричневый) как *коричневӧй; коричневый, светло-коричневый* (в русском *темно-коричневый*); RAL 8017 (шоколадно-коричневый) – как *темнӧй коричневӧй; темно-коричневый, коричневый*. Интересно коми-пермяки определяют *бурый* цвет. По Далю, *бурый* – кофейный, коричневый, ореховый, смурый; ис-

красна черноватый; такая же конская масть, между рыжею и во-роною. По Фасмеру, *бурый* заимств. через посредство тур. *bur* «рыжей масти» из перс. *bōr* «гнедой, рыжей масти»; ср. др.-инд. *babhrúṣ* «рыжевато-бурый, гнедой».

В русском языке цветообозначение *бурый* «серовато-коричневый, серовато-рыжий» функционирует в сочетании *се-ро-буро-малиновый* «неопределенный цвет», в номинации масти животных (темно-коричневый с красноватым отливом, чёрный с коричневатым отливом), в имени сказочного персонажа *Сивка-бурка* и в типичном имени коров *Буренка*.

Таким образом, русский *бурый* лежит в области коричневого спектра (RAL 8017 шоколадно-коричневый; RAL 8016 махагон коричневый), тогда как коми-пермяки определяют его в зоне синего спектра (RAL 5011 стально-синий). Ср. также переосмысление славянского *руд* «рыжий, красный» в серый в коми-пермяцком языке.

По подсчетам этнолингвистов, в мире насчитывается не более 5 % языков (преимущественно славянских), в которых синий и голубой цвета имеют собственные наименования. В то же время во многих языках весь зелено-синий диапазон обозначается одним цветом, а для теплого красно-желтого диапазона существует гораздо больше наименований. Эта тенденция отмечается в коми-пермяцком языке: нерасчленение зелено-синего (отсутствие коми-пермяцкого цветообозначения зеленого), но наличие теплого желтого и красного цветообозначений. В коми-пермяцком языке для обозначения желтого и зеленого есть слово *веж* [КЭСЯ 1970; КПС 1985: 80]. В мире очень мало языков, в которых для желтого и зеленого цвета используется один термин [Рябина 2011, 2016].

Однако синкретичная семантика цвета характерна для архаичных значений слов. Так, *синий* в «Слове о полку Игореве» – цвета молнии, красный (о вине), черный. *Серый* родственно словам с цветовыми значениями «бурый, темный, седой, янтарного цвета, лимонно-желтый, цвета лисицы, сивый, белый, цвета плесени, черный, коричневый». По данным этимологии, большинство цветоименований восходят к индоевропейским кор-

ням с многозначной цветосемантикой, одно из обязательных значений которых «сверкать, блестеть»: русск. *зеленый* < и.-е. *g'hel- / *g'hol- «желтый, зеленый, синий, серый, голубой, буланый» родст. *зелье, зола, золото, желтый; синий* < и.-е. *si- «блестеть, мерцать»; *белый* < и.-е. *b'hel- «блестеть, светлый, белый»; англ. *green* < и.-е. *g'her- «гореть»; *red* < и.-е. *ar- «гореть»; *brown* < и.-е. *bher- «светящийся».

Выводы. В коми-пермяком языке исконные названия существуют для желтых (III-IV стадия), красных (II стадия), синих (V стадия), серых (VII стадия), черных (I стадия) и белых (I стадия) оттенков. Поздние заимствования из русского языка используются коми-пермяками для называния оранжевых, фиолетовых, зелёных (III-IV стадия), коричневых (VI стадия) оттенков. Лучше всего коми-пермяки дифференцируют белые (отказов 0%), чёрные (отказов 2,4%), оранжевые (отказов 8%), серые (отказов 0,66-9%), желтые (отказов 3,3-18%), красные (отказов 4-21%), коричневые (7-20%) оттенки. Плохо дифференцируются фиолетовые (отказов 30-62%), синие (отказов 21-68%) и зелёные (отказов 13-68%) оттенки. Окончательное решение вопроса о восприятии и цветообозначении в коми-пермяцком языковом сознании требует дополнительных исследований.

Литература

Гончаров О.А., Князев Н.Н. Лингвистическая детерминация восприятия цветов у русских и коми // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2010. – №2. URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2010/2/2010n2a1/2010n2a1.pdf>

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

КЭСКЯ – Краткий этимологический словарь коми языка / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев; Под ред. В.И. Лыткина. – М., 1970.

Рябина Е. С. Основные цветообозначения в пермских языках. – Тарту, 2011. URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/18808/rjabina_elena.pdf?sequence=1

Рябина Е. С. Словарный запас цветообозначений у удмуртов: гендерные и возрастные различия // Ежегодник финно-угорских исследований. – Вып. 2. – Ижевск, 2010. – С. 127-135.

Рябина Е. С. Основные цветообозначения в коми-пермяцком языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tsvetooboznacheniya-v-komi-permyatskom-yazyke> (дата обращения: 12.03.2020).

Тараканов И. В. Термины цветообозначения в удмуртском языке в сравнении с коми, марийским и мордовскими языками // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. – Ижевск, 1990. – С. 103-125.

Тернер В. У. Символ и ритуал. – М., 1983.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution, Berkeley and Los Angeles: University of California Press. – 1969.

RAL Classic. Международная система соответствия цветов. URL: <https://colorscheme.ru/ral-colors/ral-classic.html>

World Color Survey (WCS) URL: <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>

Regier Terry, Kemp Charles, and Kay Paul. Word meanings across languages support efficient communication. 2014. Preprint. URL: <https://lclab.berkeley.edu/papers/EC-chapter-2014.pdf>.

Regier Terry, Kay Paul & Khertapal Naveen. Color naming and the shape of color space // Language. – 2009. – №85. – P. 884-892.

Siok Wai Ting, Kay Paul, Wang William S. Y., Chan Alice H. D, Chen Lin, Luke Kang-Kwong, & Hai Li Tan. Language regions of brain are operative in color perception // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). – 2009. – №106 (20). – P. 8140-8145. URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0903627106

REFERENCES

Goncharov O.A., Knyazev N.N. Lingvisticheskaya determinaciya vospriyatiya cvetov u russkih i komi // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna». – 2010. – №2. URL: <http://www.psyanima.ru/journal/2010/2/2010n2a1/2010n2a1.pdf>

KPRS – Komi-permyacko-russkij slovar' / R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. – М., 1985.

KESKYa – Kratkij etimologicheskij slovar' komi yazyka / V.I. Lytkin, E.S. Gulyaev; Pod red. V.I. Lytkina. – М., 1970.

Ryabina E. S. Osnovnye cvetooboznacheniya v permskih yazykah. – Tartu, 2011. URL: http://dspace.utlib.ee/dspace/bitstream/handle/10062/18808/rjabina_elena.pdf?sequence=1

Ryabina E. S. Slovarnyj zapas cvetooboznachenij u udmurtov: gendernye i vozrastnye razlichiya // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. – Вып. 2. – Izhevsk, 2010. – S. 127-135.

Ryabina E. S. Osnovnye cvetooboznacheniya v komi-permyackom yazyke // *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tsvetooboznacheniya-v-komi-permyatskom-yazyke> (data obrashcheniya: 12.03.2020).

Tarakanov I. V. Terminy cvetooboznacheniya v udmurtskom yazyke v sravnenii s komi, marijskim i mordovskimi yazykami // *Voprosy dialektologii i leksikologii udmurtskogo yazyka*. – Izhevsk, 1990. – S. 103-125.

Turner V. U. Simvol i ritual. – M., 1983.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution, Berkeley and Los Angeles: University of California Press. – 1969.

RAL Classic. Международная система соответствия цветов. URL: <https://colorscheme.ru/ral-colors/ral-classic.html>

World Color Survey (WCS) URL: <http://www1.icsi.berkeley.edu/wcs/>

Regier Terry, Kemp Charles, and Kay Paul. Word meanings across languages support efficient communication. 2014. Preprint. URL: <https://lclab.berkeley.edu/papers/EC-chapter-2014.pdf>.

Regier Terry, Kay Paul & Khertapal Naveen. Color naming and the shape of color space // *Language*. – 2009. – №85. – P. 884-892.

Siok Wai Ting, Kay Paul, Wang William S. Y., Chan Alice H. D, Chen Lin, Luke Kang-Kwong, & Hai Li Tan. Language regions of brain are operative in color perception // *Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS)*. – 2009. – №106 (20). – P. 8140-8145. URL: www.pnas.org/cgi/doi/10.1073/pnas.0903627106

©Шляхова С.С., 2020

Шляхова Светлана Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и связей с общественностью, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия).

Адрес: 614990, Россия, г. Пермь, пр. Комсомольский, 29.

E-mail: shlyahova@mail.ru

Shlyakhova Svetlana Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russia).

ШМЕЛЕВА Т.В.

г. Великий Новгород, Россия

szmiel@mail.ru

81*38

DOI 10.26170/ufv20-02-20

МЕТОНИМИЯ В ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ

Аннотация. В статье рассматриваются имена городского ономастикона в плане использования такого стилистического приема, как метонимия. Хотя метонимия используется в наименовании разных городских заведений (ШПИЛЬКА, КОЛЕСО, ЛОКОН), в центре внимания оказываются имена заведений еды. Показано, как таким именем становятся обозначения всех элементов ситуации еды – от ее приготовления до эффекта сытости: едок, повар, блюдо, его качество, инструменты еды и приготовления пищи, место еды, сытость как результат развития ситуации. В каждом из случаев используется как русская лексика, так и заимствованная, в том числе в написании на языке оригинала (ЕДА / FOOD). Утверждается, что метонимия как креативная стратегия совмещается с другими современными тенденция образования городских имен – репликами, прецедентными именами, рифмовкой, обыгрыванием омонимов и графического облика слова.

Ключевые слова: российский город, ономастикон, заведения еды, ситуация еды, метонимия, креативность

SHMELEVA TATIANA

V.Novgorod, Russia

METONYMY IN THE CITY ONOMASTICON

Abstract. The article discusses the names of urban onomasticon in terms of using such a stylistic device as metonymy. Although metonymy is used in the name of various urban establishments (ШПИЛЬКА, КОЛЕСО, ЛОКОН), the focus is on the names of food establishments. It is shown how the designation of all elements of a food situation becomes from such a name - from its preparation to the effect of satiety: eater, cook, dish, its quality, food and cooking tools, place of eating, satiety as a result of the development of the situation. In each of the cases, both Russian and borrowed vocabulary are used, including in writing in the original language (ЕДА / FOOD). It is argued that metonymy as a creative strategy is com-

bined with other modern tendencies in the formation of urban names - replicas, precedent names, rhyming, beating homonyms and the graphic appearance of the word.

Keywords: Russian city, onomasticon, food establishments, food situation, metonymy, creativity

Ономастикон современного российского города давно воспринимается как пространство не только информативных номинаций, но и разнообразных языковых экспериментов, отмеченных креативностью. Лингвистические работы о языковой игре и креативности в городском ономастиконе стали обычными в журналах, сборниках статей и коллективных монографиях [Коган, Козловская 2006; Голомидова 2012; Иванова 2013; Иссерс 2014].

Наряду с такими работами, появляются публикации, в которых рассматриваются отдельные виды языковой игры, например, с графическим обликом слова [Щербакова 2014] или омонимами [Шмелева 2014]. К числу таких работ можно отнести и настоящую, так как в ней рассматривается метонимия как семантический принцип образования городских имен.

Метонимия, как известно, один из тропов, фигурирующий в числе средств «украшения речи» со времен античной риторики. Сегодня она присутствует в словаре терминов и рассматривается прежде всего в поэтических текстах [Квятковский 1966: 158–159]. Рассматривают ее и как ресурс многозначности и пополнения лексикона [Гак 1977: 283–284; Сковородников 2003; Матвеева 2010]. В последнее время сфера изучения метонимии расширяется, ее изучают, в частности, в медиасфере [Хазагеров 2019]. При этом практически всеми отмечается, что метонимия, в отличие от метафоры, лишена креативности, «она, как было замечено еще в школе А.А. Потебни, прежде всего сокращает речевую цепь» [Там же: 780].

Материалы городского ономастикона позволяют поспорить с таким утверждением. Конечно, в городском ономастиконе, точнее в той его части, которая именуется городское пространство, можно найти множество примеров классической метонимии: имя реки переносится на город (*Москва, Воронеж*), название

сооружения в городе переносятся на улицу (*Пресненский* и другие валы в Москве, улица *Обруб* в Томске), метонимически именуется остановки городского транспорта – *Школа, Поликлиника, Торговый центр, Вокзал* и т.д. В таких случаях объекты номинации соположены в физическом пространстве, и имя первого переносится на второй: и перенос, и смежность налицо.

Однако с наименованиями городских заведений – еды, красоты, здоровья и прочих – дело обстоит иначе. Для них характерна скорее синекдоха: название одного экземпляра товара переносится на заведение торговли этим видом товара или связанной с ним услуги (обувной магазин САПОЖОК), так же переносится название части предмета (обувной магазин ШПИЛЬКА, магазин товаров для рукоделия ИГОЛОЧКА, фирма шиномонтажа КОЛЕСО, парикмахерская ЛОКОН).

Наиболее показательны в этом отношении заведения еды, которых в российском городе еще лет тридцать назад было не так много, и они носили скромные названия типа кафе «Уют», ресторан «Север», а то и просто обходились без названия: *Столовая, Кафе, Кафетерий, Пельменная, Пирожковая* и т.п. Сегодня хорошая еда – одна из социальных ценностей, представленных в пространстве города и его ономастиконе [Шмелева 2019а]. Хорошее (креативное!) название заведения еды ценится не меньше, чем сама еда, и служит одним из факторов привлекательности заведения [Шмелева 2019б]. Есть основания утверждать, что метонимия оказывается креативной стратегией их наименования, но важно, что при этом имя переносится не с одного объекта на другой, а заведение получает имя из обозначения ситуации еды в ее сценарном развитии, которую составляют такие элементы:

- субъект (едок или тот, кто собирается это сделать),
- тот, кто приготовит еду,
- блюдо и посуда, в которой оно подается,
- инструменты еды (ложки-вилки),
- качество еды,
- место еды.

Наконец, смежным с ситуацией еды оказывается результат поедания – сытость.

На фоне названий заведений общепита, которые сводились к обозначению «жанра» заведения (столовая, кафе, ресторан, чайная), названию блюд, служащих мотиватором имени заведения (Пельменная, Пирожковая), географических названий (ресторан «Север», «Гавана», «Ильмень»), современные стратегии именования заведений еды производят впечатление креативных, во-первых, потому, что лексикон таких наименований увеличился невероятно и продолжает расти; во-вторых, потому, что в метонимические наименования включена вся ситуация еды, а не какой-то ее элемент; в-третьих, потому, что в этот лексикон входит не только русская лексика, но и экзотическая – из разных языков, что расширяет культурный кругозор горожанина.

Чтобы проиллюстрировать высказанные суждения, приводятся имена собственные заведений из разных городов без указания города. Это позволительно сделать в силу того обстоятельства, что имена, как правило, бытуют одновременно в разных городах, в чем можно убедиться с помощью интернета, которым охотно пользуются заведения еды в рекламных целях. Кроме того, отвлечься от конкретных городов возможно, поскольку нас интересует тенденция, а не характеристики городских ономастиконов (что может быть особой интересной проблемой).

Прежде всего важно отметить, что на вывесках заведений еды, стало появляться слово *еда* (ситуация →заведение, где она осуществляется): ЕДА, ЕДА ВСЕГДА, ВКУСНАЯ ЕДА, ЕДА И ТОЛЬКО, УРА-ЕДА!, ЕДА ПОД ПИВО... Вошли в городской ономастикон и названия с использованием еды по-английски: FOOD, STREET FOOD.

Показательно, что наряду с субстантивом ситуация обозначается глаголами: ВРЕМЯ ЕСТЬ!, СЧАСТЬЕ ЕСТЬ, ПОЕДИМ, ЕМ, ЕМ-ЕМ, ЕДИМ РУКАМИ, СЕЛИ-ПОЕЛИ, ПИЛИ-ЕЛИ. Такие названия появляются в рамках новой (и креативной!) для городского ономастикона тенденции использовать в качестве имен предикативные единицы (Шмелева 2017; Вепрева 2019).

Отметим, что среди таких названий есть как приведенные реплики едоков, так и пригласительные реплики тех, кто предлагает еду: ЕСТЬ ПОЕСТЬ, ПОКУШАЙ КАК ДОМА, ПЕРЕКУСИ, ВЫПЕЙ И ЗАКУСИ, ЕШЬ, ЕШЬ-КА, ЕШЬ-ПЕЙ, ЕШЬ-БЕРИ, ЕШЬ ФРЭШ.

Едок как участник ситуации еды появляется на вывесках обозначенным субстантивом (ГУРМАН, ГОЛОДНЫЙ ЗЛОЙ) и в виде реплик с заявлениями о желании поесть: ХОЧУ ХАРЧО, ХОЧУ ТОРТ, ХОЧУ ШАВЕРМУ, ХОЧУ СУШИ, СЪЕМ СЛОНА или просьбой покормить: ДАЙ СУШИ.

Тот, кто готовит еду и в номинациях заведений обычно присутствует «за кадром», стал регулярно появляться на вывесках (СТРЯПУХА, ПОВАРЕНОК, 10 ПОВАРОВ, КУЛИНАР ОТ БОГА, ЕДА ОТ ШЕФА) и получил право голоса с информацией о своей деятельности: ЛЕПИМ ВАРИМ, ОБЖАРИВАЕМ МЕЛЕМ ЗАВАРИВАЕМ.

Вполне естественным кажется появление на вывесках заведений еды такого элемента ситуации, как название блюда: БОРЩИ, ЩИ-БОРЩИ, ЩИ ДА КАША, СУП, СУПЧИК, ПАРАД КОТЛЕТ, ГУЛЯШ, ШАШЛЫЧКИ, ШАШЛЫК & СТЕЙК, ПЕЛЬМЕНЬ, PЕLMEHИ & ПЕЛЬМЕНИ, ПИРОГИ, ВИНО И ГУСЬ, МАНДАРИН, ЛАПША И УТКИ, ПИРОГИ БАБЫ-ЯГИ, ВИВАТ ПИЦЦА, СУШИ (ТОЧКА СУШИ, ЧАСТЬ СУШИ, СУШИ ВЕСЛА). Метонимичность таких имен очевидна в таких случаях, когда называется не блюдо, а какая-то составляющая меню: СОЛЬ И ХЛЕБ, ЛАВАШ, КРЕКЕР, ПЫШЕЧКА, ЛАДУШКИ ОЛАДУШКИ, РИС, РИС ЛАПША, РУЛЕТ, ВИНЕГРЕТ, ВАРЕНЬЕ, МЕД, КОМПОТ, ЧАЙ И ПРЯНИК, ПЛЮШКА & ВАТРУШКА, БУБЛИКИ; БУЛКИ, ПЛЮШКИ, КРЕНДЕЛЯ. К блюдам примыкают как классический случай метонимии имена флоры (ОГУРЕЦ, ЩАВЕЛЬ, ЧЕСНОК, УКРОП, МЯТА, ХУРМА, КИНЗА, БАКЛАЖАН, АВОКАДО) и фауны (РЫБА, КОРЮШКА, ОМАР, БАРАШКИ).

Столь же естественно для ситуации еды, но креативно для городского ономастикона появление на вывесках заведений еды существительных с семантикой инструмента еды – БОЛЬШАЯ

ЛОЖКА, ЧАЙНАЯ ЛОЖКА, ВИЛКИ-ЛОЖКИ, ДВЕ ПАЛОЧКИ, КРУЖЕЧКА, КРУЖКА ЗА КРУЖКОЙ. Наряду с инструментами еды на вывески попадают имена инструментов приготовления пищи: БОЛЬШАЯ КАСТРЮЛЯ, УГЛИ, ТАНДЫР ХАУЗ, ПЛАНЕТА ВОК, АЙ ДА ВОК.

Популярны вывески с указанием на качество еды: ВКУСНО, ВКУСНЕЕ НЕТ, ВКУСНЯШКА, ВКУСНОТЕКА, ОЧЕНЬ ДОМАШНЕЕ, С ПЫЛУ С ЖАРУ. Для этого элемента ситуации еды характерно объединяться с обозначением других: ВКУСНАЯ ЕДА, ВКУСНЫЕ ШТУЧКИ, ВКУСНОЕ МЕСТО, ВКУСНЫЙ ДОМИК, ВКУСНОЕ КАФЕ.

Место же еды как будто бы нет необходимости обозначать на вывеске, оно очевидно – здесь, тем не менее локативная лексика иногда появляется, метонимично (12 СТОЛИКОВ, 3 КОМНАТЫ) или в сочетании с другими элементами (ФАБРИКА ПЛОВА, ГРУЗИНСКИЙ ДВОРИК, ВЯТСКИЙ ДВОРИК, ДУШЕВНАЯ КУХНЯ, МАМИНА КУХНЯ, ХИЖИНА ПЕКАРЯ).

Ситуация сытости получает отражение в именовании заведений еды через описание состояния СЫТО ПЬЯНО, а также характеристики едока – неопределенно (СЫТ И ПЬЯН) и конкретно с привлечением персонажей, часто забавных – СЫТЫЙ ПАПА, СЫТЫЙ КОТ, СЫТЫЙ ЛОСЬ; СЫТЫЙ ЕЖИК, ПЬЯНЫЙ ШМЕЛЬ, ХМЕЛЬНЫЕ СОВЫ. Соединяется характеристика сытости и с местом СЫТНЫЙ ДВОРИК.

Разумеется, приведенный здесь ономастический материал не исчерпывает богатую практику современного городского ономастикона, однако и этих фактов, как представляется, достаточно, чтобы убедиться: метонимия как перенос различных элементов ситуации еды на имя заведения оказывается популярной стратегией наименования таких заведений. Многие из приведенных названий одновременно показывают, что эта стратегия совмещается с другими креативными стратегиями – вовлечение реплик из повседневной речи, прецедентности (СЫТО ПЬЯНО), обыгрывание иноязычной лексики (ФОРТЕ-ПЬЯНО), омонимии, в том числе межъязыковой (ТОЧКА СУШИ), рифмовка (СТРАСТИ ПО ПАСТЕ). Все это говорит о том, что креатив-

ность становится все более заметным качеством городской ономастики, которая заслуживает специального исследования, и метонимия играет здесь не последнюю роль.

Литература

Вепрева И.Т. Современный эргонимикон: в поисках новых форм выражения // Вопросы ономастики. №4. 2019. – С. 168—179. URL:<http://onomastics.ru/content/2019-t-16-№4-8>

Гак В.Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. Б.А. Серебренникова. – М., 1977. – С. 230–293.

Голомидова М.В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива-2: коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С.63–73.

Иванова Е.Н. Приемы креативной номинации (на примере названий книжных магазинов Екатеринбурга) // Уральский филологический вестник: Язык, система, личность. Лингвистика креатива. – Екатеринбург, 2013. №3.

Иссерс О. С. Между узнаваемостью и креативом: фрейминг как инструмент создания коммерческого имени // Лингвистика креатива-4: коллективная монография /Под ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С.75–103.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. – М., 1966.

Козан И.И., Козловская Н.В. Языковая игра в сфере современных городских номинаций // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А.Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции. 15 – 17 ноября 2006 г. / отв. ред. В.А. Козырев. – СПб., 2006. – С. 155–158.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов-на-Дону, 2010.

Сковородников А.П. Метонимия // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М., 2003. – С. 327–329.

Хазагеров Г.Г. Метонимия в медиасреде // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. статей Международной науч. конф. (11–13 мая 2019 г.) / науч. ред. Е.Л. Вартанова; отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. – М., 2019. – С. 777–785.

ХоангТхиХонг Чан. Московские ресторонимы в структурно-грамматическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2018. №427. – С. 63—70. URL: <http://journals.tsu.ru /vestnik/>

&journal_page=archive&id=1677&article_id=37433; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34868763>

Шмелева Т.В. Омонимические игры в городской среде // Лингвистика креатива-3: коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – С.315–332.

Шмелева Т.В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5 (265). – С. 14–18. URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=30508426>

Шмелева Т.В. Изменение социальных ценностей в зеркале городского ономастикона // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: Тезисы докладов международной научной конференции (15–17 октября 2019 г.). – Екатеринбург, 2019а. – С. 68–70.

Шмелева Т.В. Атрактивность городского имени: заведения еды // Прикладная лингвистика и лексикография. 2019б. Т. 1. № 1. – С. 117–126. URL: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1/1>

Щербакова Н.Н. Языковая игра в городском ономастическом пространстве // Лингвистика креатива-3: коллективная монография / под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. С.333–340.

REFERENCES

Vepreva I.T. Sovremennyy ergonimikon: v poiskah novykh form vyrazheniya // Voprosy onomastiki. №4. 2019. S. 168–179. URL:<http://onomastics.ru/content/2019-t-16-№4-8>

Gak V.G. K tipologii lingvisticheskoy nominacii // Yazykovaya nominaciya. Obshchie voprosy / pod red. B.A. Serebrennikova. – M., 1977. – S. 230–293.

Golomidova M.V. Imyatvorchestvo v ergonimii: tradicii vsaktual'nye trendy // Lingvistika kreativa: Kollekt. monografiya pod obshchej red. T.A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2012. – S.63–73.

Ivanova E.N. Priemy kreativnoj nominacii (na primere nazvanij kniznyh magazinov Ekaterinburga) // Ural'skij filologicheskij vestnik: Yazyk, sistema, lichnost'. Lingvistika kreativa. 2013. №3.

Issers O. S. Mezhdru uznavaemost'yu i kreativom: frejming kak instrument sozdaniya kommercheskogo imeni // Lingvistika kreativa-4: Kollektivnaya monografiya pod obshchej red. T.A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2018. – S.75–103.

Kvyatkovskij A.P. Poeticheskij slovar'. – M., 1966.

Kogan I.I., Kozlovskaya N.V. Yazykovaya igra v sfere sovremennyh gorodskih nominacij // Slovo. Slovar'. Slovesnost': iz proshlogo v budushchee (k 225-letiyu A.H. Vostokova): Materialy Vserossijskoj

nauchnoj konferencii. 15 – 17 noyabrya 2006 g. / otv. red. V.A. Kozyrev. – SPb., 2006. – S. 155–158.

Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. – Rostov-na-Donu, 2010.

Skovorodnikov A.P. Metonimiya // Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik / pod red. L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryaeva. – M., 2003. – S. 327–329.

Hazagerov G.G. Metonimiya v mediasrede // Nastoyashchee i budushchee stilistiki: sb. nauch. statej Mezhdunarodnoj nauch. konf. (11–13 maya 2019 g.) / nauch. red. E.L. Vartanova; otv. red. N.I. Klushina, S.F. Barysheva. – M., 2019. – S. 777–785.

HoangThiHong Chan. Moskovskie restoronimy v strukturno-grammaticheskom aspekte // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. №427. S. 63–70. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1677&article_id=37433; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34868763>

Shmeleva T.V. Omonimicheskie igry v gorodskoj srede // Lingvistika kreativa-3: Kollektivnaya monografiya pod obshchej red. T.A. Gridinoy. – Ekaterinburg, 2014. – S.315–332.

Shmeleva T.V. Kommunikativnye edinicy na gorodskih vyveskah // Russkij yazyk za rubezhom. 2017. № 5 (265). S. 14–18. URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=30508426>

Shmeleva T.V. Izmenenie social'nyh cennostej v zerkale gorodskogo onomastikona // Aksiologicheskie aspekty sovremennyh filologicheskikh issledovanij: Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (15–17 oktyabrya 2019 g.). Ekaterinburg, 2019a. S. 68–70.

Shmeleva T.V. Attraktivnost' gorodskogo imeni: zavedeniya edy // Prikladnaya lingvistika i leksikografiya. 2019b. T. 1. № 1. S. 117–126. URL: <https://journall.org/index.php/main/issue/view/1/1>

Shcherbakova N.N. Yazykovaya igra v gorodskom onomasticheskom pro-stranstve // Lingvistika kreativa-3: Kollektivnaya monografiya pod obshchej red. T.A. Gridinoy. – Ekaterinburg, 2014. – S.333–340.

©Шмелева Т.В., 2020

Шмелева Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (В.Новгород, Россия).

Shmeleva Tatyana Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Novgorod State University Yaroslav the Wise (V.Novgorod, Russia).

Адрес: 173003, Россия, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41.

E-mail: szmiel@mail.ru

Раздел III. Лингвокреативные аспекты текстовой деятельности

АВДЕЕВА Г. А.

г. Нижний Тагил, Россия

g_avdeeva_64@mail.ru

821.161.1

DOI 10.26170/ufv20-02-21

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ И ЦИТАТЫ В РОМАНЕ А. ВАРЛАМОВА «ДУША МОЯ ПАВЕЛ»

Аннотация. В статье анализируется роль филологических аллюзий и цитат в романе А. Варламова «Душа моя Павел». Отмечается, что часть цитат и аллюзий филологического характера играет роль своеобразного «шифра» для «посвященных» (филологов). Важную функцию в романе выполняют литературные цитаты и аллюзии, отсылающие читателя к произведениям не только русской, но и зарубежной литературы. Так, важна в романе «Душа моя Павел» отсылка к произведению Э. Хемингуэя «Старик и море»: история героя Варламова соотносится с прецедентной ситуацией, описанной в повести Хемингуэя. Наиболее значимым в романе является пушкинский текст, а точнее, сам образ Пушкина как фигуры, символизирующей некую гармонию в искусстве и жизни, а также идею всеобщей любви.

Ключевые слова: интертекстуальность, аллюзия, цитата, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация, диалогичность текста.

AVDEEVA G.A.

Nizhniy Tagil, Russia

PHILOLOGICAL ALLUSIONS AND CITATIONS IN THE «MY SOUL PAUL» NOVEL BY A. VARLAMOV

Abstract. The article analyzes the role of philological allusions and citations in A. Varlamov's "My soul Paul" novel. It is noted that some citations

and allusions of a philological nature play the role of a kind of "cipher" for "initiates" (philologists). Literary citations and allusions that refer the reader to works of not only Russian but also foreign literature perform an important function in the novel. So, in the novel "My soul Paul", a reference to the work of E. Hemingway "The old man and the sea" is important: the story of the Varlamov's character correlates with the precedential situation described in the Hemingway's story. The Pushkin's text, or, more precisely, the image of Pushkin as a character symbolizing a certain harmony in art and life, as well as the idea of universal love, is of the most importance in the novel.

Keywords: intertextuality, allusion, quotation, precedential name, precedential text, precedential situation, dialogicity of the text.

Проблема межтекстового взаимодействия давно интересует исследователей, но по-прежнему остается актуальной для современной филологии. Под интертекстуальностью, как правило, понимается «присутствие в тексте более или менее маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или целых введенных рассказов» [Арнольд 1992: 53]. Вопрос о количестве и типологии интертекстуальных элементов остается открытым. См., например, классификацию, предложенную Н.А. Фатеевой [Фатеева 2007]. Безусловно, наиболее распространенными и неоднократно описанными в литературе видами интертекстуальных элементов являются цитата и аллюзия. В понимании термина «аллюзия» нет однозначности: она может пониматься как намек на определенный исторический факт или известное имя, как отсылка к претексту, как правило, литературному и даже как крылатое выражение. Мы придерживаемся широкого понимания аллюзии как отсылки и к известному топониму, антропониму (прецедентному имени), и к историческому событию (прецедентной ситуации), и к литературному тексту (в том числе и прецедентному тексту).

Проблема интертекстуальности оказывается особенно актуальной в связи с анализом текстов современной литературы: «ранее интертекстуальность являлась лишь одним из приемов наряду с другими, а сейчас это самый выдвинутый прием и неотъемлемая часть постмодернистского дискурса... Если ранее, в

начале XX века, авторы стремились ассимилировать интертекст в своем тексте... ввести мотивировку интертекстуализации, то конец века отличает стремление к диссимилации, к введению формальных маркеров межтекстовой связи, к метатекстовой игре с «чужим» текстом» [Фатеева 2007: 31-32].

Цель данной статьи – проанализировать роль тех цитат и аллюзий в романе А. Варламова «Душа моя Павел», которые носят филологический характер, то есть отсылают либо к литературному источнику, либо к научному (связанному с филологией как наукой). Сам автор назвал роман «антифилологическим», но поскольку его герои филологи – студенты филологического факультета МГУ, мы предполагаем наличие как раз «филологического» интертекста в произведении.

Само название романа уже содержит в себе пушкинскую цитату. «Заглавие «Душа моя Павел» – пушкинское. Так поэт начал шутивную «нравоучительную» запись в альбом сына Петра Вяземского... «Душа моя Павел, /Держись моих правил, /Люби то-то, то-то, / Не делай того-то. / Кажись, это ясно. / Прощай, мой прекрасный» [Алексей Варламов: <http://>]. Данная отсылка задает своеобразный «филологический» тон повествованию, с одной стороны, а, с другой стороны, намекает на специфику жанра «романа взросления» (так жанр произведения определил автор).

Значительная часть названий глав произведения также содержит либо цитату (в том числе в трансформированном виде), либо аллюзию, причем часто именно филологического характера. Так, например, глава «Девятнадцатое» вся посвящена Пушкину (19 октября – дата выпуска из лицея). Часть заголовков отсылают к фольклорным произведениям: «Сестрица Алenuшка», «Не ешь пирожок...». Одна из глав называется «Фольклорная практика». Интересен заголовок, содержащий своеобразную автоцитату, – «Мыслительный волк». В 2014 году вышел роман А. Варламова «Мысленный волк».

Часть заголовков явно ориентирована на специалиста-филолога: «Глокая куздра», «Фант, Халле, Якобсон». Название главы включает имена филологов-лингвистов, которые вряд ли известны широкому читателю. Имена Р. Якобсона, М. Халле и

Г. Фанта объединяет авторство совместной работы об универсальной акустической классификации.

Обратимся непосредственно к тексту романа. В произведении активно цитируются либо другим способом упоминаются не только произведения А. С. Пушкина, но и других авторов как русской (в том числе советской) литературы, так и зарубежной. Среди этих авторов А. Солженицын, Ф. Достоевский, Л. Толстой, О. Мандельштам, Ф. Сологуб, В. Шукшин, Венедикт Ерофеев, братья Стругацкие, а также Дж. Оруэлл, Э. Хемингуэй, Г. Г. Маркес и др.

С точки зрения исторической наиболее архаичными являются отсылки к античной мифологии. Они своеобразно вводятся в текст романа. В момент простоя в работе на поле из-за дождя студенты напиваются. И абсолютный трезвенник Павел доходит до такого состояния, что утром начинает ощущать невыносимые головные боли. «Наверное, у *Зевса* так болела голова, когда рождалась *Афина Паллада*, но этого Павлик не знал, потому что *Зевса* и *Афины* толковала студентам всех отделений первого курса филологического факультета в девятой аудитории Первого гуманитарного корпуса божественная *Аза Алибековна Тахо-Годи*, легко переходя с русского на древнегреческий и обратно». «*Афина* в голове взорвалась». «Павлик и сам не понял, как очутился на улице, где мысли его неожиданно прояснились и набросились на него с яростью и обидой, как маленькие злые божественные *эринии*» [Варламов 2018: 174-175]. В данном случае упоминание имен античных богов (в том числе и богинь мщения – эриний), а также обращение к прецедентной ситуации (рождение *Афины*) иллюстрируют состояние героя, который испытывает не только физические мучения (похмельное состояние), но и психологические: «И ничегошеньки от *Павликовой* гордости и достоинства не осталось – одно унижение и позор» [Варламов 2018: 175]. Показательна и авторская ирония в использовании данной «божественной» аналогии, которая подчеркивает филологическую некомпетентность Павла («но этого Павлик не знал»).

Особую роль в романе играет пушкинский текст, о чем свидетельствует и название произведения. Сам автор в одном из интервью обращает внимание на то, что его герой – «пушкинского склада человек и пушкинских держится правил» [Басинский: http]. Пушкинские цитаты активно включаются в ткань романа. Но, безусловно, наибольшая концентрация пушкинского текста представлена в главе «Девятнадцатое». Сыроед, лишенный привычной дозы алкоголя, от злости начинает нападать на Пушкина и не только на него, а на всю русскую литературу XIX века за ее «вранье», отсутствие пресловутого реализма. Часть персонажей присоединяется к этим нападкам. Речь идет и о превращении образа Пушкина в некий штамп: «Пушкин – наше все, Пушкин – наше солнце...» и др. А в это время Павел размышляет о том, что ему непонятно, «как можно было любить это хмурое время (осень – А.Г.), что в нем находить, какое вдохновение и бодрость, какое, к черту, *очей очарованье*, глаза б его не видели? ... Ну так всех этих лицеистов-бездельников, *прекрасен их союз*, и заслать в совхоз, как бы они тут запели... А вообще, хорошо вот так лежать в тепле, и говорить о Пушкине, и пробовать его кусать, щипать и дразнить. Почему у вас то не так Александрович, почему это? А ему самому смешно в его высях. Смотрит на них и хохочет. Эх, *племя младое, незнакомое*. Дурное, нелепое. Наследнички. Да вцепляйтесь вы в мои бакенбарды, сколько хотите, висните на них, пишите свои глупые курсачи и дипломы, защищайте смешные диссеры...пейте, ешьте, пляшите и веселитесь за мой счет, но главное, живите, любите друг друга, пока вам жизнь дана» [Варламов 2018: 273]. (Выделения курсивом наши. – Г.А.) Данный фрагмент интересен и тем, что внутренняя речь героя постепенно сменяется собственно авторской речью. Автор явно иронизирует по поводу скепсиса персонажей и нападок на «солнце русской поэзии». Приведенный отрывок иллюстрирует характерное для текста, особенно для данной главы, включение атрибутивных цитат: поскольку речь идет о Пушкине, цитаты довольно органично включаются в ткань произведения, легко распознаются читателем. В данной главе можно увидеть и отсылку к нашумевшей в свое время

книге Абрама Терца (псевдоним А. Д. Синявского) «Прогулки с Пушкиным», автор которой посягнул на «наше все», позволил себе иронично и весело написать о великом поэте. Синявский как раз и боролся с теми, кто превратил фигуру Пушкина в некий фетиш, памятник, похоронил его живую фигуру под грудой штампов и стереотипов.

В тексте романа присутствуют и неатрибутированные цитаты, отсылающие к пушкинскому тексту. Особый случай цитации представлен в главе «Повторная апелляция», когда Павел встречает Семибратского в потустороннем мире, и тот дает «метафизическое» объяснение его испытаниям: «В него столько сил вбухали, лучших ребят с курса сорвали, готовили их специально. А он, видите как, ума вроде набрался, а организм не сдюжил. Да и сам тоже... Нет, чтоб себя побережь... А то – *и жить торопится, и чувствовать спешит*. Все сразу хочет?» [Варламов 2018: 333]. Выделенная цитата принадлежит П. Вяземскому, но известна она в большей степени из-за того, что была взята в качестве эпитафии к роману в стихах «Евгений Онегин». Таким образом, данная характеристика Павла заставляет читателя вспомнить название романа, ассоциативно связанное и с Пушкиным, и с Вяземским; а также жанр произведения – роман взросления.

Аллюзийный характер носит и глава «Как поймать рыбу», в которой явно содержится отсылка к тексту известной повести Э. Хемингуэя «Старик и море». В данном эпизоде герой романа как бы повторяет метафорически историю старика Сантьяго, боровшегося с огромной рыбой, победившего ее, но потерявшего свой трофей в схватке с акулами. Павел то ли во сне, то ли в болезненном бреду видит себя на берегу, где он рыбачит вместе с Передистовым. В какой-то момент начинается его борьба с большой рыбиной, в которой герой одерживает победу. Казалось бы, исход схватки героя Варламова противоположен финалу новеллы Хемингуэя. Но сразу же после окончания схватки с рыбой Павел отвечает Передистову на его фразу о «взрослении» героя: «Мне не удалось их переубедить». Таким образом, Павел вовсе не ощущает себя победителем.

Отсылка к повести Хемингуэя в романе Варламова явно не случайна. Не потому ли и возникает она, когда произведение выходит на «метафизический» уровень? Сама притча-новелла Хемингуэя неоднозначна и вызывает различные интерпретации. Герой борется с природными силами за свою добычу и, казалось бы, терпит крах. Но есть и другая точка зрения, что старик терпит поражение, но в высшем смысле он остается непобежденным: «Человека можно уничтожить, но нельзя победить» [Хемингуэй 1972: 648]. Возможно, данная аналогия проясняет и суть характера главного героя книги Варламова. Герой, представляющий собой «совокупную душу всего советского народа, новой «интернациональной» нации», обречен на поражение. Сам автор в одном из интервью так комментирует «миссию» своего персонажа: «Павлик – это ... осуществившаяся мечта, удавшийся советский человек. Павлик инфантилен, но добр душою, чист, свободен, и, как блоковский скиф, сзывает изверившуюся, разваливающуюся, изъеденную лицемерием страну на братский пир труда и мира. Он дает ей последний шанс, не догадываясь о том, что его все равно не послушают и ему еще придется пережить распад его возлюбленной Родины и сокращение прекрасной географической карты, которую он выучил наизусть и повсюду с собой таскает. В противовес антиутопиям, обращенным в будущее, я пытался написать утопию о прошлом» [Басинский: [http](http://)].

Литературные аллюзии в романе многочисленны. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все. Интересна дискуссия об авторе «Слова о полку Игореве», которой посвящена целая глава. Важную роль в тексте романа играет не только фигура Пушкина, но и А.И. Солженицына. Его имя не упоминается, но Павлу Непомилуеву дают прочитать «Архипелаг ГУЛАГ» под обложкой «Острова сокровищ». Павлик сначала с ненавистью воспринимает содержание книги, находясь под воздействием советской пропаганды, которая видела в Солженицыне главного врага СССР. Но постепенно он понимает правоту автора «Архипелага»: «Она (книга) не столько открывала ему глаза, сколько за-

полняла лакуны и отвечала на неотвеченные вопросы» [Варламов 2018: 254].

Не менее интересны в романе интертекстуальные элементы научного филологического (лингвистического) характера. Так, например, аллюзийный характер носят имена (клички) некоторых оппонентов Павла – старшекурсников, к которым его подселают в лагере: *Бодуэн* (явно намек на известного лингвиста Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, крупнейшего теоретика языкознания) и *Бокренок*. На последнем имени остановимся подробнее. В этом имени заключена аллюзия на некую искусственную фразу на основе русского языка, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков: «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка». Фраза обычно используется в практике преподавания русского языка для иллюстрации грамматического значения слова. Считается, что фраза использовалась академиком Л. В. Щербой в 1930-е годы на вводных лекциях по курсу «Основы языкознания». Широкую известность фраза приобрела благодаря книге Льва Успенского «Слово о словах» [Успенский 1962].

«Глокая куздра» поразительным образом «отрывается» в произведении от своего чисто филологического игрового содержания в главе «Волчье вымя», когда Павлик в некоем метафизическом пространстве романа размышляет о проблемах своей любимой многострадальной советской страны: «Я понимаю, что вы и так очень долго терпели, знаю, что вас обманывали часто и веры у вас почти не осталось... Это ведь все *глокая куздра*, это она нас захватила и обманула, а мы решили, что она и есть советская власть. А она только маскируется под советскую, она ложная, как ядовитый гриб, и мы ее вырвем, прогоним, мы всех *бокров, бокренков, бокрят и бокренушей* от нее защитим и не дадим никого *курдячить*» [Варламов 2018: 338]. «Глокая куздра» превращается в некий символ иррациональной силы, которая мешает построению справедливого советского общества.

В романе присутствуют и христианские аллюзии, но рамки статьи не позволяют нам обратиться к их анализу.

У критиков справедливо возникает вопрос к автору о соотносительности романа «Душа моя Павел» с другим произведением Варламова – повестью «Здравствуй, князь» начала 90-х. Герой повести, мальчик из северной глубинки, также приехал покорять Москву. Время в повести тоже совпадает с романным – 80-е годы. Автор сам признает своеобразный диалог между этими произведениями. Подробнее о перекличке данных произведений см. нашу статью [Авдеева 2019].

Проанализировав характер интертекстуальных элементов, представленных в романе, мы можем отметить преобладание цитат и аллюзий филологического характера, что обусловлено содержанием произведения. Часть их выполняет роль своеобразного «шифра», который может быть понятен лишь «посвященным» (филологам). В этом случае можно говорить о реализации игровой и парольной функций метатекстовых связей.

Важную роль в романе играют интертекстуальные элементы, отсылающие читателя к художественной литературе: отечественной и зарубежной. В частности, важна отсылка к повести Хемингуэя «Старик и море»: история героя романа соотносится с ситуацией, предполагающей необходимость борьбы, отстаивания своих взглядов, несмотря на возможность поражения.

Интертекстуальный характер носит название произведения, которое создает установку на диалогичность, а также акцентирует внимание на его жанре – *романе взросления*. Поэтому наиболее значимым в анализируемом произведении является пушкинский текст, а точнее, сам образ Пушкина как фигуры, символизирующей некую гармонию в искусстве и жизни. По мнению самого автора, главный герой романа – «пушкинского склада человек и пушкинских держится правил». Он мечтает об идеале братства, любви, взаимопомощи в пушкинском понимании.

Литература

Авдеева Г.А. Роль аллюзий в описании политического сознания героев А. Варламова: на материале повести «Здравствуй, князь» и «Душа моя Павел» // Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2019. – С. 6-10.

Арнольд И. В. Проблемы интертекстуальности // Вестник СПбГУ, серия 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. Вып. 4. – С.53-61.

Басинский П. Беги, Павлик, беги! Писатель Алексей Варламов о своем новом романе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://godliteratury.ru>

Варламов А. Душа моя Павел: роман взросления. – М., 2018.

Варламов Алексей: «Нужно читать сердцем, а не препарировать книги» [Электронный ресурс] – Режим доступа: portal-kultura.ru/books/201912-aleksey-varlamov-nuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre...

Успенский Л. Слово о словах; Ты и твое имя. – Л., 1962.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М., 2007.

Хемингуэй Э. Старик и море // Хемингуэй Э. Рассказы. Прощай, оружие. Старик и море. – М., 1972. – С. 599-660.

REFERENCES

Avdeeva G.A. Rol' allyuzij v opisaniі politicheskogo soznaniya geroev A. Varlamova: na materiale povesti «Zdravstvuj, knyaz'» i «Dusha moja Pavel» // Lingvopoliticheskaya personologiya: diskursivnyj povорот. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Ekaterinburg, 2019. – S. 6-10.

Arnol'd I. V. Problemy intertekstual'nosti // Vestnik SPbGU, seriya 2. Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie. – 1992. – Vyp. 4. – 53-61.

Basinskij P. Begi, Pavlik, begi! Pisatel' Aleksej Varlamov o svoem novom romane. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://odliteratury.ru>

Varlamov A. Dusha moja Pavel: roman vzrosleniya. – M., 2018.

Varlamov Aleksej: «Nuzhno chitat' serdsem, a ne preparirovat' knigi» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: portal-kultura.ru/books/201912-aleksey-varlamov-nuzhno-chitat-serdtsem-a-ne-pre...

Uspenskij L. Slovo o slovah; Ty i tvoe imya. – L., 1962.

Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti / N. A. Fateeva. – M., 2007.

Heminguej E. Starik i more // Heminguej E. Rasskazy. Proshchaj, oruzhie. Starik i more. – M., 1972. – S. 599–660.

©Авдеева Г.А., 2020

Данные об авторе

Авдеева Галина Анатольевна – канди-

Author's information

Avdeeva Galina Anatolevna – Candidate

дат филологических наук, доцент кафедры филологического образования и массовых коммуникаций. Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета.

Адрес: 622013, Россия, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57/1, к.220.

E-mail: g_avdeeva_64@mail.ru

of Philology, Docent of the Department of Philological Education and Mass Communications. Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute, a branch of the Russian State Professional and Pedagogical University (Nizhny Tagil, Russia).

БЕКАСОВА Е. Н.
г. Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

82*01
DOI 10.26170/ufv20-02-22

КРЕАТИВНОСТЬ НА ГРАНИ САКРАЛЬНОГО И ПРОФАННОГО В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. В связи со становлением и развитием нового научного направления – лингвистики креатива – возникает необходимость исследования различных текстов, в том числе средневековых, где приоритет сакральности в той или иной степени сдерживал творческую инициативу книжников. Сложившаяся иерархия жанров, заимствованная древнерусской письменностью из Византии, не только определяла степень «жесткости» конфессионального текста, но и его использование в оригинальных произведениях. Однако в жанре деловой письменности устойчивые текстовые формулировки и реквизиты в большинстве случаев не препятствовали реализации разнообразного и во многом лично ориентированного содержания, что способствовало проявлению лингвокреативной деятельности, в том числе в использовании текстов Священного писания и святоотеческой литературы. Об этом свидетельствует Переписка А. Курбского и Ивана IV, где в полемическом накале авторы представили и интерпретировали ряд общественно-политических проблем и личных ценностных ориентаций, потребовавших особого употребления сакрального для подтверждения собственной правоты.

Ключевые слова: сакральные тексты, памятники древнерусской письменности, жанр, Переписка А. Курбского и Ивана IV, лингвокреативный потенциал.

BEKASOVA ELENA
Orenburg, Russia

CREATIVITY ON THE BRINK OF SACRAL AND PROFANED IN THE OLD RUSSIAN TEXT

Abstract. In connection with the formation and development of a new scientific direction – linguistics of creativity – there is a need to study vari-

ous texts, including medieval texts, where the priority of sacrality to some extent constrained the creative initiative of scribes. The established hierarchy of genres, borrowed by ancient Russian writing from Byzantium, not only determined the degree of «toughness» of the confessional text, but also its use in the original works. However, in the genre of business writing, stable textual language and props in most cases did not prevent the realization of diverse and largely personality-oriented content, which contributed to the manifestation of linguo-creative activities, including in the use of texts of the Holy Scriptures and sacred literature. This is evidenced by the Correspondence of A. Kurbsky and Ivan IV, where in the polemic heat the authors presented and interpreted a number of social and political problems and personal value orientations, which required special use of sacral to confirm their own right.

Keywords: Sacred texts, monuments of ancient Russian writing, genre, Correspondence of A. Kurbsky and Ivan IV, linguo-creative potential.

Как новое научное направление, лингвистика креатива, сосредоточившись в основном на изучении современных языковых фактов, расширяет свои границы. В частности, отмечается продуктивность исследования форм и механизмов лингвокреативной деятельности разных эпох [Рут, Цыплякова 2014]. При этом рассмотрение отдельных явлений в древнерусском языке, например, в «Повести временных лет» [Рут, Иванова 2013], только подчёркивает необходимость исследования пространства языкового креатива средневекового текста. Однако в этом случае «изучение потенциала языка в соединении с творческой инициативой говорящего в разных видах речевой деятельности» [Гридина 2012: 272] во многом затрудняется в силу онтогенеза и своеобразного «филогенеза» средневековых текстов.

Безусловно, главным препятствием реализации креатива следует признать значимость сакральных текстов в непрерывности их авторитета и образцовой неизменности, которые в определенной степени не только сдерживали творческую инициативу книжника, но и влияли на становление собственных литературных текстов и в ряде случаев определяли их особенности. Но процесс формирования конфессиональных текстов, в том числе переводных, происходил в течение десятков и даже сотен лет в условиях не только диалектной раздробленности, но и языково-

го разнообразия. При этом проблема степени воспроизводимости текста списчиком или редактором – одна из самых сложных и нерешённых, и в определённой степени нерешаемых, однако именно от этого зависит и адекватность оценивания тех или иных элементов в структуре памятника. Качество передачи протографа или архетипа во многом зависело от степени сохранности переписываемой или редактируемой рукописи, от особенностей подготовки, навыков письма и уровня языковой личности писца-книжника, традиций скриптория и авторитетности произведения. На это накладывались особенности литературного процесса средневековья: непосредственная зависимость от теологического мировоззрения; объединение литератур в родственные группы, имеющие одновременно и национальные и интернациональные признаки; незначительная спецификация индивидуального творчества и всего литературного развития. При этом древнерусская книжность входила в ареал греко-славянского православия, а «традиционно-диахронные процессы в древнерусской литературе были более устойчивыми, чем в средневековых западноевропейских литературах» [Робинсон 1980: 44]. И в этих условиях проходила деятельность древнерусского писца, редактора, автора, что осложняет определение креативности их языковой личности.

В науке существуют различные взгляды на труд древнерусского книжника – от констатации простого копирования до провозглашения свободы творчества, в связи с чем следует поставить вопрос о шкале креативности древнерусского текста. Безусловно, имелись определённые критерии, не только сдерживающие самостоятельность книжника, но и способствующие сохранению в той или иной степени качества предыдущей рукописи. Особенно это касается текстов Священного писания. Однако Л.П. Жуковская на основании анализа 550 сохранившихся списков Евангелия делает вывод о том, что «глубоко ошибочно распространённое мнение, будто бы памятники письменности, предназначенные для церкви (в том числе и Евангелие, Апостол, Псалтырь), канонизированы и что при их переписке в древности и средневековье писцы соблюдали букву переписы-

ваемого оригинала» [Жуковская 1976: 351–352]. Это подтверждается нашими исследованиями особенностей реализации праславянских по происхождению рефлексов в важнейших памятниках церковнославянского языка XI–XVII вв., теоретически постулируемых как гомогенные [Бекасова 2010; Бекасова 2016].

Кроме того, хронологически и пространственно широкие контакты определяли особое приложение «креативности» к составлению гетерохронных и гетерогенных средневековых текстов, которые по-разному проявлялись в постепенно складывающейся строгой иерархии жанров. В частности, Н.И. Толстой выстроил панхроническую и суммарную схему жанров и состава текстов в виде пирамиды, где первые шесть рубрик представлены конфессиональными текстами: «первая рубрика <конфессионально-литургическая литература> занимает самое высокое, доминирующее положение как наиболее сакральная и авторитетная по отношению к другим рубрикам и текстам. Состав текстов этой рубрики в течение столетий оставался стабильным и неизменным, а язык эволюционизировал в наименьшей степени. ... Степень сакральности текстов постепенно уменьшается с первой до шестой рубрики, что можно объяснить и функцией текстов различных жанров в церковном ритуале и жизни» [Толстой 1988: 169–170].

Жёсткая иерархия текстов сохранялась и в древнерусских рукописях, в первую очередь в памятниках церковнославянской письменности, поскольку «трансплантируя византийскую литературу, Русь трансплантировала прежде всего ее фундаментальную основу, дабы строить на этой основе свою систему жанров, свои аксиомы, касающиеся искусства и творчества» [Панченко 2000: 331]. Такая система жанров определяла и особенности так называемых «национальных» текстов, которые в отличие от нового времени были минимально индивидуализированы и «национализированы», что было связано прежде всего с вненациональной религиозной общностью, единообразием в определённом религиозно-культурном ареале просвещения и международной функцией сакральных языков. По мнению Д.С. Лихачёва, жанровый признак в литературе Древней Руси играл «боль-

шую роль, чем авторское начало», потому что «жанр имел свои традиционные особенности художественного метода», которые «вытесняли индивидуальные авторские особенности» [Лихачёв 2015: 262]. В качестве доказательств того, что «один и тот же автор способен был прибегать к разным методам изображения и к разным стилям, переходя от одного жанра к другому» [там же], Д.С. Лихачёв приводит произведения Владимира Мономаха, которые были составлены в жанре церковного поучения, летописной традиции (о походах и охотах) и эпистолярной манере (письмо к Олегу).

Получение сакрального текста «сразу как авторитетного, как образца, который обладал достоинством нормы» [Колесов 1989: 279], определяло его «давление» на все вновь составляемые или создаваемые тексты, тем более что с приходом новой религии изменялись прежние понятия и жизнь, а это перестраивало и сам язык. В частности, И.И. Срезневский, указывая на определяющее значение «развития уже не самого языка в его материальной форме, а мысли, выражающейся в языке» [Срезневский 2007: 99], утверждал, что в Киевской Руси «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всём; таким образом, понятия и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка» [Срезневский 2007: 106]. С другой стороны, текст не существовал вне координат религиозного сознания средневекового человека. Специфику такого сознания объясняет А.М. Панченко на примере древнерусского феномена старообрядчества: «Древнерусский человек в отличие от человека просветительской культуры жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он “окормлялся” верой как насущным хлебом» [Панченко 2005: 65]. Именно поэтому в любом тексте древнерусской письменности, не исключая памятники делового языка [Бекасова 2013: 153–154], можно встретить отсылки, цитаты или реминисценции из текстов Священного писания и другой конфессиональной литературы, в результате чего складывалась своеобразная симбиозная система не только

со своими традициями и правилами, но и креативными отступлениями.

Об этом со всей определённой свидетельствует Переписка Андрея Курбского с Иваном IV, в которой широко представлена разнообразная конфессиональная литература. Каждый из оппонентов, отстаивая собственную систему ценностей, отливал их в словесную форму, подкрепляемую непрерываемостью сакральных текстов. Для Ивана Васильевича Священное писание, агиографическая и святоотеческая литература – важнейшее доказательство своего права царствовать. Андрей Курбский в своём Первом риторически насыщенном «писаньице», где он практически исчерпал все обвинения «супротивного» царя от имени «доброхотных» воевод, пытался наставлять московского царя как священник, что вызывает ярую отповедь Ивана IV. Следует подчеркнуть, что у Курбского уже был опыт переписки с игуменом Псково-Печерского монастыря Вассианом по вопросам церкви и государства, связанным с полемикой иосифлян и нестяжателей. Более того, Курбский в качестве своего учителя называет Максима Грека.

Однако Иван IV в ответе беглому боярину не только чётко определяет и разводит роли царя и священника, чернеца и мирянина, но и доказывает греховность намерений Курбского брать на себя церковные обязанности: *«церковное предстояние не тако и играм бытие ... Играм же – сходя немощи человечестей; понеже мног народ в след своего пагубнаго умышления отторгосте, и того ради, – яко же мати детей пуцает глумления, ради младенства, и егда же совершени будут, тогда сия отвергнут <...>, того ради и аз сие сотворих, сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас»* [Переписка 1979: 16]. Важно подчеркнуть, что запрет играть в письменном тексте в «предстоятеля» накладывает автор, чьё «разнообразие в языке и стиле» объясняется его «актерством» [Лихачев 1979: 196], которое подтверждается многочисленными свидетельствами об участии Ивана IV в «народных обрядовых игрищах», в том числе «полуязыческого происхождения» [Шмидт 1958: 260-261]. Такой запрет выступает ещё более выразительно на фоне,

как отмечает Д.С. Лихачёв, «характерной для средневековья безликости стиля литературных произведений», когда «индивидуальный стиль писателей был развит еще очень слабо, и в этом отношении стиль произведений самого Грозного – исключение», что позволяет ему выступать «в роли “временного” человека – и царя, ядовитого, жестоко ироничного, умевшего играть роль и разыгрывать человека простого и справедливого» [Лихачев 1979: 184, 195]. Однако игр с сакральными текстами Иван Грозный не допускал и приравнивал их к крайнему, трижды греховному состоянию человека – «бесовскому злохотению».

У Курбского свой взгляд на использование сакральности. После первой «широковещательной и многшумной» грамоты царя, ответствовавшего подробно на все выдвинутые обвинения в свойственной ему неподражаемой манере, беглый боярин во Второй и Третьей «эпистолиях» сосредоточился на разборе грамот московского князя с позиций уже вошедших в него системы «аттического» красноречия и западноевропейских образцов – «*Зри, царю, с прилежанием*» [Переписка 1979: 113]. Особо Курбский критикует манеру Ивана IV использовать в своих ответах сакральные тексты: *«а наипаче так ото многих священных словес хватано, исте со многою яростию и лютостию, не строками, а ни стихами, яко есть обычай искусным и ученым, аще о чем случитъся кому будет писати, в кратких словесех многой разум замыкающе, но зело паче меры преизлишно и звяжливо, целыми книгами, паремьями, целыми посланьми»* [Переписка 1979: 101].

Действительно, у Ивана Васильевича впервые встречаются обширные извлечения из библейских и святоотеческих текстов, которые не были свойственны предшествующей древнерусской литературе. Достаточно в этом плане рассмотреть одно из самых авторитетных и выразительных литературных произведений старшего периода – «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Несмотря на то, что «Слово» выстраивалось на сопоставительном анализе текстов Ветхого и Нового Завета, чтобы показать значимость крещения Руси, тексты Священного писания лишь расцвечивали авторский текст, искусно вплетаясь в

его структуру, например: *«Лепо бе благодати и истине на новы люди въсиати. Не въливають бо, по словеси Господню, вина новааго учения благодетьна въ мехы ветхы, обетшавъши въ иудеистве, «аще ли, то просядутся меси и вино пролеется». Не могъше бо закона стена удержати, но многожды идоломъ поклонявшеся, како истинныа благодѣти удержати учение. Нъ ново учение – новы мехы, новы языки! «И обоє съблюдется»; «Како верова? Како разгорся въ любовь Христову? Како въселися въ тя разумъ выше разума земленыхъ мудрець, еже Невидимаго възлюбити и о небесныхъ подвигнутися? Како възиска Христа, како предася ему? Повѣждь намъ, рабомъ твоимъ, повѣждь, учителю нашъ! Откуда ти припахну воня Святааго Духа? Откуда испи памяти будущая жизни сладкую чашу? Откуда въкуси и виде, «яко благъ Господь?»» [Библиотека 1997: 38, 46].*

Аналогично инкрустируется текст Поучения Владимира Мономаха, который после встречи с изменниками-братьями взял Псалтырь: *«в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах. Аще вы послѣдняя не любя, а передняя приимайте» [Библиотека 1997: 456].* И далее Поучение реально выстраивается «по ряду» – следует целая подборка почти афористических текстов типа *И не будетъ грѣшника... и живи в вѣкы вѣка»; «Возвеселится праведник... Бог судий земли»; Възвеселитесь вси... воину хвала его»,* которая заканчивается выводом о неисчерпаемости цитируемой книги – *«и прочая» [Библиотека 1997: 458].* Всё это обобщается народной мудростью *«Леность бо всему мати» [Библиотека 1997: 464].*

Иваном IV цитаты из Священного писания не вплетаются в авторский текст и не подбираются «по ряду», а тем более не оставляют практически ничего в виде «прочее». С.О. Шмидт объясняет «нагромождение плохо соединённых между собой цитат» нежеланием Грозного редактировать свои сочинения», «а ближайшие его сотрудники не рисковали вносить в эти сочинения даже стилистические поправки» [Шмидт 1958: 257]. Я.С. Лурье

практически соглашается с Курбским, считая, что в цитировании «довольно ясно ощущается усердная работа секретарей, которым, очевидно, было поручено срочно подыскать авторитетные высказывания по определенным вопросам и которые спешно подбирали более или менее подходящие куски из отцов церкви (черпая их, очевидно, из главной сокровищницы письменности XVI в. – Великих Четьих Миней)» [Лурье 1979: 226]. Вряд ли представляется правильным говорить о стилистической правке в XVI в., тем более посланий такого самовластного самодержца, как Иван IV, с другой стороны, тексты, видимо, подбирались, но не только «секретарями» такого уровня, что срочность их работы «породила ряд ляпсусов» [Лурье 1979: 226]: из этого процесса нельзя устранить самого великого князя Московского. Судя по всему, даже Курбский не только не сомневался в руке ненавистного ему государя, но и был уверен в том, что тот основательно знал конфессиональные тексты, ср.: *«Прочие же, последующие стихи умолчу, возлагающе их царьской совести твоей, ведуще тя священнаго писания искуснаго»* [Переписка 1979: 108]; *«И аще бы согласовало твое покаяние тым священным узроком, ихжеи, от священнаго писания приемлюще, приводишь, яко от Ветхаго, так и от Новаго!»* [Переписка 1979: 106].

Цитирование в текстах Ивана IV выстраивалось по типичному образцу – тезис (нередко в виде риторического вопроса или отталкивания от цитаты оппонента) и исчерпывающих доказательств, извлечённых из конфессиональных контекстов, чаще всего сцепленных друг с другом, например: «Како же не стыдишия злодеев мученики нарицати, не разсуждая, за что кто страждет? **Апостолу вопиющу:** “Аще кто незаконно мучен будет, сиречь не за веру, не венчается”; **божественному убо Златоусту и великому Афонасию во своем исповедании глаголющим:** “мучими бо суть татие, и разбойницы, и злодеи, и прелюбодее: такови убо не блажени, понеже грех ради своих мучими бысть, а не бога ради”. **Божественному апостолу Петру глаголющу:** “Лучши бо благое творя пострадади, неже злое творя”». За этим обычно следует утверждённый на цитатах вы-

вод: «Видиши ли, яко везде не похваляет злотворящих мучения? Вы же, злобесным своим обычаем подобящися ехиднину отрыганию яд изливающе, ничто же – повинения человек, и законопреступления, и време – разсуждающе, свою злолукавую измену бесовским умышлением лестию языка покрыти хотящи» [Переписка 1979: 18]. Аналогично выстраивается опровержение другого положения Первого послания Курбского: «Почто ж и учитель ми еси, душе моей и телу моему? Кто убо ты постави судию или владателя надо мною? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшного суда? **Апостолу Павлу глаголющу:** “Како убо веруют без проповедающаго, и како же убо а проповедают, аще не послани будут?”, Сие убо бысть в пришествие Христово: ты же от кого послав еси? Кто ты рукополагал яко учительский сан восхита его? **Апостолу убо Иякову сие отрицающе:** “Не мнози учителя бывайте, братие, ведяще, яко вящшии грех емлем, много согрешаем все; иже словом не согрешит, сей совершен мужиши силен обуздати и все тело <...>”». Цитата затягивается более чем на пол-листа (л. 305 об.– л. 306 об), и в какой-то степени можно согласиться, что «сама система цитирования формальна и даже примитивна» [Лурье 1979: 225], но концовка «зело паче меры преизлишнего» цитирования логически важна для доказательств незаконности взятых Курбским святительских прав: «Един есть законодавец и судия, могий спасти и погубити. Ты же кто еси, осуждая друга?» [Переписка 1979: 20-21]. Далее следует целая «анфилада» подобных контекстов, где Иван Васильевич через риторические вопросы и священные тексты подходит к выводам о различиях царской и святительской власти, о нарушениях этого равновесия в истории разрушений царств всех времён и народов, чтобы через 4 листа сделать окончательный то ли вывод, то ли приговор: «Тако же и вы, сему подобно, злобесным своим хотением, выше меры желающее славы и чести и богатства, и разорению христианскому желающее бытии». «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градех и на властех совладети, идеже быти, не подобает, И что от сего случииася в Руси <...>, и какова разорения быша

от сего, сам своима беззаконныма очима видал еси» [Переписка 1979: 24].

Следует согласиться с мнением Д.С. Лихачёва, что Грозный, «как знаток приказного делопроизводства, великолепно умел подражать формам различных документов» [Лихачёв 1979: 196], при этом он ссылается на исследование С. О. Шмидта, который объясняет «подражательность языка и стиля Грозного» тем, что «из деловой переписки и постановлений, принимаемых в ответ на челобитья, Грозный усвоил, видимо, и распространенную тогда манеру ответов на письма», что особенно ярко проявляется в Первом пространном послании Курбскому [Шмидт 1958: 258-259]. Добавим, что именно деловой стандарт требовал развёрнутых ответов на все пункты «обвинения», а самым весомым доказательством правоты ответчика-царя, безусловно, стали церковные тексты, причём у Ивана Васильевича такого объёма, что в них иногда вкраплением становился авторский текст. Думается, что это тоже была определённая стратегия Ивана IV [Бекасова 2015], поскольку «причтённые» к сакральности его собственные рассуждения и доказательства становятся как бы овеянными святостью и растворёнными в ней, тем более, что царь от всех требует, чтобы его писание «по слогиам разумели» [Послания 2005: 192], а Курбскому особо вменяет: *«Сия в себе разсмотри и сам себе разтвори сия вся»* [Переписка 1979: 105].

Надо отметить, что Курбского, помимо «многочумности» и «широковещательности», настолько возмущало несоответствие текстов и приводимых Грозным фактов, что он постоянно обращается к этой теме: *«А еже потом, во епистолии твоей, в последующих, являются не токмо не согласно, но изумительно и удивления достойно и зело на обе бедра храмлюще, и хождение неблагочинно являюще внутренняго человека, наипаче же в землях твоих супостатов, иде же мужие многие обретаются, не токмо внешней философии искусны, но и во священных писаниях сильны: ово презлишне уничижаешися, ово презобильне и паче меры возносишися!»*. Об этом «изумительном» контрасте Курбский пишет и тогда, когда указывает, что не только профессиональные тексты противоречат сути, как он определяет,

«супротивного» царя, но и сами цитаты вставляются в неподобающие контексты: *«Тутю же о постелях, о телогреях и иные бещисленные, воистинну, яко бы неистовых баб басни, и так варварско, яко не токмо ученым и искусным мужем, но и простым и детем со удивлением и смехом, наипаче же в чюждую землю, иде же некоторые человецы обретаются, не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских ученые»* [Переписка 1979: 101].

Действительно, помимо извлечённых из всемирной истории примеров, Иван IV активно использует свой собственный опыт в создании ярких и эмоциональных картин противостояния «доброхотных» воевод и «супротивного» царя. Именно они воспринимаются «аттическим» вкусом Курбского как «*неистовых баб басни*», где место постелям и «иному бещисленному», недопустимому в соседстве с конфессиональными текстами, например: *«Едино воспомянути: нам бо в юности детская играюще, а князь Иван Васильевич Шуйской сидит на лавке, локтем оперишия о отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не прикланяя не токмо яко родительски, но ниже властельски... при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли б то было их старина, и чем было сосуды ковати, ино лутчи шуба переменити, а в ыходке сосуды ковати. Что же о казнах дядь наших глаголати?»* [Переписка 1979: 28]. Безусловно, именно за счёт запомнившихся малолетнему Ивану Васильевичу деталей – локтя временщика на постели покойного отца, его мухояровая зелёная шуба на ветхих куницах – создаётся необыкновенно яркая картина сути злобесного хотения изменников, которая контрастирует с высоким слогом конфессиональных текстов, лишённых сиюминутной бытовой детализации ради вечной истины.

И в этом случае особенности стиля Грозного, действительно, «идут ... от его характера и являются частью его поведения», но «эмоциональность и возбудимость, резкие переходы от пышной церковнославянской речи к грубому просторечию» [Лихачев 1979: 201] обусловлены логикой развёртывания доказательств прав самовластия в ответственном «ответчивании» не столько

изменнику Курбскому и ему подобным, сколько всему Московскому государству и другим государям.

Осмелимся также предположить, что такое соединение профанного и сакрального в Посланиях Ивана IV не столько «органическая часть его поведения», сколько возможность проявления креативности в рамках жанра. При этом следует подчеркнуть, что именно жанры деловой письменности, которые ряд исследователей настойчиво пытаются вывести за рамки литературного языка (подробнее см.: [Бекасова 2015]), предоставляют все возможности «осуществления неординарных, нестандартных решений» [Гридина 2013], а это в свою очередь стимулирует проявление индивидуального стиля. Безусловно, происходит и определённая трансформация жанра в Переписке Курбского и Ивана IV под напором откровенного обмена мыслями, касающихся общественно-политических, сословно-иерархических, религиозных и личностных «болевых» точек. Оба оппонента определяют свои послания как грамоты, которые помимо начальных и конечных формул и некоторых устойчивых структурных элементов позволяли самостоятельно регулировать их содержание и достаточно свободно выстраивать диалог. Первая грамота Курбского была самооправдательной и презентационной, поэтому реальность в ней ретушировалась или скрывалась риторическими эффектами. Сам Курбский, понимая всю условность его «грамоты», во втором и третьем своём «писаньице» пытается использовать название «ответщение» и «епистолия». Несоответствие жанра и содержания отмечается также и Иваном IV в определении грамоты Курбского как «бессоставной», а потом и «бесовской» [Переписка 1979: 31, 34]. Но царь отвечает, как и было положено, не забывая – по своему обычаю – дать всему соответствующую оценку, подкреплённую сакральными текстами: *«Писание же твое принято бысть и уразумлено внятно. Понеже бо еси положил яд аспиден под устнами своими, наполнено убо меда и сота по твоему разуму, горчайшии же пельны обретающиеся, пророку глаголющему: “Умякнуша слова их паче еля, и та суть стрелы”»* [Переписка 1979: 15]

Иван Васильевич чётко придерживается логики судебных «отвечиваний», разбирая каждое положение посланий Курбского и делая свои собственные, тщательно продуманные выводы, свидетельствующие «о глубоко продуманном, внутренне обустроенном мирозерцании человека, который не один час и день посвятил осмыслению собственного пребывания на бренной Земле, проникновению в смысл собственной жизни» [Переверзнецов 2010: 231]. Следует подчеркнуть, что этот «ни с чем считающийся человек», смог заявить о себе как авторская личность с достаточной определённой [Лихачев 2015: 263] в жанре, близком к деловой письменности. Отметим, что именно с деловых жанров – грамот, челобитных, судебных дел и пр. – начинается расцвет креативности древнерусского текста, поскольку они характеризовались тем разнообразным, нередко личностно-индивидуальным содержанием, которое позволяло пародировать «основу основ средневекового искусства – контраст» [Панченко 2000: 209].

Таким образом, в Переписке Андрея Курбского и Ивана IV, отразившей актуальные проблемы русского общества через призму диаметрально противоположных интенций и ценностных ориентиров оппонентов, не только расширились рамки заявленного жанра грамоты и «отвещения», но и реализовался накопленный потенциал креативной деятельности, в том числе и в соединении сакрального и профанного. И если для Курбского сакральность становится удобной формой нравоучения «супротивного» царя от имени «доброхотного» боярина, позволяющая в риторической образности уйти от ненужной для него реальности и усилить собственную значимость, то Иван IV конфессиональные тексты использует как авторитетную доказательную базу для утверждения выстраиваемого им самодержавия, что обуславливает креативность соединения сакрального и профанного.

Литература

Бекасова Е.Н. А К вопросу о статусе деловой письменности в Древней Руси // Юридическая лексика русского языка XI – XVII веков: материалы к словарю-справочнику. Вып. 2. – Саранск, 2015. – С.6-13.

Бекасова Е.Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в Кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник. Вып. 4 // Материалы Всероссийского семинара с Международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей». 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2015. С. 5-18.

Бекасова Е.Н. Генетический фон древнерусского текста: монография. – Оренбург, 2010.

Бекасова Е.Н. Механизмы гетерогенной организации системы русского языка (на материале рефлексов праславянских сочетаний): монография. – Вгпо, 2016.

Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: Структуры, Смыслы, генезис: Монография. – М., 2013.

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб., 1997. – Т. 1: XI–XII века.

Гридина Т.А. “Делать из мухи слона”: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2 / Под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. С. 272-288.

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. С. 5-58.

Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. – М., 1976.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.

Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А. С. Запесоцкий. – СПб., 2015.

Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текстов Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – Л., 1979. – С. 183-213.

Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текстов Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. – Л., 1979. – С. 214-249.

Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб., 2000.

Панченко А.М. Я эмигрировал в Древнюю Русь. – СПб., 2008.

Перевезенцев С.В. Грозный царь: известный и неведомый... Очерк-размышление // Наш современник, 2010, – № 4. – С. 217-243.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текстов Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков, отв. ред. Д.С. Лихачёв. – Л., 1979.

Послания Ивана Грозного / Подг. текста Д.С. Лихачёва и Я.С. Лурье, под ред. В.П. Андриановой-Перетц. – СПб., 2005.

Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII вв.). – М., 1980.

Рут М.Э., Иванова Е.Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. – Екатеринбург, 2013. – С. 78-86.

Рут М.Э., Цыплякова К.О. Сравнительная характеристика особенностей языковой игры в журнальной публицистике XIX и XX веков // Лингвистика креатива-3: коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2014. – С. 178-207.

Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. Изд-е 3-е стереотипное. – М., 2007. (История языков народов Европы).

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М., 1988.

Шмидт С.О. Заметки о языке Ивана Грозного // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.; Л.: 1958. – Т. 15: К Четвертому международному конгрессу славистов. – С. 257-265.

REFERENCES

Bekasova E.N. A K voprosu o statuse delovoj pis'mennosti v Drevnej Rusi // Yuridicheskaya leksika russkogo yazyka XI – XVII vekov: materialy k slovarju-spravochniku. Vyp. 2 /Otv. red. – Saransk, 2015. – S. 6–13.

Bekasova E.N. O kommunikativnyh strategiyah Ivana Groznogo v poslanii v kirillo-Belozerskij monastyr' // Ural'skij filologicheskij vestnik. Vyp. 4 // Materialy Vserossijskogo seminaru s Mezhdunarodnym uchastiem «Psiholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnyh sposobnostej» 27 noyabrya 2015 g. / Gl. red. prof. T.A. Gridina. – Ekaterinburg, 2015. – S. 5-18.

Bekasova E.N. Geneticheskij fon drevnerusskogo teksta: monografiya. – Orenburg, 2010.

Bekasova E.N. *Mekhanizmy geterogennoj organizacii sistemy russkogo yazyka (na materiale refleksov praslavyanskih sochetanij): monografiya.* – Brno, 2016.

Bekasova E.N., Moskal'chuk G.G., Prokof'eva V.Yu. *Vektory interpretacii teksta: Struktury, Smysly, genezis: Monografiya.* – M., 2013.

Biblioteka literatury Drevnej Rusi / RAN. IRLI; Pod red. D.S. Lihacheva, L.A. Dmitrieva, A.A. Alekseeva, N.V. Ponyrko. – SPb., 1997. – Т. 1: XI–XII veka.

Gridina T.A. “Delat' iz muhi slona”: associativnaya proek-ciya igrovogo slova v hudozhestvennom tekste // *Lingvistika kreativa: Kollektivnaya monogr. / Otv. red. T.A. Gridinoj.* – Ekaterinburg, 2012. – S. 272-288.

Gridina T.A. K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorche-skie evristiki detskoj rechi // *Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj.* 2-e izd. – Ekaterinburg, 2013. – S. 5-58.

Zhukovskaya L.P. *Tekstologiya i yazyk drevnejshih slavyanskih pamyatnikov.* – M., 1976.

Kolesov V.V. *Drevnerusskij literaturnyj yazyk.* – L., 1989.

Lihachev D.S. *Izbrannye trudy po russkoj i mirovoj kul'ture.* – 2-e izd., pererab. i dop. / sost. i nauch. red. A. S. Zapesockij. – SPb., 2015.

Lihachev D.S. Stil' proizvedenij Groznogo i stil' proizvedenij Kurbskogo // *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / Podg. tekstov Ya.S. Lur'e i Yu.D. Rykov.* – L., 1979. – S. 183-213.

Lur'e Ya.S. *Perepiska Ivana Groznogo s Kurbskim v obshchestvennoj mysli Drevnej Rusi // Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / Podg. tekstov Ya.S. Lur'e i Yu.D. Rykov.* – L., 1979. – S. 214-249.

Panchenko A. M. *O russkoj istorii i kul'ture.* – SPb., 2000.

Panchenko A. M. *Ya emigriroval v Drevnyuyu Rus'.* – SPb., 2008.

Perevezencev S.V. Groznoj car': izvestnyj i nevedomyj... Ocherk-razmyshlenie // *Nash sovremennik*, 2010, – № 4. – S. 217-243.

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / Podg. tekstov Ya.S. Lur'e i Yu.D. Rykov, otv. red. D.S. Lihachyov. – L., 1979.

Poslaniya Ivana Groznogo / Podg. Teksta D.S. Lihachyova i Ya.S. Lur'e, pod red. V.P. Andrianovoj-Peretc. – SPb., 2005.

Robinson A.N. *Literatura Drevnej Rusi v literaturnom processe Srednevekov'ya (XI–XIII vv.).* – M., 1980.

Rut M.E., Ivanova E.N. *Yazykovaya igra v diskurse yazykovoj lichnosti XVIII-XIX vv. // K istokam verbal'noj kreativnosti: tvorcheskie evristiki detskoj rechi // Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaya monogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj.* 2-e izd. – Ekaterinburg, 2013. – S. 78-86.

Rut M.E., Cyplyakova K.O. Sravnitel'naya harakteristika osobennostej yazykovoј igry v zhurnal'noj publicistike XIX i XX vekov // Lingvistika kreativa-3: Kollektivnaya mo-nogr. / pod obshchej red. prof. T.A. Gridinoj. – Ekaterinburg, 2014. – S. 178-207.

Sreznevskij I. I. Mysli ob istorii russkogo yazyka. Izd-e 3-e stereotipnoe. – M., 2007. (Istoriya yazykov narodov Evropy).

Tolstoj N.I. Istoriya i struktura slavyanskikh literaturnyh yazykov. – M., 1988.

Shmidt S.O. Zametki o yazyke Ivana Groznogo // Trudy Otdela drevnerusskoј literatury / Akademiya nauk SSSR. Institut russkoј literatury (Pushkinskij Dom); Otv. red. D.S. Lihachev. — M.; L.: 1958. – T. 15: K Chetvertomu mezhdunarodnomu kon-gressu slavistov. – S. 257-265.

©Бекасова Е.Н., 2020

Данные об авторе

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Оренбургский государственный педагогический институт им. В.П. Чкалова (Оренбург, Россия)

Адрес: 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: bekasova@mail.ru

Author's information

Bekasova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department. Orenburg State Pedagogical Institute. V.P. Chkalova (Orenburg, Russia)

КОНОВАЛОВА Н.И.

г.Екатеринбург, Россия

sakralist@mail.ru

81*01

DOI 10.26170/ufv20-02-23

КРЕАТИВНЫЙ СИНКРЕТИЗМ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ УГРОЗЫ И ЗАДАБРИВАНИЯ В САКРАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье анализируются тексты архаической народной культуры (заговоры, заклинания, заклички), которые рассматриваются в совокупности культурных кодов сакральной коммуникации, не ограниченной вербальной составляющей. Выявляется специфика речевых жанров угрозы и задабривания, которые в рамках анализируемых текстов, воплощающих условный комплекс реального и воображаемого, демонстрируют существующие в народном сознании стратегии взаимодействия с нереальным миром. Анализ позволяет говорить о «креативном синкретизме» приемов создания суггестивного эффекта описываемых культурных текстов. Они имеют одинаковую структуру и общие пресуппозиции при разных интенциях участников сакральной коммуникации и наборах языковых средств. Определена структура суггестивного ментального сценария текстов, которая соотносится с особенностями мифологического мышления.

Ключевые слова: сакральный текст, речевой жанр, ментальный сценарий, креативные техники.

KONOVALOVA NADEZHDA

Ekaterinburg, Russia

CREATIVE SYNCRETISM OF SPEECH GENRES THREATS AND APPEASEMENT IN SACRED TEXTS OF TRADITIONAL FOLK CULTURE

Abstract. The article analyzes the texts of archaic folk culture (spells, incantations, incantations, divination), which are considered as a set of cultural codes of sacred communication, not limited to verbal components. Explores the nature of speech genres of threat and appeasement which, in the analyzed texts that embody a conditional set of real and imaginary, show existing in the popular mind the strategy of interaction with the unreal

world. The analysis allows us to speak of a "creative syncretism" of techniques for creating a suggestive effect of the described cultural texts, which have the same structure, common presuppositions and a set of language tools for different intentions. The structure of the suggestive mental scenario of texts, which correlates with the features of mythological thinking, is determined.

Keywords: sacred text, speech genre, mental scenario, creative techniques.

Актуальность исследования сакральных текстов¹ традиционной народной культуры не вызывает сомнения: в современной гуманитаристике возрастает интерес как к традиционной народной культуре в целом, так и к отдельным магико-ритуальным практикам, используемым в сакральной коммуникации (см., например, этнолингвистические исследования: С.Б. Адоньева, А.К. Бабурин, Е.Л. Березович, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, Е.Е. Левкиевская, С.М. Толстая и др.).

Особое внимание уделяется процессам реконструкции на основе «реликтов прошлого ... целостной традиционной картины мира» [СД, т.1: 5], десаκραлизации и новой мифологизации, соотношению сакрального и профанного как в современном социокультурном контексте, так и в истории русской лингвокультуры².

В данной статье мы обратимся к одному из значимых аспектов исследования феномена сакрального – анализу существующих в народном сознании стратегий взаимодействия с нереальным миром. Продемонстрируем их на примере речевых жанров угрозы и задабривания, наиболее «востребованных» в разных

¹ Сакральный текст традиционной народной культуры рассматривается нами в широком плане как «произносимый по особым правилам или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания» [Коновалова 2007: 12].

² См., например, наблюдения относительно креативности соединения сакрального и профанного в древнерусском тексте: [Бекасова 2015, 2020], междисциплинарности феномена сакрального [Шкуран 2019].

сакральных текстах традиционной народной культуры: заговорах, заклинаниях, календарной обрядности, магико-ритуальных практиках народной медицины.

На первый взгляд, угроза и задабривание – психологические оппозиты (термин А.А. Залевской) по признакам «добро – зло», ср.: «Угроза – запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло, неприятность» [ТСРЯ 2007: 1036] и «Задабривание – действие по глаголу задабривать (задобрить) – расположить (кого, что) в свою пользу (подарками, услугами, лаской, предупредительным обращением)» [ТСРЯ 2007: 247]. Такая семантическая оппозиция отмечается как типичная, в частности, для заговорной традиции: «В мотивах и речевой стилистике славянских заговоров можно обнаружить две прямо противоположные тенденции, отражающие тип поведения человека по отношению к вредоносным силам: умиловительное задабривание или агрессивная враждебность» [Виноградова 2005: 425]. Однако сема 'обещание' в дефиниции *угрозы*, во-первых, предполагает возможность необязательности совершения вредоносного действия, например, при выполнении адресатом какого-либо условия; во-вторых, имплицитно эта семантика представлена и в структуре значения лексемы *задабривание* (получить чье-либо расположение можно с помощью обещаний). Импликатуры «*добиваться намеченной цели посулами, обещаниями, обозначая условия, необходимые для достижения результата*» выводимы из обоих членов оппозиции, что и становится основой креативного синкретизма исследуемых речевых жанров.

Методологически значимым для исследования психологической реальности элементов сакральной коммуникации (характера их представленности в сознании носителей языка) является понятие ассоциативного потенциала слова, который «может быть представлен в виде всей совокупности формально-смысловых ассоциаций, присущих слову как единице языка и индивидуального сознания говорящих и определяющих возможность его разнообразной интерпретации в конкретном акте порождения, употребления, восприятия» [Гридина 2006: 12]. Такой подход является весьма продуктивным применительно к

интерпретации сакрального текста, не ограниченного рамками вербальной составляющей: актуальность для участников сакральной коммуникации имеют не только ядерные компоненты значения произносимого вербального текста, но и закрепленные в них этнокультурные коннотации, фоновые знания, социально значимые пресуппозиции. Кроме того, существенными для понимания семантики сакрального текста являются невербальные коды трансляции представлений о неких архетипических ситуациях, воспроизводимых в обрядах, сопровождающих произнесение текста, поэтому в ассоциативное поле слова включаются ассоциаты символического (мифосимволического) характера, связанные не только с ключевыми словами текста, но и с ритуальными действиями, атрибутами, элементами хронотопа.

Понятие «речевой жанр» определяется по-разному в зависимости от парадигмы исследования. В данной работе, выполненной в этнопсихолингвистическом ключе [Бубнова ... 2017], принимается определение речевого жанра как «.. реализации ментального сценария определенного типа. Специфика организации и функционирования различных речевых жанров служит основой для реконструкции когнитивных структур» [Трипольская 2017: 309]. Речевые жанры угрозы и задабривания относятся к воздействующим (суггестивным) и в традиционной народной культуре выполняют регулирующую и защитную функции³.

Структуры суггестивных ментальных сценариев обоих речевых жанров сходны и включают следующие компоненты: а) интенция субъекта (исполнителя и участников); б) объект (-ы) воздействия: реальный (непосредственный адресат, участвующий в ритуале) и ирреальный (условные «помощники» или «вредители», которые обозначены в тексте и к которым апеллирует исполнитель); в) представления о традиционных приемах воздействия, выражающиеся в отборе соответствующих «регламенту»

³ См.: угроза «употребляется в бытовых и обрядовых ситуациях с целью <...> предупредить нежелательные действия и их последствия, добиться соблюдения нормативных предписаний и запретов, противодействовать нечистой силе, болезням, стихиям и т.п.» [СД, Т.5: 353].

речевых формул; г) знание правил и / или условий исполнения сакрального текста.

Уже в самой структуре сценария мы видим синкретизм реального и ирреального, что вполне соотносится с особенностями мифологического мышления, согласно которому творимый участниками сакральной коммуникации миф «... всегда и обязательно есть реальность, конкретность, жизненность и для мысли – полная и абсолютная необходимость, нефантастичность, нефиктивность. <...> Он не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще» [Лосев 1991: 25].

Формально-содержательное наполнение структурных элементов ментального сценария демонстрирует креативный синкретизм, казалось бы, противоположных речевых жанров угрозы и задабривания в рамках «общения» (имитации общения) с потусторонними силами.

Оба речевых жанра имеют одну прагматическую задачу: достичь положительного исхода планируемого действия – получить хороший урожай, вылечить «скотинушку», помочь роженице, излечить «от дурного глаза», снять порчу и т.д. «Инструмент» достижения цели также общий: в реальной жизни (здесь и сейчас) используются сакральные ресурсы ирреальной действительности, например, взаимодействие со сверхъестественными силами. Однако интенции исполнителей разные: в одном случае – угрозы – отправитель текста стремится бранью и устрашениями испугать объект воздействия, заставив выполнить некие действия, в другом, в случае задабривания, с помощью лести, даров, реальных или обещаемых, посулов отправитель стремится либо нейтрализовать злые силы, либо привлечь на свою сторону адресата сакральной коммуникации.

Основа такого сценария базируется на пресуппозиции веры в существование высших сил (вредителей или помощников), которые способны оказывать влияние на ход событий, поэтому сакральная коммуникация с их участием должна быть строго регламентированной. См., например, представления о полевике:

«Полевик – житный дед – живет в поле весной да летом во время всхода, роста и созревания хлебов. С началом жатвы приходится старому бегать от серпа да прятаться в недожатых колосистых волнах. В последнем дожатом снопе – последний и приют его. Поэтому-то на это сноп и смотрят люди с особым почетом: или наряжают его да с песнями несут в деревню, или – благословясь – переносят в житницу, где хранят до нового сева, чтобы, засеяв вытрясенные из него зерна, умилоствитив покровителя полей, дав ему возродиться в новых всходах. Не умилоствитивши – немало он может напроказить в поле. Задобренный же, он станет всячески оберегать ниву» [Коринфский 1901: 33]. Практически вся основная часть корпуса текстов-обращений к полевiku представляет собой стратегию задабривания.

Другой пример демонстрирует стратегию угрозы: *«Смерть, ты Кровавая Смерть! Выходи из нашего села, из закутья, из двора! В нашем селе ходит Власий святой с ладаном, со свечой, со горячей золой, мы тебя огнем сожжем, кочергой загребем, помелом заметем и попелом забьем! Не ходи в наше село, чур наших коровушек, чур наших буренушек, рыжих, лысых, беловымых, криворогих, однорогих!»* [Коринфский 1901: 149].

Такого рода регламент взаимодействия с потусторонней силой обусловлен «... коммуникативными особенностями сакральных текстов, <...> отправитель этих текстов, т.е. лицо, произносящее заговор, не является и не считает себя автором текста и даже его настоящим исполнителем (так же, как “знахарь” не считает себя автором сопровождающего текст магического действия). Знахарь, шептун хорошо осознает свою роль заместительную, посредническую роль между неким высшим божеством или потусторонней силой и свои пациентом, с одной стороны, и тем злом, которой он изгоняет, с другой» [Голстая 2015: 346]

Стереотипными являются этнокультурные представления об объекте (-ах) воздействия. Это могут быть:

во-первых, олицетворенные силы зла – болезни: *недуги, золотухи, исполох, переполох, болезнь всякая, мука мученическая,*

причина глазливая, рожжа ветряная, водяная, глазная, головная, застудная, ломовая, красная, огненная, пухлая ..., руда жильная, грыжа белая, желтая, зеленая, грудная, паховая, моховая, подветренная, подъязычная, подъяичная, ушная, становая ..., тоска, сухота, чирей, чирей Василей, собачья пропасть, родимка-злодейка, ревунюшки-плакунюшки;

во-вторых, демонологические персонажи: *шутуха-бутуха полуночица, денная полуденница, щекотка, крикса-моракса, бес ночной, бес проклятый, дьявольский нечистый дух, врагисупостаты, сатанинские дети, черт с чертовкой и др.;*

в-третьих, растения, животные, птицы, явления природы: *скрипун-трава, дурман-трава, пупыш-трава, ведьмино зелье, чертов корень // медведь клыкастый широколапый, волк, гад-змея, гадюки гладуши, черный ворон, сова Заозерская //огонь жгучий палючий, пень березовый, серый мрак, тьма крошечная, столб соляной.*

Представления о традиционных приемах воздействия выражаются в отборе соответствующих «регламенту» речевых формул. Так, одной из базовых стратегией взаимодействия с *ночицами* является задабривание с помощью ласковых обращений: *госпожа полуночица, ноченька-полуноченька, полуночица-владечица* и т.п., при взаимодействии с домовым чаще всего используются приемы табуирования и эвфемизации: *ненаш, сам, хозяин, дедушко, суседко, постен, жировик, доможир, батанушко, другая половина, лизун, нежить* (в русских говорах отмечается более трехсот номинаций такого рода).

Семантика угрозы чаще всего в сакральных текстах выражается императивами с указанием места и/или времени выполнения магико-ритуальных действий. Но более «мягкий», неконфликтный вариант представлен инфинитивами с отрицанием, когда «временная обобщенность приобретает в контексте значение «вневременности» [Шаповалова 2013: 20]:

Красна красушина, золота золотушина, скатися с бела тела раба Божья (имя). Тут тебе не бывать, тут тебе не жить, а бывать тебе по болотам, по гнилым колодам, по сухим сукам, по мышинным норам [д. Захаровка, Камышл.]; Не ходит золот-

никам по хороmine, не искать раба Божия (имярек), грызти им грызь чёрну, грызти пёстру, грызти рябу [с.Смолино, Талиц.].

В последнем случае отрицание возможности производить зловердные действия «компенсируется» предложением осуществить другие действия, направленные на уничтожение самой злой силы: *грызь* = грыжа, а выбор колоративов *чёрная*, *пестрая* и *рябая* отражает стереотипные представления о символике цвета в русской лингвокультуре (все эти три цвета обладают отрицательными коннотациями, особенно *пестрая* и *рябая* с символикой неопределенности и, следовательно, опасности для человека).

Задабривание, как правило, сопровождается обещаниями со стороны исполнителя сакрального текста тоже что-то со своей стороны сделать для того, к кому (чему) обращена просьба. Например,

«в поморье перед возвращением рыбаков домой бабы целым селением отправляются к морю молить ветер, чтоб не серчал и давал бы льготу дорогим летникам. Для этого они предварительно молятся крестам, моют котлы, бьют поленом флюзер, чтобы тянул поветерье, вспоминают и считают ровно двадцать семь (3 x 9) плешивых знакомых и затем выкрикивают: «Восток да обедник, пора потянуть! Запад да шалоник, пора покидать! Тридевяль плешей, все сосчитанные, пересчитанные, востокова плешь наперед пошла. Востоку да обеднику каши наварю и блинов напеку, а западу шалонику спину оголю, у востока да обедника жена хороша, а у запада шалоника жена померла» [Забьлин 1880: 392].

Здесь вербальной просьбе предшествует строго регламентированный алгоритм мифоритуальных действий, в том числе с использованием магии числовой семантики (целый ряд сакральных чисел – *три*, *девять*, *двадцать семь*) и символической партиципации (*плешь* – как отсутствие сверхъестественной силы, следовательно, ничто не может помешать возвращению); задабривание одного и посулы в его адрес (восточного ветра) сочетаются с угрозой его противоположности (западному ветру).

Креативный синкретизм жанров угрозы и задабривания проявляется разным образом: текст может начинаться с задабривания, а заканчиваться угрозами или наоборот. Одну из наиболее интересных техник креативного синкретизма задабривания и угрозы представляют тексты, которые можно назвать «квазиугрозами» и «квазизадабриваниями»⁴. Например, в обряде опахивания во время повальных эпидемий:

«Смерть, смерть, выйди вон из нашего села, изо всякого двора; нас идет девять девок, девять баб, девять маленьких ребят; три солдатки, три вдовы, три замужние жены» [Торэн 1996: 222].

Этот текст представляет собой квазиугрозу, если оценивать «силу» женщин и детей, правда, подкрепляемая сакральной символикой нумеративов *три* и *девять*.

Ср. принятый в практике народной медицины способ лечения «глазного ячменя»: *«Ячмень, ячмень, на тебе кукиш, что хочешь, то и купишь: купи топорок, руби себя поперек»* [Торэн 1996: 398] – квазизадабривание: обещание «подарить ничто» завершается «ласковой» угрозой.

И, наконец, задабривание через посулы и обещания даров, но в неопределенном пространстве и времени⁵:

Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, помолюся и поклонюся двум зорям, двум сестрам. Утренняя зоря Дарья, вечерняя зоря Марья, говорю я вам, уговариваю: а возьмите-ко вы у меня всю кашлету и удушье, а снесите-ко ее за океан-море. За океан-морем вас ждуд-пождуд, все примуд. Там для вас напечено и наварено [Асб.].

Естественно, что речевой жанр угрозы ориентирован на более «жесткую» коммуникацию, предполагающую «давление на

⁴ Ср. в этой связи наблюдения относительно «псевдоположительной оценки как средства выражения шутливой иронии в жанре прикола» [Гридина 2014: 37].

⁵ См. исследования хронотопа нереального, «построения собственной реальности <где> могут реализовываться самые радужные надежды и самые страшные опасения человека» [Герасименко 2013: 16].

адресата», хотя и с той же целью (исполнение желания), что в случае задабривания.

Анализ речевых жанров угрозы и задабривания в сакральных текстах традиционной народной культуры позволяет выявить психологическую реальность существующих в народном сознании представлений о взаимодействии с нереальным миром. Широкий «репертуар» стратегий такого взаимодействия демонстрирует креативный синкретизм речевых жанров сакральной коммуникации.

Структура суггестивного ментального сценария сакральных текстов соотносится с особенностями мифологического мышления, естественным образом соединяющего в один условный комплекс реальное и воображаемое

Литература

Бекасова Е.Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник – Екатеринбург, 2020. – №. 2. Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 29: Материалы Международной научной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления». Екатеринбург, Россия, 23-25 апреля 2020. – С. 239-256.

Бекасова Е.Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в Кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник. Вып. 4 // Материалы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2015. – С. 5-18.

Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. – М., 2017.

Виноградова Л.Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. – М., 2005. С.425-440.

Герасименко Н. А Хронотоп нереального в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 15-18.

Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиаскурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. №2(48). – С.34-38.

Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. №4. – С.11-24.

Гридина Т. А. Намеренно ложная мотивация в разговорной речи (функционально-стилистический аспект) // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Сборник научных трудов. – Екатеринбург, 1989. – С.48-54.

Забьлин М. Русский нар. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880.

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Диссертация на соискание уч. степени д-ра филол. наук. Московский государственный областной университет. Екатеринбург, 2007.

Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний повѣрий, обычаев и пословиц русскаго народа. – Издание книгопродавца М.В.Клюкина. – М., Моховая, дом Бенкендорфъ, 1901.

Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под ред. Н.И.Толстого. – Т.1: А-Г; Т.5: С-Я. – М., 1995-2012.

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. – М., 2015.

Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. – СПб., 1996.

Трипольская Т. А. Донос как сквозной речевой жанр в коммуникативном поле романа В.Гроссмана «Жизнь и Судьба» // Языковая личность: аспекты изучения. Сб. научных статей памяти члена-корреспондента РАН Ю. Н. Караулова / Под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М.: МАКС Пресс, 2017. – С. 308-321.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов /Отв.ред.Н.Ю.Шведова. – М., 2007.

Шаповалова Т.Е. От временной обобщённости к вневременности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. №4. –С. 18-21.

Шаповалова Т. Е. Семантика временной неопределенности в строе простого предложения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 1. С. 76-79.

Шкуран О.В. Сакральность языка: междисциплинарный аспект // Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры. Сборник научных трудов по итогам 4-й Международной

научной конференции по когнитивной фразеологии. – Белгород, 2019. – С. 179-184.

REFERENCES

Bekasova E.N. Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo v drevnerusskom tekste // Ural'skij filologicheskij vestnik – Ekaterinburg, 2020. – №. 2. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa». Vyp. 29: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Lingvistika kreativa: tendencii i perspektivy razvitiya novogo nauchnogo napravleniya». Ekaterinburg, Rossiya, 23-25 aprelya 2020. – S. 239-256.

Bekasova E.N. O kommunikativnyh strategiayah Ivana Groznogo v poslanii v Kirillo-Belozerskij monastyr' // Ural'skij filologicheskij vestnik. Vyp. 4 // Materialy Vserossijskogo seminar s Mezhdunarodnym uchastiem «Psiholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnyh sposobnostej» 27 noyabrya 2015 g. / Gl. red. prof. T.A. Gridina. – Ekaterinburg, 2015. – S. 5-18.

Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnyh V.V., Ufimceva N.V. (Neo)psiholingvistika i (psiho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem. – M., 2017.

Vinogradova L.N. Formuly ugroz i proklyatij v slavyanskikh zagovorah // Zagovornyj tekst. Genezis i struktura. – M., 2005. S.425-440.

Gerasimenko N. A Hronotop nereal'nogo v hudozhestvennom tekste // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. № 6. S. 15-18.

Gridina T. A. Prikoly «Russkogo radio»: novye zhanry mediadiskursa v svete tradicionnoj smekhovoju kul'tury // Politicheskaya lingvistika. 2014. №2(48). – S.34-38.

Gridina T. A. Psihologicheskaya real'nost' znacheniya i associativnaya strategiya yazykovoju igry // Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti. 2006. №4. – S.11-24.

Gridina T. A. Namerenno lozhnaya motivaciya v razgovornoju rechi (funkcional'no-stilisticheskij aspekt) // Slovo v sistemnyh otnosheniyah na raznyh urovnjah yazyka. Sbornik nauchnyh trudov. – Ekaterinburg, 1989. – S.48-54.

Zabylin M. Russkij naro. Ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya. – M., 1880.

Konovalova N.I. Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen. Dissertaciya na soiskanie uch. stepeni d-ra filol. nauk. Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet. Ekaterinburg, 2007.

Korinfskij A. A. Narodnaya Rus'. Kruglyj god skazanii povhrij, obychaev" i poslovic" russkago naroda. – Izdanie knigoprodavca M.V.Klyukina. – М., Mohovaya, dom Benkendorf", 1901.

Losev A. F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. М., 1991.

Slavyanskije drevnosti: etnolingvističeskij slovar' v 5-ti tomah / pod red. N.I.Tolstogo. – T.1: A-G; T.5: S-Ya. – М., 1995-2012.

Tolstaya S. M. Obraz mira v tekste i rituale. – М., 2015.

Toren M.D. Russkaya narodnaya medicina i psihoterapiya. –SPb., 1996

Tripol'skaya T. A. Donos kak skvoznoj rechevoj zhanr v kommunikativnom pole romana V.Grossmana «Zhizn' i Sud'ba» // Yazykovaya lichnost': aspekty izučeniya. Sb. nauchnyh statej pamyati chlenakorrespondenta RAN Yu. N. Karaulova / Pod red. I. V. Ruzhickogo i E. V. Potyomkinov. – М.: MAKS Press, 2017. – S. 308-321.

TSRYa – Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vključenijem svedenij o proiskhozhdenii slov /Otv.red.N.Yu.Shvedova. – М., 2007.

Shapovalova T.E. Ot vremennoj obobshčyonnosti k vnevremennosti // Vestnik Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. №4. –S. 18-21.

Shapovalova T. E. Semantika vremennoj neopredelennosti v stroe prostogo predloženiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2006. № 1. S. 76-79.

Shkuran O.V. Sakral'nost' yazyka: mezhdisciplinarnyj aspekt // Frazeologiya v yazykovoj kartine mira: kognitivno-pragmatičeskie registry. Sbornik nauchnyh trudov po itogam 4-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii po kognitivnoj frazeologii. – Belgorod, 2019. – S. 179-184.

©Коновалова Н.И., 2020

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: sakralist@mail.ru

Konvalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

КУПИНА Н. А.

г. Екатеринбург, Россия

natalia_kupina@mail.ru

82-1:81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-24

**ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ КАЛЕНДАРНАЯ ПОЭЗИЯ:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ И
ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА СТИХОВ
ЛЕОНИДА БЫКОВА «ВТОРОЙ СОСТАВ»)⁶**

Аннотация. В статье на материале опубликованного в Екатеринбурге сборника календарных (датских) стихов филолога Леонида Быкова (2017 г.), адресованных университетским коллегам, деятелям культуры и искусства, творческим коллективам города и области, родным и близким, выявляются вербализованные базовые ценности, формирующие аксиологическую солидарность внутригруппового объединения. Интерпретируются самохарактеристики лирического героя, его гражданская позиция, нравственные и эстетические установки. Специально описываются использованные Леонидом Быковым лингвокреативные технологии, обеспечивающие трансляцию аксиологического содержания стихотворения в ориентации на целевого адресата. В процессе анализа обосновывается целесообразность специального изучения любительской датской поэзии, поддерживающей литературоцентризм русской культуры и отражающей направления развития массового лингвокреатива.

Ключевые слова: аксиологические предпочтения, банкетный поэт, гражданственность, ирония, литературоцентризм, креативность

⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

KUPINA NATALIA

Ekaterinburg, Russia

PHILOLOGICAL CALENDAR POETRY: AXIOLOGICAL PREFERENCES AND LINGUOCREATIVE TECHNOLOGIES (ON THE MATERIAL OF LEONID BYKOV'S VERSE COLLECTION «THE SECOND COMPOSITION»)

Abstract. The article is based on Leonid Bykov's collection of calendar (i. e. written for occasions) poems (2017). Published in Yekaterinburg in 2017, the poems are addressed to university colleagues, culture and art workers, to creative associations of the city and region, as well as to the author's relatives and friends. The article aims at revealing verbalized basic values, which form the intra-group axiological solidarity. The self-characteristics of the lyrical character, his civic position, moral and aesthetic attitudes are interpreted. There are specially described Leonid Bykov's creative language technologies that ensure the translation of the axiological content of the poem in orientation to the target recipient. Within the analysis, the feasibility of a special study of amateur poetry for occasions is substantiated, these texts supporting literary centrism of Russian culture and reflecting the direction of mass linguistic creativity development.

Keywords: axiological preferences, banquet poet, civic consciousness, irony, literature-concentratedness, creativity

*Хотя порой читаю и на «бис» я,
по просьбе многочисленной для вас,
ещё куда вами не написан
мой речевой и профилей и анфас.*

Леонид Быков

Сочетание *календарная поэзия* не является общеупотребительным. Стихи к датам чаще называют *датской поэзией*, но и это словосочетание по причине омонимии ('поэзия Дании') не стало терминологическим и не получило отражения в словарях русского языка. В то же время любительские стихи, написанные по случаю знаменательных дат, – давняя традиция, поддерживающая эстетическую составляющую кооперативной речевой коммуникации и шире – литературоцентризм национальной

лингвокультуры. Кроме того, в стихах-однодневках непосредственно реализуются базовые ценности, составляющие «интегративную основу и для индивида, и для социальной группы» [Леонтьев 1996: 15]. Выходят ли календарные стихи за границы филологических исследований? Представляется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно: «Даже плохой, слабый текст очень важен для отражения общей картины. Для того, чтобы определить литературную магистраль той или иной эпохи, нужно обращать внимание и на проселочные дороги» [Водолазкин 2017: 311]. Календарные тексты, транслируя групповые аксиологические предпочтения, одновременно передают неистребимую «авторскую установку на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное...» [Григорьев 1979: 77–78], и уже поэтому принадлежат поэзии в ее широком понимании.

«Текст с креативным заданием» [Крылова 2013: 23], написанный филологом, преодолевает рутинность заданного датой культурного сценария, обнаруживает профессионализм автора, его эрудицию, ортологическую компетенцию, независимую мировоззренческую позицию.

В 2017 году была издана книга стихов Леонида Петровича Быкова, доктора филологических наук, профессора УрФУ, литературного и театрального критика, члена Союза писателей. Название «Второй состав» [Быков 2017] передаёт шутливо-ироническое отношение автора к опубликованным стихам и – косвенно – месту календарных текстов в составе поэзии: *Что в жизни маргарином, а не маслом / всё смазано, известно нам давно, / но вот и вышло это графоманство...* (с. 12). Отметим, что извлечения из анализируемых текстов здесь и далее передаются светлым курсивом. Сохраняется орфография и пунктуация источника. Прямой характеризатор *графоманство*, метафоризированная акротеа, не оставляют сомнения в наличии строгой самооценки. В то же время собранные в приложении (с. 361–365) экспромты писателей, поэтов, деятелей науки и культуры позволяют судить о признании многогранного дарования Леонида Быкова: *С благодарною любовью / Анненский и Мандельштам / написали б предисловье / К Лёни Быкова стихам* (Лев

лирический герой оставляет за собой право на открытое гражданское высказывание: *Народ у нас повально близорукий – / умны лишь поздним мы умом, / История – коварная наука: / ей не указ начальственный дурдом* (с. 56). «Гражданин поэт», хоть и банкетный, видит своё призвание в осмыслении истории страны: *банкетным слогом я, как плугом, пласты истории вздыму* (с. 123). Постоянный эпитет *странная* (Россия) стимулирует желание разгадать загадку: *Скажу без всякого обмана: / Россия – странная страна* (с. 28); *Жизнь в России странна* (с. 40). Нелучайно обращение к Тютчеву, его философским обобщениям, которые угадываются в подтексте: *В истории царит туман кромешный, / но гуще смог у каждого в груди, / и хочется порой сказать, конечно, / вслед Тютчеву: О, время, погоди!* (с. 44). Связь с русским миром оказывается органичной: *Россия тут. Суровый край. / Но я пою ему осанну* (с. 73). Россия – это народ, его дух, незаурядный талант, особый аксиологический выбор: *Народ России не бездарен – / пусть в пьяном держимся угаре, / но ежели когда в ударе, / тогда средь звёзд летит Гагарин* (с. 104). Ср.: *Страна российская такая: / хотя мы водочку лакаем, / нам Чехов ближе Мураками / и Блок важней, чем Мопассан* (там же).

Тексты стихотворений обнаруживают неистребимую склонность к сатирическому осмыслению действительности: *В стране, какую грезил Достоевский, всегда велик окажется Щедрин* (с. 140); *В России жизнь, известно всем, не сказка* (с. 106). Очевидна темпоральная переключка с опорой на прецедентный текст: *Когда жуёт правительство мочало / программ неисполнимых коий год, / страна в недоуменьи всё молчала / безмолвствует (традиция!) народ* (с. 58). Не без сарказма в проекции на прошлое оценивается текущее настоящее, как, например, в стихотворении, написанном 30 декабря 2010 года: *За два столетия ничего не изменилось – / здесь вечно актуален Салтыков. / Мы вертикали отдались на милость – / менталитет, видать, у нас таков. / Вот позади остались нулевые / и путинской наелись мы халвы, / но у страны ошейничек на вые, / все ощутили, не ослаб, увы. / Хотя в Кремле сегодня и Медведев – / такой приятный*

паренёк на вид, / но знаем, что туда машина едет, / куда рулить водитель норовит (с. 85). С будущим связывается надежда на пробуждение гражданской активности народа: *Придёт Россия вся в движенье – / (прийти когда-то всё ж должна!)* – с. 39.

Политическая сатира сегодня находится на периферии литературного процесса. В этой связи актуальность приобретают и включенные в календарные тексты проанализированные сатирические наброски, лишённые вульгарности, злобы, агрессии. Это плоды труда *крестьянина российской культуры*, «неквасного» патриота и оптимиста.

Лирический герой не скрывается под маской. Перед нами реальный человек, уралец. В сверткесте формулируется вертикальный ряд топонимов, обозначающих пространство Среднего Урала: *Свердловск / Екатеринбург, Сухой Лог, Тагил, Ревда, Асбест, Каменск, Арамил* и др. «Биографическое время» включено в уральское пространство. Аксиологическую значимость как для лирического героя, так и для целевого адресата приобретает концепт «малая родина». Зрелый человек, профессор, поддерживает с ней интеллектуальную связь: *Я вырос. Из Сухого Лога / в УрГУ приехал, как домой* (с. 185). Таковы анкетные данные, в которых аксиологема «родной дом» связывается не только с местом рождения, детством и отрочеством, но и с Уральским университетом – вторым домом. А вот написанный в 2011 году текст, посвящённый 15-летию литобъединения в родном городе. Обращаясь к собравшимся, филолог и поэт по призванию, Быков говорит об особом духе *Сухоложья*, о нетленных ценностях: *Чем всегда была Россия / и богата и сильна? / В слове наша с вами сила, / мы – поэзии страна. // Пусть и дальше все держат – / все, кто ищет толк в словах. / Родники не замерзают – / значит, родина жива!* (с. 256–257).

Непровинциальная уральская провинция – среда, в которой формируются ценностные предпочтения, выполняющие «функцию объединения группы» [Бартминьский 2005: 141]. В поздравлениях, адресованных уроженцам Нижнего Тагила, встречаем оттопонимические образования *тагильский, тагильство*, передающие мысль о том, что малая родина маркирует характер

своих сыновей и дочерей: *Тагильскую оставив волость, / в душе тагильство сохранив, / они, с годами где освоюсь, / творить готовы личный мир. // <...> Тагильский в жизнь несут азарт* (с. 96). Отдавая должное ставшему прецедентным высказыванию «Урал – опорный край державы», Быков, хоть и не без иронии, упрямо отстаивает приоритет духовного: *<...> литература проживёт без денег – / куда важней Уралвагонзавод. // Но мы, живя в окрестностях Тагила, / всё ж лозунг сформулируем иной: / не в жанрах, а в культуре сила – / да, в ней секрет ментальности родной* (с. 91). Публицистичность высказывания опровергает оставшийся с советских времён тезис о соотношении базиса и надстройки. Культура определяет не только своеобразие России, но и вектор развития страны, её базис.

Деятели культуры и искусства – *родины воздух*. В стихах воспеваются *уральский культпросвет* – люди, которые, вопреки обстоятельствам, дарят согражданам смыслы: *Пусть для власти мы – придурки, / никакой ей пользы нет, / просветители Ебурга, / долгих вам и светлых лет!* (с. 242).

Дата, событие стимулируют осмысление заслуг творческого коллектива, его роли в деле сохранения и приумножения культурных и собственно просветительских традиций. Благодарный отклик в сердцах уральцев находят выставки, концерты. Екатеринбургскому музею изобразительных искусств Быков адресует стихотворение «Друзейное», в котором уверяет энтузиастов в том, что выставки классических и современных полотен *серьёзно наши меняют быт* (с. 293), затмевают обыденность, воодушевляют горожан: *Искусства вижу тьму друзей я, / и восхищает что меня: / который день у нас в музее – / как на футболе толкотня* (с. 294). Под воздействием искусства расцветают души. Запоминаются включённые в образную параллель паронимические аттрактанты *вернисаж – веснисаж*: *Наверно, в красках и словах / мерцают гены радости, / и музыка всегда права – / при всяком мира градусе. / И ныне взор теплеет наш, / и рот сияет зубками: / стал веснисажем вернисаж – / и здесь весна не хрупкая!* (Весенняя выставка графики в доме архитекторов, с. 319). Афористическое высказывание *Пока средь нас жива*

литература, / есть шансы на бессмертие у нас (с. 257) в равной степени относится к филологам, коллективам библиотек и литературных журналов. Лишь некоторые из последних сумели устоять в эпоху перемен благодаря человеческому фактору: Но есть в стране такие люди, / каких я счастлив видеть здесь, / какие – пусть их жребий труден, / перетерпев угар и спесь, / пыхтят в литературной кухне / и льется пусть седьмой с них пот, / не позволяя толстым рухнуть. / Гордись подобными, народ! (с. 221) Эти стихи были произнесены во время проведения в Екатеринбурге фестиваля «Толстяки на Урале» в год литературы.

Целевой адресат – это известные деятели искусства. Поздравительные послания лишены официозности, которая всегда замещается шуткой. Уверение в значительности нередко передаётся с помощью конструирования аналогии: *Тут бесполезны пьедесталы, / ведь ясно каждому без слов, / что очень повезло Уралу: / Родыгин – песенный Бажов (с. 258); Я подошёл сегодня к кассе / и так спросил: – У нас музей, / а где же Пабло здесь Пикассо? / Пикассо здесь, но он Сергей (о художнике Сергее Григорьеве, с. 287).*

Обращаясь к коллегам, автор по-дружески, но без фамильярности, использует языковую игру [См.: Гридина 1996], основанную на трансформации фамилии, например: *Зашихин – Зашихиня (с. 31); Осипов – Осипя (с. 241), Вибе – Вибное (с. 224), Гудов – ГудОК, гудовщина, гудеть (с. 30–31)*. Однотипная креативная технология используется для создания экспрессивного новообразования. Вот некоторые названия стихов: *Ворчальное, Вкусно-укусное, Лирное, Декабриозное, Недобылинное.*

Экспрессивно-оценочную функцию выполняет «рифмотехнология». Например, игра нестандартными рифмами в стихотворении, посвященном юбилею Областной библиотеки имени В. Г. Белинского, способствует утверждению непреходящей духовной значимости библиотеки, уверению в сохранении крупного культурного центра в условиях господства рыночных отношений. Искренняя благодарность сотрудникам передаётся от имени читателей:

Там же и тогда же

Я прочту стихи-картинки
 в день, приятный для «Белинки».
 Жизнь у всех теперь полынь как,
 но – на свете есть «Белинка»!
 По законам ныне рынка
 не легко тебе, «Белинка».
 Не накроется простышкой,
 не дождётся, нет, «Белинка»!
 В поле русском как былинки,
 мы – читатели «Белинки».
 Пусть в масштабе всяк – пылинка,
 но без нас ничто – «Белинка».
 Если был бы я бы билингва,
 стих проспекал бы, «Белинка».
 Будь фантаст я, как Долинго,
 дал бы денег: на, «Белинка».
 Знай я ноты, будто Глинка,
 гимн бы спел тебе, «Белинка».
 Но скажу я, по старинке,
 тост за зравие «Белинки»! 31 мая 2011 (с. 253).

Особая дань уважения – талантливым администраторам, как, например, в стихотворении «На выход книги "Ректорам УрГУ"»: *А здесь десятка два фамилий, / нет, не фамилий, а имён – / тех, кто УрГУ руководили, / но это ж и портрет времён. // <...> Быть в нашем вузе капитаном – сколь надо воли и ума, / чтоб с превращеньем капитала / УрГУ вести через шторма!* (с. 99) Шторм всё же настиг УрГУ, и это воспринимается как личная драма: *В этот год уж так случилось – / умолчать я не могу – / что отправилась на силос / вузконструкция УрГУ. // Был до нас УрГУ, был с нами / и, известные везде, / были буквы те – как знамя. / А теперь то знамя где? (с. 46).* Шторм не пощадил и родной факультет: *Филфак надрывается. Прёт на рожон / чиновников местных элита. / УрГУ большие нету – лишь в памяти он / и, к счастью, не всеми забытый (с. 65).* Аббревиатура УрГУ употребляется как аксиологема, интегрирующая вы-

пускников, преподавателей, сотрудников университета – тех, кто вынужден подчиниться процедуре объединения с УПИ, чувствуя при этом, что *не вместить УрГУ в УрФУ* (с. 29). Понимая, что *вступила жизнь в эпоху трансформаций* (с. 97), Быков считает своим долгом и долгом преподавателей продлить традиции родного факультета: *Свой опыт умножая на старанье / и презирая нынешний бардак, / мы, об УрГУ храня воспоминанья, / продлим твою историю, филфак* (с. 15). Преподаватели, вынужденно оставаясь на борту эсминца *федерального*, в сердце бережно хранят *не УрФУ – УрГУ* (с. 14).

Нельзя не отметить цикл «Семейный альбом», которому предшествует эпиграф из П. Вяземского: «Я жду обновления поэзии от наших семейных альбомов» (с. 331). Семья мыслится как ближний и одновременно широкий круг людей, состоящих в отношениях родства. Каждый член семьи – от мала до велика – воспринимается как личность. Лирический герой – член этого круга, отстраняющийся от статусно-ролевой позиции банкетного поэта. Будучи одним из старших членов большой семьи, он выражает аксиологическую солидарность по отношению к другим старшим. Продемонстрируем этот подход на материале одного стихотворения (с. 352–354), посвящённого 70-летнему юбилею В. Д. Т. Отдаётся дань стойкости, целеустремлённости юбиляра, его способности к сопротивлению: *Маршрут по жизни вышел разным, / но ты держался молодцом!* Далее следует таксономическая конкретизация общего характеристизатора: *Ты не из беленьких, пушистых, / но в главном был ты молодец – / охотник до глубоких истин, / спортсмен и врач, муж и отец.* Взаимопонимание и поддержка близких придают силы, вселяют уверенность в себе: *<...> и были рядом – жёнка Галка, / всегда родные и друзья.* Приём оразговоривания интимизирует обращение к юбиляру, главной заслугой которого является стремление сохранить семейные традиции, воплотить в книге основы современного домостроя: *<...> ты замечательную книгу / скажу (как критик) написал! // И в ней о многом нам поведал, / в историю вписав свой род, / и стала книга та победой, / семейный поддержав оплот* (с. 353).

Неподдельным ликованием проникнуты «Сентябрьские строки», передающие взрыв радости. *Митяй, Сашенька, мама, папа* в предвкушении общего веселья: *Случилось так, а не иначе, / и все мы рядышком, ладком, / как хорошо, когда есть дача, / куда мы мчимся с ветерком* (с. 331). Лишены морализаторства стихи, посвящённые детям. Например: *Но недаром всё же Митя / кашу с маслом часто ел: / на него теперь взгляните – / для больших готов он дел. // Стал ведь школьником Митяйка, / вырос как почти Илья. / Что ж, и дальше подрастай-ка, / становись умней меня!* (с. 334). А вот Митяй – выпускник средней школы: *Пусть радость карий взор не прячет, / на зрелость – вот он, аттестат – / желаю, Митенька, удачи: / и вуз – как школу и детсад* (с. 336). День рождения, свадьба, получение паспорта, вручение диплома – все эти даты отмечаются в семейном кругу и остаются в строчках, наполненных теплом, светлой любовью, надеждой, заразительным оптимизмом.

Особо следует отметить авторские креативные практики: обновление образных параллелей, лежащих в основе компаративных тропов, поиск нестандартных рифм, технологии трансформации прецедентных текстов, опыты словотворчества.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1999. I–XV.
- Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005.
- Быков Л.* Второй состав: банкетная лирика и прочее. Фрагменты. – Екатеринбург, 2017.
- Водолазкин Е.Г.* Дом и остров, или Инструмент языка: [эссе]. – М., 2017.
- Гайда С.* Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 22. – С. 13–22.
- Григорьев В.П.* Поэтика слова. – М., 1979.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: Стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
- Крылова О.А.* Образность и тексты с креативным заданием // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2013. – № 3. – С. 21–25.

Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

REFERENCES

- Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. – M., 1999. I–XV.
- Bartmin'skij E. Yazykovoj obraz mira: ocherki po etnolingvistike. – M., 2005.
- Bykov L. Vtoroj sostav: banketnaya lirika i prochee. Fragmenty. – Ekaterinburg, 2017.
- Vodolazkin E.G. Dom i ostrov, ili Instrument yazyka: [esse]. – M., 2017.
- Gajda S. Stil' kak vyzov // Aktual'nye problemy stilistiki. – 2016. – № 22. – S. 13–22.
- Grigor'ev V.P. Poetika slova. – M., 1979.
- Gridina T.A. Yazykovaya igra: Stereotip i tvorchestvo. – Ekaterinburg, 1996.
- Krylova O.A. Obraznost' i teksty s kreativnym zadaniem // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. – 2013. – № 3. – S. 21–25.
- Leont'ev D.A. Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoj rekonstrukcii // Voprosy filosofii. – 1996. – № 4. – S. 15–26.
- ©Купина Н.А., 2020

Купина Наталия Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина 51.

E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Kupina Nataliya Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

МИХАЙЛОВА О.А.,
МИХАЙЛОВА Ю.Н.
г. Екатеринбург, Россия
oamih@yandex.ru
jmikailova@yandex.ru

81*37
DOI 10.26170/ufv20-02-25

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ⁷

Аннотация. В статье анализируются метафорические участки русских терминосистем и типовые модели семантической деривации в научном тексте. Научная метафора рассматривается как гносеологический феномен. Когнитивный подход позволяет осмыслить семантику пространства как языковое воплощение модели мира, существующую в сознании носителей русского языка и выраженную системой метафорических номинаций. Представлены две концепции пространства, на основе которых выделены семантические классы «пространство-вместилище» и «пространство-конструкт», включающие ряд групп, характеризующихся различиями пространственных отношений в исходном значении и создаваемых метафорических образах. Проанализированы регулярно задействованные в процессах метафорического терминообразования лексические единицы, пространственное значение которых становится мотивационной основой для номинации явлений непространственной сферы. Показана роль аксиологических компонентов метафорического переноса, обусловленного переосмыслением пространственных характеристик объектов.

Ключевые слова: научный текст, пространство, концептуальная метафора, семантическая деривация, метафорический термин.

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-0399 А "Аксиологический потенциал современной русской метафоры".

MIKHAILOVA O.A., MIKHAILOVA JU.N.

Ekaterinburg, Russia

METAPHORIZATION OF SPACE IN A SCIENTIFIC TEXT

Abstract. The metaphorical sections of the Russian sub-systems and typical models of the semantic derivation in the scientific text are analysed. The scientific metaphor is viewed as an epistemic phenomenon. The cognitive approach lets comprehend the semantic of the space as a language embodiment of the world model which exists in the Russian speakers' consciousness and expressed by a system of metaphorical nominations. The two concepts of space are introduced on the basis of which the semantic classes "space-container" and "space-construction" are singled out. These classes include several groups which are characterised by the difference of the space relations in the initial meaning and the created metaphorical images. The author analyses the lexical units which are regularly employed for the metaphorical formation of terms. The space meaning of these lexical units becomes the motivation ground for the nomination of the non-space sphere phenomena. The role of the metaphorical transfer axiological components is shown. This role is determined by the reinterpretation of the objects' spatial characteristics.

Keywords: scientific text, space, conceptual metaphor, semantic derivation, metaphorical term.

Пространство является базовым понятием повседневной жизни и одновременно фундаментальной категорией научного знания – философии, социологии, естествознания, этнопсихологии и других наук. Но в то же время пространство является актуальным объектом лингвистических исследований, так как, по словам В.Г. Гака, «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [Гак 1998: 670]. Другими словами, не только собственно пространственные характеристики реального мира концептуализируются с

помощью специальных языковых единиц, но также на основе образного восприятия создается система метафорических пространственных значений, которые обладают особым эвристическим потенциалом при исследовании искусственных пространств, конструируемых человеком. «Все наше познание распространяется из пространственно-временного центра, который является крошечным отрезком, который мы занимаем в каждый данный момент» [Рассел 2001: 234].

Простые пространственные понятия первичны для человеческого сознания и, будучи значимыми для человека как ориентиры в мире вещей, они формируют суждение о мире и потому широко представлены в разных науках. Сложные пространственные конфигурации выступают не только в качестве наглядных метафор, но и в качестве эффективных инструментов познания. В базе данных метафорической терминологии [Мишанкина 2018] представлены 10 научных областей: филология, физика, химия, биология, социология, медицина, геология, психология, информатика, философия, в которых авторы обнаружили 607 терминов, образованных по модели метафоризации пространственной лексики. Среди универсальных единиц, имеющих хождение во всех описанных научных сферах, выделено только девять пространственных лексем: *поле, открытый / закрытый, граница, канал, путь, барьер, высокий, глубина*, – но базовая лексема *пространство* отсутствует в этом списке, хотя, по нашим материалам, она имеет активное употребление в научном дискурсе. Например, в математике – *евклидово пространство; многомерное пространство, векторное пространство, гильбертово пространство*. В филологии – *пространство текста поэтическое пространство, околядерное пространство, пространство дискурса, коммуникативное пространство, пространство общения, современное языковое пространство, функциональное пространство языковых средств*.

В современном русском языке лексема *пространство* полисемантична. Толковые словари дают следующие значения: 1. Одна из форм (наряду со временем) существования материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом. 2. Место, не

ограниченное видимыми пределами. Неограниченная протяжённость во всех измерениях и направлениях. 3. Промежуток между чем-л. Место, где что-л. вмещается или способно вместиться. 4. Большой участок земной (или водной) поверхности.

Представления о пространстве в наивной и научной картинах мира существенно различаются, однако у них есть точки пересечения, восходящие к двум, известным с античных времен концепциям пространства. Пространство абсолютное (по Ньютону) как целостность, вмещающая человека с окружающими его предметами. Пространство относительное (по Лейбницу) как форма бытия всех предметов и явлений физического мира, когда оно само становится различным, предстающим в виде конкретных мест. Лексика с пространственной семантикой в соответствии с этими концепциями распределяется на два класса, условно называемыми «пространство-вместилище» и «пространство-конструкт», которые, в свою очередь, включают ряд групп. В научных текстах, как показывает материал авторефератов и научных статей, метафоризации подвергаются лексемы практически из всех групп, представляющих оба типа пространства и выполняющих в научном тексте объяснительную, эвристическую, мнемоническую и популяризаторскую функции.

В семантическом классе «пространство-конструкт» метафорически переосмысляются лексемы следующих групп:

1. Наличие внутренних и/или внешних границ у объекта: *Необходимо **определить границы** понятий интертекстуальность, интертекстема и их соотносительность со смежными понятиями; Его парадигматические системные связи **ограничены**, что характерно для абстрактных понятий терминологического характера; Понятие гипертекст **охватывает** очень много классов объектов; К ним добавляются новые, специфические именно для данной **области бытования** концепта.*

Все лексемы демонстрируют одинаковую идею, лежащую в основе переноса, – идею замкнутости, обособленности научного объекта.

2. Организованное пространство и его части.

В научном объекте выделяются составные части пространства-конструкта: *Изучение объективации отдельных концептов является активно развивающимся **сегментом** научного поиска в когнитивистике; Целью исследования является изучение **фрагмента** концептосферы современного человека, **организованного** концептом «кризис».*

Интересной представляется частотная научная метафора-клише *особое место*, в семантике которой не фиксируется конкретное место, но указано уникальное пространственное расположение объекта: ***Особое место** в вербализации концепта принадлежит метафоре.*

Объекты могут иметь сложную организацию, многоуровневую структуру: *Современная система значений слова достаточно сложна, что является свидетельством **многослойности** содержания вербализуемого им концепта, **сложности организации его ядра**; В исследуемых **концептуальных слоях** названные признаки детализируются применительно к конкретным сферам.*

3. Форма объекта и ее изменение.

Самая частотная геометрическая форма, используемая в научных текстах, – это метафора круга, который осознается совершенным пространством, образованным плавной линией, позволяющим отделять одну часть от другой: *Сбор материала проводился путем сплошной выборки примеров, что позволило уточнить **круг структурных типов** обстоятельств образа действия; Выделен **круг глаголов**, требующих при себе обстоятельства образа действия как **облигаторного определителя**. Место неэлементарного простого предложения **в кругу** других синтаксических единиц.*

В этой группе представлены также координационные параметры, «эталонные формы» – высота, длина, глубина, ширина, толщина: *Более того, среди коллокаций с **высокими рангами** далеко не все из них зафиксированы в словарях; Укоренение в русском языковом сознании соответствующего концепта шло по пути **расширения его семантических сфер** при практически полном сохранении состава семантических компонентов. Это*

обусловлено **укрупнением значимости** в повседневной жизни современного человека виртуальной реальности.

4. Связи между объектами. Это достаточно многочисленная группа метафор, реализующих ее важнейшую в научном тексте функцию – эвристическую.

Пространство зависит от находящихся в нем объектов, определяется порядком сосуществования вещей. Каждый пространственный объект занимает какое-то место среди других объектов, граничит с ними и одновременно представляет собой своеобразную «упаковку» входящих в него других объектов, то есть структурируется ими. Объекты могут находиться в иерархических отношениях центр – периферия, верх – низ: **Центральным** понятием в работе является политический дискурс, являющийся **средой обнаружения** концепта; В элементарных простых предложениях структурно факультативные ООД являются одним из **периферийных средств** выражения синтаксической категории аспектуальности. Или в отношениях соположения: Семантика языковой категории интертекстуальности заключается во взаимодействии смыслов двух **сопологаемых** в одной языковой единице текстов.

Объекты могут находиться по разные стороны от чего-либо: Принципиально новым в изучении данного концепта является обращение к политическому дискурсу современной России, воплощенному в двух идеологически **полярных** периодических изданиях. Или между чем-либо: Процесс построения **промежуточного мира** – гиперреальности, **располагающейся** между миром познающего субъекта и реальной действительностью.

5. Расстояние от наблюдателя. Для определения местонахождения объекта в определенной части пространства используются такие понятия, как точка отсчета, дополнительный ориентир и позиция наблюдателя (близко-далеко).

Освещение и трактовка их (терминов) в научно-популярном дискурсе всегда **выносятся на передний план**; Анализ базовых концептов дает возможность глубже понять особенности русской концептосферы в целом, а значит, глубже проникнуть

в русское языковое сознание, картину мира, **приблизиться** к постижению русского менталитета.

Для семантического класса «пространство-вместилище» главным является признак «быть пустым или заполненным»: Поле «духовность» было **«выхолощено»**; Из концептов было **«вытравлено»** малейшее напоминание о православной вере; Семантическое **наполнение** концепта «кризис» в значительной мере зависит от экстралингвистических условий.

Самая универсальная единица этой группы *поле*, которая, по базе данных [Мишанкина 2018], встречается в девяти из десяти научных дискурсов за исключением химического. Однако существует и химический термин *эффект поля* – «передача воздействия через пространство электростатическим путем»: При рассмотрении эффекта поля учитывается пространственное строение органической молекулы.

Термин *поле* широко представлен в филологических исследованиях. Помимо общеизвестных терминов лексико-семантического, ассоциативного, синтагматического, словообразовательного, понятийного *поле* и т.п., встречается много индивидуальных употреблений: *поле «Духовность»*, лингвокультурное *поле*, информационное *поле личности*, ассоциативно-смысловое *поле «зима»* и др. Основой переноса становятся семы «обширное пространство чего-н.», «пространство, в пределах которого находятся объекты».

Особый интерес представляют пространственные метафоры класса «пространство-вместилище» в астрономии. Здесь пространство связывается не только с представлениями о пустоте, но также с представлениями о бесконечности, необъятности. В основе одного из самых известных астрономических терминов *дыра* лежит метафора пустоты, незаполненности пространства. Образная номинация *дыра* входит в состав терминов *черная дыра*, *корональные дыры*. Черная дыра – это пустота, но и вместилище одновременно: *Все галактики, и наша тоже, имеют в своем центре черные дыры невероятных масс.*

Таким образом, метафора в научных текстах позволяет содержательно определять объекты высокой степени абстракции,

выполняя эвристическую и объяснительную функции [Харченко 1992]. Главной задачей метафор пространства является упорядочение тех предметных областей, при исследовании которых эти образы используются. В гуманитарных науках концепт пространства используется не столько для выделения специфических предметных областей, сколько для осмысления и исследования этих областей человеком, т.е. как форма познания. Метафорическая номинация способна задать определенное направление интерпретации объекта, выдвинуть на первый план нужный аспект исследуемого явления. При анализе метафорических значений важным становится выделение аксиологического смысла. Метафорические единицы с пространственной семантикой в научном стиле нейтральны или позитивны в отличие от газетных метафор.

Литература

- Гак В.Г.* Языковые преобразования. – М., 1998.
Мишанкина Н.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности. – М., 2018.
Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. – М.; Киев, 2001.
Харченко В.К. Функции метафоры. – Воронеж, 1992.

REFERENCES

- Gak V.G. Yazykovye preobrazovaniya. – M., 1998.
Mishankina N.A. Russkie terminosistemy v aspekte semanticheskoy izbiratel'nosti. – M., 2018.
Russel B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granicy. – M.; Kiev, 2001.
Harchenko V.K. Funkcii metafory. – Voronezh, 1992.

©Михайлова О.А., 2020

©Михайлова Ю.Н., 2020

Михайлова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.

Mikhailova Olga Alekseevna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Rhetoric and Stylistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург,
пр. Ленина 51.

E-mail: oamih@yandex.ru

Михайлова Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, Россия, г. Екатеринбург,
пр. Ленина 51.

E-mail: jmikailova@yandex.ru

Mikhajlova YUliya Nikolaevna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Rhetoric and Style of the Russian Language, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

ПЕТРОВ А.В.

г. Архангельск, Россия

avpetrov@atknet.ru

81'42:821.161.1

DOI 10.26170/ufv20-02-26

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СРАВНЕНИЯ В НАРОДНОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ФЕДОРА АБРАМОВА «ПЕЛАГЕЯ»)

Аннотация. В статье анализируется лингвокреативный потенциал сравнения как выразительного средства народной речи в преломлении писательского таланта Федора Абрамова. Рассматриваются функции сравнительных конструкций, степень смысловой удаленности агентов и референтов сравнения в тексте повести «Пелагея».

Ключевые слова: сравнение, лингвокреативное мышление, народная речь, сравнительный смысл, агенты и референты сравнения.

PETROV ANDREY

Arkhangelsk, Russia

LINGUOCREATIVE POTENTIAL OF SIMILE IN COLLOQUIAL SPEECH (BASED ON FEODOR ABRAMOV'S NOVEL *PELAGEA*)

Abstract. The article analyzes the linguocreative potential of the simile as a means of expression in colloquial speech, as seen thru the prism of Feodor Abramov's literary talent. The functions of constructions with similes, the degree of semantic remoteness of simile agents and referents in *Pelagea* are considered.

Keywords: simile, linguocreative thinking, colloquial speech, simile semantics, simile agents and referents.

«В краю родникового слова» – назвал выдающийся русский писатель Фёдор Александрович Абрамов (1920 – 1983) один из своих очерков, в котором без ложного пафоса заметил: «Быть может, самый большой, самый непреходящий вклад Севера в сокровищницу национальной культуры – это слово. Живое народно-поэтическое слово, в котором полнее и ярче всего запечатлелась душа северянина, его характер» [Абрамов 1986: 31].

Действительно, Русский Север остаётся источником для изучения подлинно народного словотворчества, живого народного слова. Уроженцы северного края, и среди них один из самых талантливых Фёдор Абрамов, внесли значительный вклад в современную русскую литературу, видимо, благодаря тому, что с молоком матери впитали животворное северное слово (Подробнее о языковом мастерстве Ф.А. Абрамова см. в нашей работе [Петров 2020]).

Принято считать, что образность, изобразительность, выразительность – это прерогатива художественной речи, поэтического творчества, однако разве лишена этих черт народная речь, разве нельзя в обыденном разговоре услышать меткое словечко, необычное сравнение, яркую метафору или гиперболу? У Ф. Абрамова читаем: «На Севере издревле вся жизнь, и повседневная, и праздничная, была пронизана многоцветным краснословьем. <...> А как же иначе? Как жить в этом суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?» [Абрамов 1986: 31].

Сам писатель, подлинный певец северной деревни, северного духа, основным источником своего художественного творчества считал образность народной северной речи: «Язык современной деревни – яркий, сочный, забористый и задиристый. <...> Когда я приезжаю в деревню, я буквально омываюсь в живых родниках речи» [Абрамов 1986: 449-451]. Действительно, бытовая разговорная речь может рассматриваться как особая форма народного искусства, в которой реализуется эстетическое восприятие действительности, свойственное народному сознанию, – отмечалось ещё в начале XX века [Чарушин 1914, с. 10].

Образность – это способность речевых единиц создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях опосредованно, через отношения подобия другим предметам и явлениям, поэтому наиболее показательным образным средством является сравнение.

Сравнение как выразительное средство, безусловно, можно отнести к формам лингвокреативного мышления, «которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность

говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 7-8]. П.А. Лекант утверждает: «Сравнение – это одно из ярчайших и самых продуктивных образных средств русской поэтической речи» [Лекант 2007: 206]. В результате операции сравнения проявляется сходство как «сравнительный смысл, находящийся выражение в сравнительной конструкции» [Девятова 2011: 8].

Особенности народных изобразительно-выразительных средств в преломлении писательского таланта Фёдора Абрамова рассматриваются на примере повести «Пелагея». Важно, что в ней отчётливо слышна прямая речь персонажей, поскольку повествование здесь ведётся фактически от лица героев (цепь внутренних монологов, несобственно прямая речь), события показываются их глазами, характеризуются и оцениваются их словами и мыслями, а автор становится как бы транслятором народной речи, народного мировоззрения, народного лингвокреативного мышления.

Посмотрим, что и с чем сравнивают герои Абрамова, в какой степени смысловой удалённости друг от друга находятся субъекты и объекты сравнения – референты и агенты.

Сравнение как характеристика лиц, оценка их поведения. В этой функции прежде всего используются зооморфные сравнения, причём в качестве агентов выступают хорошо известные народу наименования животных, чьи внешний вид, поведение, повадки легко переносятся для выражения отношения к референту сравнения. Прежде всего, обращается внимание на внешнее сходство: *Нашла красавицу. Ни рожки ни кожи... Как уклея сухая...* (с. 98)⁸ – Маня-маленькая пренебрежительно характеризует Антонину (*уклея* – мелкая, невзрачная рыбёшка); такой сравнительный смысл обусловлен особой нелюбовью говорящей к субъекту сравнения, а также желанием позлословить.

⁸ Здесь и далее цитаты даются по изданию: *Абрамов Ф.А. Повести и рассказы.* – Архангельск, 1985. – 368 с.

В народном сознании закреплены представления о некоторых животных, символизирующих различные качества характера человека. Так, кротость ассоциируется с поведением овцы (*не будь овцой* ‘не будь бессловесным, чересчур покорным’ [Ожегов 1991: 440]): *Сразу, как овечушка, отдался ей в руки* (с. 83) – Пелагея вспоминает о своём замужестве, о робком по натуре муже Павле, однако сравнительный смысл не имеет отрицательной коннотации, в данном случае показателен суффикс субъективной оценки –*ушк*. Отшельничество, одиночество соотносится с повадками улитки: *А без пекарни какая жизнь? Залезай, как улитка, в свою скорлупу на задворках да там и захорони себя заживо* (с. 76) – вынужденный из-за болезни мужа отказ от работы на пекарне Пелагея воспринимает как крах всей своей жизни, отсюда отрицательный сравнительный смысл конструкции, обусловленный креативным сравнением.

Интересно наблюдать перенос признака, характеризующего животного, на признак человека, при этом совмещаются прямое и переносное значения: *тёмный* ‘по цвету близкий к чёрному, не светлый’, ‘невежественный, отсталый’ [Ожегов 1991: 791]: *Отец малограмотный, я, Василий Игнатьевич, как тетёра тёмная...* (с. 62) – говорит Пелагея, пытаясь принизить себя в беседе с влиятельным человеком, который в свою очередь не соглашается с таким унижением собеседницы: – *Ну, ты-то не тетёра* (с. 62).

К зооморфизмам необходимо отнести и сравнения действий человека с действиями животных, например, истовое проявление материнской заботы: *И она, несмотря на всю свою слабость, как зверь, кинулась на защиту родного детища* (с. 107). И далее следует довольно дерзкое заявление героини, подтверждающее её смелость и решимость, сопоставимую с инстинктивным поведением зверя, сравнительный смысл конструкции – спонтанность действия героини и высокая степень насыщенности его проявления.

Функциональное общезыковое сравнение человека с рабочим животным, указывающее на интенсивность его труда, креативно усиливается сравнением с машиной: *Безотказно, как ло-*

шадь, как машина, работал Павел в колхозе (с. 86). Необходимо отметить обыгрывание разных значений слова *безотказный* ‘происходящий без перебоев, без отказа’ и ‘никогда не отказывающийся от поручения, просьбы’ [Ожегов 1991: 47].

Близко к зооморфным сравнениям сравнение человека с мифологическим существом, подчёркивающее стихийность, необузданность действий персонажа: *Афонька, когда переберёт, места себе не может найти. Всю ночь, как нечистая сила, разъезжает на мотоцикле. Из улицы в улицу, из заулка в заулочек* (с. 92) – налицо отрицательная коннотация сравнительной конструкции.

Сравнение как характеристика признака: внешний вид человека: – *Ты как золотой волной накрывшись... Искры от тебя летят...* (с. 68) – Олёша-рабочком, испытывая страсть к Пелагее, при описании её волос стремится к «красивости» речи, тем самым, как может, проявляет свой лингвокреативный потенциал.

Описание внешнего вида через сравнение передаёт внутреннее состояние героини – Пелагея после долгого перерыва собралась навестить свою пекарню: *Чистая, благостная – вечером накануне специально сходила в баню, будто к богомолью готовилась. Из дому вышла с батожком – тоже как богомолка. И люди попадались ей навстречу какие-то благостные, просветлённые* (с. 104). В основу сравнения положены неожиданные для советской литературы положительные ассоциации, связанные с возвышенным восприятием веры в Бога и религиозных обрядов.

Сравнение как характеристика состояния окружающей среды. Так, восход солнца вызывает в сознании героини восторженные ассоциации, связанные с детским восприятием действительности: *Всё засверкало, заиграло вокруг, потом, как в волшебной сказке, всё стало алым: и лица, и крыша, и белые занавески в окнах* (с. 75). Большое количество ягод экспрессивно сравнивается с бытовыми привычными предметами: *И ох же на какую ягоду она напала! Крупную, сочную, нетронутую – сплошными зарослями, как одеяла красные по ручью развешаны* (с. 84). Деревенские постройки неожиданно ассоциируются

со строем солдат: *Раньше, до войны, дома в деревне стояли **что солдаты в строю** – плотно, почти впритык друг к другу, по одной линии (с. 74).*

Физическое состояние человека (в частности, болезнь Пелагеи) передаётся через сравнение с привычными проявлениями сельского быта: *А она лежала, и дыхание у неё было тяжёлое, взахлёб, с присвистом. Точь-в-точь **как у старых дырявых мехов** в кузнице (с. 106); *Да нет, не ускочишь. **Как на привязи сидишь** у болезни (с. 95).* В этой функции используются и типичные узуальные сравнения, характеризующие болезнь, усталость: *Лежу как убитая. Еле ноги из заречья приволокла (с. 52); Гостья пришла, а я лежу как бревно (с. 94).**

Креативная характеристика эмоционального состояния человека посредством сравнений: *Сомнение, как мутная вода, всё делает нечистым и неясным (с. 70) – ср. мутный ‘о жидкости: непрозрачный, нечистый (от засорения, смешения с чем-нибудь)’, ‘о сознании: помрачённый, смутный’ [Ожегов 1991: 368]; *И сколько ни кричи – не докричишься. **Как в глухом лесу** (с. 102) – отчаяние Пелагеи от неизвестности о судьбе дочери; *Значит, об Альке вести, догадалась Пелагея, и так ей вдруг легко стало, будто лето спустилось в избу (с. 94).* И опять обращает на себя внимание приближённость агентов сравнения к повседневной крестьянской жизни.**

Сравнение как характеристика действия. Свойства растений переносятся на действия человека: *Молодой, красивый, рослый. Идёт – выгибается, как лоза (с. 73) – Пелагея восхищённо о Владике; *И добро бы только парень Альку лапал, а то ведь нет. То ведь Алька, как травина, оплела парня (с. 71); *...как кочан капустный, выкатилась из неё (с. 70) – о том, что Алька родилась здоровой; *Павел только увидел дорогую сестрицу, закачался, как подрубленное дерево (с. 67).* Отметим также яркое индивидуальное сравнение, характеризующее действие: *Сонную, румяную реку раздвигала осиновою долбленкой, как утюгом (с. 48).****

В этой функции выступают и сравнения, построенные на основе узуального фразеологизма *как обухом по голове* ‘о поразившей неприятной неожиданности’ [Ожегов 1991: 437]: *Попер-*

востии районный доктор, **как обухом, оглушил**: «Паралич. Не видать тебе больше мужа на своих ногах...» (с. 76); Потом, подумав, что до Мани такое не дойдёт, **хватила как обухом по голове**: – А может, богатством Христовым пришла похвататься? (с. 93); интересно проследить творческое преобразование в речи этого фразеологизма: **И вдруг хватил её дубиной по голове**: – Имею сведенье: не живёт она с этим военным... Одна живёт... (с. 107). Здесь показательны глаголы, вводящие фразеологизм: **оглушить, хватить**, перекликающиеся с буквальным смыслом устойчивого выражения.

Среди системы сравнительных средств языка выделяется творительный сравнения, выразительность которого «объясняется как удобством самой формы – нет резкой границы между субъектом и объектом сравнения, так и заложенным в ней образом» [Девятова 2008: 48].

Сравнение с природными объектами: типичное сравнение речи человека с текущей водой: **А я хочу к оконышку поближе, к свету, чтобы ручьём в оба уха умные речи текли** (с. 60); о физическом состоянии: **Умер молодым Павел, она, Пелагея, может, при смерти лежит, а этой ничего не дается – всё рожка заревом** (с. 106) – Пелагея высказывает негативное отношение к нелюбимой невестке Анисье, которая «со всей семьи здоровье собрала».

Сравнение с животными: характеристика предметов: **На Пелагею доброта нахлынула: не подумавши выхватила из платя жакет – красиво, росомахой взыграл чёрный плюш на белом снегу** (с. 100) – мех хищного зверя отличается особой ценностью и красотой; характеристика человека: **...петухом вскинул голову Сережа** (с. 103) – дальнейший контекст раскрывает смысл сравнения: **А чего же петушиться?** (с. 103) – *петушиться* ‘вести себя задиристо, запальчиво’ [Ожегов 1991: 514].

Сравнение с предметами быта: **А тут от порога шагнул, так и обнесло – кулём шмякнулся на прилавок к печи** (с. 106) – негативный сравнительный смысл обусловлен снисходительным отношением героини к опустившемуся, пьяненькому Петру Ивановичу.

С точки зрения лингвокреативности интерес представляют неспециализированные сравнительные конструкции.

Экспрессивные сравнения на основе бессоюзных сложных предложений с причинно-следственными отношениями: *А уж погоны на плечах горят – за десять шагов жарко* (с. 73) – Пелагея о Владике; *Посмотри, посмотри на свою дочь! Я посмотрела – глазам легче стало. Вот какая она у тебя красавица!* (с. 72) – сватья об Альке; *Не тронь моё костьё. Упаду – не собрать* (с. 63) – Пелагея о себе; *Пристала, обвила руками шею – лёд крещенский растает* (с. 56) – Анисья об Альке; *Припрёт нужда да голод – с самим дьяволом переспишь* (с. 90) – Пелагея о своем грехопадении.

Сравнение через противопоставление: *...Пётр Иванович не колокол, а пустая бочка* (с. 82); *Глазами не посмотрел – прошагал по столу* (с. 65) – об Афоньке; *Золото – не косу ты носила* (с. 63) – Василий Игнатьевич о Пелагее; *На солнце и на то затемненье находит, а наш брат – баба глупая* (с. 95) – Пелагея о себе.

Ярким выразительным средством, эффективно используемым Фёдором Абрамовым, позволяющим ему подчеркнуть важные смыслы, дать яркую характеристику персонажам, сформировать образную систему произведений, являются сравнения, заимствованные писателем из народной речи или стилизованные под народную речь, обладающие немалым лингвокреативным потенциалом. В качестве референтов сравнения в основном используются привычные и понятные предметы и явления крестьянской жизни.

Литература

Абрамов Ф.А. Чем живём-кормимся: Очерки; Статьи; Воспоминания; Литературные портреты; Заметки; Размышления; Беседы; Интервью; Выступления. – Л., 1986.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Деятова Н.М. Творительный сравнения: значение и функции в тексте // Русский язык в школе. 2008. № 10. – С. 47-52.

Девятова Н.М. Сходство как сравнительный смысл и его языковые репрезентации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 2. – С. 7-13.

Лекант П.А. Об одной форме сравнения в поэтической речи // Лекант П.А. Грамматические категории слова и предложения. – М., 2007. – С. 206-208.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1991.

Петров А.В. Родниковое слово Федора Абрамова. – Архангельск, 2020.

Чарушин А.А. Народный язык // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 16. – С. 493-502.

REFERENCES

Abramov F.A. Chem zhivyom-kormimsya: Ocherki; Stat'i; Vospominaniya; Literaturnye portrety; Zametki; Razmyshleniya; Besedy; Interv'yu; Vystupleniya. L., 1986.

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste. Ekaterinburg, 2008.

Devyatova N.M. Tvoritel'nyj sravneniya: znachenie i funkcii v tekste // Russkij yazyk v shkole. 2008. № 10. S. 47-52.

Devyatova N.M. Skhodstvo kak sravnitel'nyj smysl i ego yazykovye reprezentacii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2011. № 2. S. 7-13.

Lekant P.A. Ob odnoj forme sravneniya v poeticheskoy rechi // Lekant P.A. Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya. M., 2007. S. 206-208.

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1991.

Petrov A.V. Rodnikovoe slovo Fedora Abramova. Arhan-gel'sk, 2020.

Charushin A.A. Narodnyj yazyk // Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa. 1914. № 16. C. 493-502.

©Петров А.В., 2020

Петров Андрей Васильевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия).

Адрес: 163060, Россия, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56, 410.

E-mail: avpetrov@atknet.ru

Petrov Andrej Vasil'evich – Doctor of Philology, Docent of the Department of Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

РУЖИЦКИЙ И. В.
г. Москва, Россия
konntie@mail.ru

81'38: 821.161.1
DOI 10.26170/ufv20-02-27

ИГРОВАЯ ФУНКЦИЯ ИНВЕКТИВ В ТЕКСТАХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье анализируются некоторые особенности языковой личности Ф.М. Достоевского, прежде всего относящиеся к использованию писателем в художественной прозе лексики, выполняющей бранную функцию. Делается предположение о строгой избирательности в использовании бранной лексики, мотивированной различными задачами. Расширяется диапазон функций бранной лексики, в который как разновидность людической включается энигматическая функция инвектив. Показывается связь бранного слова с его этимологом, возможность использования инвектив в качестве способа эвфемизации, использование Достоевским с целью усиления повторов инвектив в одном узком контексте – семантических, синтаксических и эпидигматических, что ведёт к построению инвективных цепочек и, в конечном счёте, – к созданию своего рода инвективного поля.

Ключевые слова: идиолект, бранная лексика, инвектива, языковая игра, Достоевский.

IGOR V. RUZHITSKY
Moscow, Russia

INVECTIVES GAME FUNCTION IN THE TEXTS OF FYODOR M. DOSTOYEVSKY

Abstract. The article analyzes some features of Fyodor M. Dostoevsky linguistic identity, primarily related to the abusive vocabulary use in fiction. The assumption is made about the strict selectivity in the use of abusive words, motivated by the creating a specific artistic image task. The range of abusive words functions is broaden, the enigmatic fiction of abusive words is included. The possible connection of abusive words with their etymons, the possibility of using invectives as a mean of euphemization, the use by Dostoevsky different kinds of invectives repetitions in one narrow context – semantic, syntactic and epidigmatic, which leads to the construction of in-

vective chains and, ultimately, to the creation of a kind of invective field are shown.

Keywords: idiolect, abusive vocabulary, invective, language game, Dostoyevsky.

Изучая особенности идиостиля Ф.М. Достоевского, невозможно не обратить внимания на широкое использование писателем в текстах разных жанров – в художественной прозе, в публицистике, в личных письмах – бранной лексики, различного типа инвектив. Относительная частота употребления лексем *дурак*, *подлец*, *сволочь*, *негодяй*, *мерзавец* и многих других существенным образом превышает их частоту у И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и И.А. Гончарова и, например, для слова *дурак*, сопоставима с частотой употребления у А.Н. Островского, Н.С. Лескова и А.Ф. Писемского (см. данные, приведённые в [Шайкевич, Андрющенко, Ребецкая 2016]). То же можно сказать и о частоте употребления соответствующих словообразовательных дериватов, и о насыщенности бранной лексикой одного узкого контекста. В результате в текстах Достоевского образуется довольно сильное «инвективное поле», что вызывает вопрос о том, можно ли отнести их автора к элитарной языковой личности, вопрос, который мы достаточно подробно обсудили в [Ружицкий, Потёмкина 2018] и на который дали положительный ответ, мотивируя его тем, что под элитарной языковой личностью следует понимать прежде всего строго мотивированную способность к спонтанному переключению с одного регистра на другой. Тема интенций в использовании бранной лексики в художественном тексте вообще очень интересна и многоаспектна, собственно бранной функцией такое употребление не ограничивается. Полагаем, что применительно по крайней мере к художественной прозе помимо собственно бранной функции следует также говорить о людической и энигматической функциях инвектив, о чём речь и пойдёт ниже.

В ходе работы над Словарём языка Достоевского (см. [СЯД 2008, 2010, 2012, 2017]) в текстах разных жанров нами было зафиксировано порядка 200 лексических единиц, используемых в бранной функции. Полученный список инвектив, безусловно,

вряд ли можно считать исчерпывающим, но он достаточно репрезентативный, чтобы представить себе «поле брани» Достоевского (если воспользоваться метафорой В.И. Жельвиса [Жельвис 2001]). В основном это общеупотребительные инвективы, встречающиеся также в текстах других авторов и имеющие в первую очередь собственно бранное значение: *балбес, балбесина, балбесы; дармоед, дармоедка; дрянцо, дрянь; идиот, идиотка, идиоты; лизоблюд, лизоблюдничи, лизун; мерзавец, мерзавка; подонки; стерва; ублюдки; хам; холуй; хамлет; чёртов сын, язевый лоб* и др. В использовании такого рода инвектив авторская индивидуальность, в некоторых случаях отражающая круг общения Достоевского, проявляется в основном в сочетании инвектив-существительных с определениями: *дура – бессмысленная, капитальная, пошлая, ретроградная, слабонервная, третьегоднешняя; дурак – бездарный, злой, иступлённый, злобный, цивилизованный, отпетый, пошлый; дурачок – всеуспокоенный самомнением; каналья – естественнейшая, пьяная; мразь – гадкая, трусливая, жестокая, себялюбивая; негодница – новооснованная; подлец – каторжный, легкомысленный, не безнадёжный, признанный, хороший, чистокровный; подлецы – наивные, плотоядные, чистокровные; ракаля – анафемская; сволочь – демократическая, медицинская, рулеточная; сопля – на двух ногах; сопляки – доморощенные; тварь – глупая, грубая, заносчивая, издыхающая, отвратительно чувственная, позорная, пьяная, светская развратная тупая, сластолюбивая капризная; твари – самолюбивейшие, эти великосветские; шут – мохнорылый.*

То же можно сказать о словах и словосочетаниях, бранная функция которых является вторичной: *барчонок – дрянной, блудливый; ведьма – негодная; рожка – толстая, хитростная.* В этом отношении обращает на себя внимание довольно большая группа инвектив, относящихся к животному миру (включая мифологических животных): *вошь – поганая человечья; гадина – лупоглазая; облизьяна – зелёная; осёл – зелёный; ослица – валаамова; букашка – смрадная; свиньи – бесчестные; скотина – всякая, заносчивая; червяки – низкие, а также инвективы, свя-*

занные с национальной принадлежностью, религией или отнесённостью к определённой местности: *подлая прусская куриная нога в кринолине; полячок – гаденький, жалкий; поляночек – мозглявенький; солёные уши (о пермяках); шпага французская.*

С точки зрения проявления креативно-игрового начала несомненно большой интерес вызывают индивидуально-авторские инвективы (по данным НКРЯ и других поисковых систем зафиксированные в бранной функции только в текстах Достоевского): *архиподлец; верхоплясы; верхогляд, верхоглядка (сытая и вседовольная); вышивырка, вышивырки; обшмыга (международная, третьего разряда); обтирка (ваших лакированных сапогов, моего сапога); паршивик; подлайдак; фурий; шлёпохвостки, шлёпохвостницы (расфуфыренные),* включая сложные слова: *изверг-мачеха, изверг-отцеубивец; мерзавцы-безобразники; негодяй-муж; сопля-человек, сопляки-моралисты (чахоточные); старик-безобразник* и словосочетания: *варначье твоё мясо; гвоздыревый ты человек; крючок судейский; полишинель проклятый; посконная голова; срамец треклятый; тать окаянный; упорная сатана; физик проклятый; свинья-Карепин, свинья-Тургенев, свиньи-москвичи, баран-голова.*

Говоря об игровом употреблении инвектив, мы принимаем за исходное идею о полифункциональности языковой игры, в соответствии с которой «игровое употребление слова – это сознательное и понятное читателю (слушателю) отклонение от языковой нормы, допускаемое с целью выражения различных смысловых нюансов (познавательная функция) или для достижения комического эффекта» [Ружицкий 2015: 241–242]. Естественно, этими, самыми общими, функциями значимость языковой игры в художественном тексте не ограничивается, игровое употребление инвектив может служить, например, для привлечения внимания читателя, для того, чтобы заставить читателя остановиться, задуматься, и т. д. «Можно констатировать, что на современном этапе изучения языковой игры наблюдается тенденция к выделению самых разных её функций, не ограничивающихся сферой проявления комического (юмористического) эффекта речи» [Гридина 2008: 47].

В этом отношении функции языковой игры пересекаются с некоторыми из интенций в употреблении бранной лексики, например, помимо высмеивания, с сокрытием смысла, настраиванием тем самым читателя на определённую догадку: «кроме интенции оскорбить мотивацией является вуалирование, сокрытие смысла; в некотором роде противоположная функция – парольность, снятие оппозиции свой/чужой; бранные слова часто используются для заполнения пауз в речи; говорящий, например интеллигент или интеллектуал, публично употребляет табуированное бранное слово для того, чтобы произвести впечатление или показать свою независимость от существующих норм» [Ружицкий, Потёмкина 2018: 38]. Такого рода энигматическую функцию следует, на наш взгляд, считать разновидностью людической. Приведём некоторые примеры её реализации.

– Связь инвективы с этимоном, исходным этимологическим значением бранного слова, которое может соотносится с раскрытием образа персонажа, авторским отношением к персонажу или к их группе и даже с сюжетной линией и с идеей всего произведения. Такая соотнесённость часто не доказуема, однако, учитывая в качестве одной из основных характеристик идиостилия Достоевского склонность писателя к символизации действительности, можно с большой долей уверенности сказать, что эта особенность проявляется и в использовании некоторых бранных слов. Так, *выжигой* ('человек, разграблявший могилы') называют только Раскольникова; *подлец* ('человек из простонародья; подчиняющийся') в «Преступлении и наказании», в отличие от других текстов Достоевского, в собственно бранном значении вообще не употребляется; *безобразник* ('человек, потерявший благообразие, человеческий облик') в «Подростке»; *сволочь* ('дрянной люд, шатуны, воришки, негодяи, где-либо сошедшиеся') – этимон этой инвективы реализуется прежде всего в «Бесах», в речи Хроникёра, т. е. во многом самого Достоевского – 'собирающиеся в смутное время вместе люди, совершающие или готовые совершить подлые поступки' (подробнее см. [там же: 34–36]). Можно предположить, что существует аналогичная связь с этимонами инвектив *вышвырка* ('что-то выброшенное,

негодное, дрянь'), *лайдак* ('лодырь, ледащий человек, негодяй, шатун, плут и гуляка'), *маклак* ('перекупщик, маклер, плут'), *обшмыга* ('рвань, ободранец, оборванец, лохмотник'), *пентюх* ('неповоротливый, неуклюжий человек') и др. Полагаем, что в определённых случаях выбор слов в бранной функции у Достоевского строго детерминирован и связан с текстом концептуально, что раскрывается через этимон самого бранного слова.

– Энигматическая функция инвектив также проявляется в эвфемизации, прежде всего обценной лексики, в эпоху Достоевского являющейся строго табуированной. Так, например, во многих случаях употребляется слово *чёрт*, очень частотное у Достоевского, в том числе и в составе устойчивых сочетаний (подробнее см. в [Потёмкина, Ружицкий 2019(а, б)]). Например: «– Э, чёрт! – выругался Лямшин, сел за фортепьяно и начал барабанить вальс, зря и чуть не кулаками стуча по клавишам» (Бесы, 309; здесь и далее нумерация страниц произведений Достоевского даётся по [Достоевский 1972–1990]). Только в «Бесах» «Э, чёрт!» («Э... Чёрт!») мы встречаем 7 раз, причём только во второй половине романа, т. е. когда происходят основные «безобразия» и убийства. Это же сочетание в «Братьях Карамазовых» используется 13 раз. К эвфемизмам можно отнести и употребление словоформы *киселей* в следующем контексте: [Голос из толпы присутствующих на балу у Лембке] «Надавать бы всем киселей, да и к чёрту!» (Бесы, 390), а также многочисленные случаи использования определений *эдакий*, *этакий*, *экой* и т. п. с инвективами: *гнида ты эдакая*, *греховодники эдакие*; *дура такая*, *экой дурак*, *экая дурында*, *этакие дураки*, *душегубец ты эдакий*, *этакая сволочь*, *шельмец ты такой*, *шильник ты этакой*, *петля такая*, *ехидна такая*.

– Энигматическая функция инвектив непосредственным образом также связана с их эмблематической функцией – закреплённостью за отдельными персонажами: *выжига* – Раскольников, *сволочь* – обобщающее слово для всех «бесов», *ветошка* – Голядкин, *валамова ослица* – Смердяков, *шлѐпохвостки*, *шлѐпохвостницы* (*расфuffyренные*) встречаются только в «Престу-

плении и наказании» в речи Мармеладовой, *тварь* – в основном Грушенька, в речи Катерины Ивановны и т. п.

Один из наиболее частотных случаев сознательного отклонения от существующей языковой (стилистической) нормы в текстах Достоевского связан с использованием автором различного типа повторов – синтаксических семантических и эпидигматических, что объясняется необходимостью своеобразной компенсации создаваемой писателем неопределённости, а также способом выражения дополнительных оттенков смысла. Такую особенность идиостиля, на наш взгляд, тоже следует считать людической, относящейся в том числе и к частому повторению в одном узком контексте бранных слов, построению инвективных рядов и инвективного поля. Например: «*Мерзавец ты этакой, негодяй ты такой!* – проговорил господин Голядкин <...>» (Двойник, 178); «– Ах ты, *проклятая*, ах ты, *кровопивщица*, *гнида ты эдакая* – визжала баба, залпом выпуская из себя все накопившиеся ругательства, большею частью без запятых и без точек, но с каким-то захлёбыванием, – так-то ты за моё попеченье воздаёшь, *лохматая*» (Униженные и оскорблённые, 258); [Фарпухина] «<...> Чтoб над вами смеялась *эта пройдоха*, *эта каверзница*, *эта сопля!* Да она подошвы моей не стоит <...>» (Дядюшкин сон, 330); [Парадоксалист Лизе] «<...> ты, одна ты за все это ответить должна, потому что ты так подвернулась, потому что я *мерзавец*, потому что я самый *гадкий*, *самый смешной*, *самый мелочной*, *самый глупый*, *самый завистливый из всех на земле червяков*, которые вовсе не лучше меня, но которые, *черт знает* отчего, никогда не конфузятся; а вот я так всю жизнь от всякой *гниды* буду щелчки получать <...>» (Записки из подполья, 174). Ср. также: «похабник, пакостник, обскурантный ругатель»; «шваль, ракалья, издыхающая тварь»; «сластолюбивая, капризная тварь, эгоист, лентяй, лежебок – и больше ничего»; «никому не надоедаю, разве одним дуракам, верхоплясам, *учёным* [здесь курсив Достоевского]» и т. п.

Вне всякого сомнения, людическую функцию в текстах Достоевского выполняют также многочисленные инвективы с суффиксами субъективной оценки – *аристократишка*, *жидёнок*,

жиденята, жидишка, жидок, либералишки, паршивка, полячишки, полячки, разлетайки, фанфаронишка, хвастунишки, чумичка и т. п., фразеологические сочетания и их модификации, в состав которых входят бранные слова, (например, *дурак, дура*), и др. Это, однако, уже предмет дальнейших публикаций на обозначенную тему.

Литература

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: Монография. 2-е изд. испр. и доп. – Екатеринбург, 2008.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. – Л., 1972–1990.

Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.02.2020)

Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. – М., 2015.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Homo Incredens: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья первая // Stephanos. – 2019(a). – № 3(35). – С. 78–89.

Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В. Homo Incredens: бранная лексика в речи персонажей Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. Статья вторая // Stephanos. – 2019(б). – № 4(36). – С. 119–139.

Ружицкий И.В., Потёмкина Е.В. «Элитарная языковая личность» и бранная лексика (на примере идиолекта Ф.М. Достоевского) // Русская речь. – 2018. – № 6. – С. 29–39.

СЯД – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий / под ред. Ю.Н. Караулова. – М., 2008–2017. Т. I (А–В); Т. II (Г–З); Т. III (И–М); Т. IV (Н–По).

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистического анализа языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 1. – М., 2016.

REFERENCES

Gridina T.A. Yazykovaya igra v hudozhestvennom tekste: Monografiya. 2-e izd. ispr. i dop. – Ekaterinburg, 2008.

Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch. v 30 t. – L., 1972–1990.

Zhel'vis V.I. Pole brani: skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turah mira. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2001.

NKRYa – Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka // URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (data obrashcheniya: 22.02.2020)

Ruzhickij I.V. Yazyk Dostoevskogo: idioglossarij, tezaurus, ejdos: Monografiya. – M., 2015.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Homo Increpans: brannaya leksika v rech'i personazhej F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova. Stat'ya pervaya // Stephanos. – 2019(a). – № 3(35). – S. 78–89.

Potyomkina E.V., Ruzhickij I.V. Homo Increpans: brannaya leksika v rech'i personazhej F.M. Dostoevskogo i N.S. Leskova. Stat'ya vtoraya // Stephanos. – 2019(b). – № 4(36). – S. 119–139.

Ruzhickij I.V., Potyomkina E.V. «Elitarnaya yazykovaya lich-nost'» i brannaya leksika (na primere idiolekta F.M. Dostoevskogo) // Russkaya rech'. – 2018. – № 6. – С. 29–39.

SYaD – Slovar' yazyka Dostoevskogo: Idioglossarij / pod red. Yu.N. Karaulova. – M.: Azbukovnik, 2008–2017. T. I (A–V); T. II (G–3); T. III (I–M); T. IV (N–Po).

Shajkevich A.Ya., Andryushchenko V.M., Rebeckaya N.A. Distributivno-statisticheskogo analiza yazyka russkoj prozy 1850–1870 gg. T. 1. M., 2016.

©Ружицкий И.В., 2020

Ружицкий Игорь Васильевич – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 125480, Россия, г. Москва, ул. Вилиса Лациса, 11/4, 379.

E-mail: konnitie@mail.ru

Ruzhitskij Igor' Vasil'evich - Doctor of Philology, Docent of the Department of the Russian Language for Foreign Students, Moscow State University M.V. Lomonosov (Moscow, Russia).

ЧЕРНЯК В.Д.

Санкт-Петербург, Россия

vdcher@yandex.ru

81*42

DOI 10.26170/ufv20-02-28

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ: РЕБУСЫ И КЛЮЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются интертекстуальные включения в текстах современной беллетристики. Современная социокультурная ситуация характеризуется принципиальным изменением круга чтения молодежи. Тексты, ориентированные на широкого читателя, отражают характерные черты его лексикона и тезауруса. Прецедентные феномены различных типов, являясь важным компонентом текстов, используются в них с учетом интертекстуального тезауруса современной языковой личности. Авторы беллетристики ориентируются на уровень восприятия потенциального читателя, его знание базовых феноменов отечественной и мировой литературы и культуры, способностью узнавать хрестоматийные тексты по цитатам, именам, отсылкам, намекам. Прецедентные феномены становятся объектом языковой игры, напоминающей «игру в поддавки». В статье рассматриваются различные варианты таких игр – от элементарных подсказок до интертекстуальных включений, требующих обязательной актуализации культурного багажа.

Ключевые слова: беллетристика, прецедентные феномены, интертекстуальный тезаурус, языковая игра.

CHERNYAK V.D.

St. Petersburg, Russia

INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN FICTION: REBUSES AND KEYS

Abstract. The article deals with intertextual inclusions in the modern fiction texts. The modern socio-cultural situation features fundamental changes in the reading circle of young people. The texts aimed at the general reader reflect the distinct features of their lexicon and thesaurus. Various precedent phenomena, being a crucial text element, are used taking into account intertextual thesaurus of the modern language personality. Authors

of fiction aim at the potential readers' perception level, their knowledge of basic phenomena of the Russian and world literature and culture, as well as ability to recognize the textbook texts by quotes, names, references, hints. Precedent phenomena become an object of language game which is similar to giveaway game. The article also considers various types of such games – from the elementary tips to the intertextual inclusions, which require mandatory actualization of cultural background.

Keywords: fiction, precedent phenomena, intertextual thesaurus, language game.

Современная социокультурная ситуация, согласно многочисленным исследованиям культурологов, социологов, психологов, характеризуется принципиальным изменением круга чтения молодежи. Литературоцентричность, отмечаемая как значимая характеристика советского / российского общества во второй половине XX века, сегодня уже не рассматривается как ведущая ценностная составляющая. Это не может не сказаться на современной коммуникации, на рецепции и производстве различных типов текстов.

Современная литература, в частности беллетристика, живо реагирует на изменение интертекстуального тезауруса [Кузьмина 2009] современной языковой личности, делая интертекстуальные включения, прецедентные феномены различных типов важным компонентом текстов. Значимость беллетристики (и даже той ее части, которая обозначена оценочным словосочетанием «массовая литература») для исследования этого феномена нельзя недооценивать. Для лингвистов важно, что современная литература, вне зависимости от собственно художественных ее качеств (они различны у разных авторов), создает живой портрет современника, его речи, культурного кругозора, ценностных ориентаций. Тексты, ориентированные на широкого читателя, отражают характерные черты его лексикона и тезауруса. Симптоматично активное использование в лингвистических исследованиях многочисленных примеров из литературы «второго ряда» (см., например [Норман 2017]). Современная литература представляет широчайший круг примеров, связанных с актуализацией в текстах прецедентных феноменов в весьма широком

диапазоне – от хрестоматийных цитат из классической литературы до клишированных включений из детского чтения (последний круг прецедентных феноменов чрезвычайно значим в обыденной коммуникации [Черняк, Носова 2016]).

Обратимся к тому, как современные авторы используют многочисленные включения из отечественной классики. Стратегии авторов современной беллетристики отражают их «цитатность мышления» и предполагают соответствующий отклик читателя. При этом очень важно учитывать поколенческие различия. По словам А. Гениса, «отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» [Генис 2009: 329].

Писатели остро ощущают изменение культурного багажа своего потенциального читателя. Так, В. Пелевин в романе «Empire V» (весьма показательны другие игровые названия книги – «Ампир "В"», «Ампир V», «Вампир») называет современную культуру «анонимной диктатурой», отмечая катастрофическое оскудение базы культурных реминисценций: «Ваше поколение уже не знает классических культурных кодов. Илиада, Одиссея – все это забыто. Наступила эпоха цитат из массовой культуры, то есть предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности». Современные авторы, строя диалог с читателем, показывают, как обмен интертекстами позволяет установить общность культурного кода коммуникантов, определить совпадение или расхождение эстетических пристрастий. Восприятие интертекстуальных элементов, включение их в ментальное пространство читателя «осуществляется подобно наведенной в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент вступает в игру» [Караулов 2003: 217].

Приведем выразительный пример из массовой литературы:

Ой, – схватилась за сердце прислуга, – вы меня рассчитываете? Христом богом молю...

– Никто тебя не увольняет, – заорал всегда сдержанный Лавсанов, – уймись! Это не я *чихнул вам на лысину*.

– *Чихнул на лысину?* – изумилась Наташа.

– В библиотеке есть Собрание сочинений Чехова, – засмеялся Сергей, – ты бы почитала вместо просмотра сериалов (Д. Донцова. Камин для Снегурочки)

Выражение «*чихнуть на лысину*» должно актуализировать в языковом сознании читателя хрестоматийный чеховский текст, однако бедность интертекстуального тезауруса одного из коммуникантов явилась причиной коммуникативной неудачи, вызвавшей поучающую реплику собеседника. Отметим, что во многих подобных случаях способ включения прецедентных высказываний характерен для своеобразного речевого жанра поучения / напоминания, когда дидактичное «напоминание» сопровождается типичной для массовой литературы оценкой культурного багажа собеседника [Черняк, Черняк 2013].

Принципиально иное использование цитаты из также хорошо известного чеховского рассказа находим в последнем романе Анны Матвеевой «Есть!»:

Свету мама вообще не признавала, зато сразу же признала Геню.

Ей, впрочем, тоже доставалось – ставя на стол блюдо с цыпленком табака, мама могла сказать:

– Конечно, Геня, ты много пишешь и много читаешь, но так *работать с книгой*, как мой Владимир, ты вряд ли научишься.

– «А что, если добавить сюда эстрагона?» – спрашивала она в другой раз будто бы у Гени, но на самом деле сама у себя, чтобы тут же, с усмешкою, сказать: – Тогда уж *надо и Владимира добавить!* [курсив мой. – В. Ч.] – и косо взглядывала на любовницу сына: узнала, откуда каламбур?

Трансформированная фраза из рассказа Чехова «Орден» не сопровождается какими-либо отсылками и намеками. Она служит своего рода «тестовым заданием», использованным

персонажем романа для распознавания «своих» по культурному уровню. Об этом очень хорошо пишет А. Генис: «Мы привыкли судить людей по цитатам, ибо часто они образуют собеседника, как бинты человека-невидимку. Всякая культура настояна на цитатах, но наша особенно. Там, где нельзя выделиться положением и богатством, цитата была паролем, позволяющим выделить своих – навсегда и немедленно. С «Цветаевой» ходили в филармонию, с «Асадовым» – на танцы...» [Генис 2009: 329].

В то же время это проверка и читательской компетенции, приглашение его к разгадыванию механизма языковой игры, на которую указывает слово *каламбур*.

Обобщая типы включений прецедентных феноменов в современной беллетристике можно выделить следующие:

1. Прецедентные феномены включаются в авторскую речь с указанием источника:

«Год прошел, как сон пустой» – эти слова из пушкинской сказки то и дело всплывали в памяти, сопровождая все, что он делал в этот бесконечный год: готовился к летним изысканиям, потом, летом, занимался геологоразведкой (*А. Берсенева. Антистерва*).

Злые языки, как говаривал гений дворянской России Грибоедов, оказались страшнее пистолета (*А.и С.Литвиновы. Сердце Бога*).

2. Прецедентные феномены включаются в персонажную речь с указанием источника в реплике одного из персонажей:

– ...Я думаю, нам стоит отметить Крещение. У Пушкина, помнится, в крещенский вечерок девушки гадали, – улыбнулся Александр. – За ворота башмачок, сняв с ноги, бросали. – И, вспомнив, как беспомощно соскользнули с ее ног валенки, когда она сидела на дереве, поспешно добавил: – но башмачки бросать мы не будем.

Она посмотрела на него удивленно, потом улыбнулась тоже.

– Это не совсем у Пушкина, – сказала Варя. – Просто в «Евгении Онегине» эпитафия такой. Не помню, к которой главе (*А. Берсенева. Азарт среднего возраста*).

3. Прецедентные феномены включаются в персонажную речь и комментируются в авторской:

После школы меня отправили учиться в московский институт Иностранных языков. Мама долго не хотела отпускать меня, ссылаясь на корни, без которых я увяну, но папа, как опытный преферансист, обыграл её, хитро передернув козырную цитату из Бродского (тот был для мамы высшим авторитетом). Он сказал так: – *Если выпало в империи родиться, надо жить в глухой провинции у моря*. Ну а если выпало родиться в глухой провинции у моря?... Мама долго не хотела отпускать меня, ссылаясь на корни, без которых я увяну, но папа, как опытный преферансист, обыграл её, хитро передернув козырную цитату из Бродского (тот был для мамы высшим авторитетом) (*В. Пелевин. Ананасная вода для прекрасной дамы*).

4. Прецедентные феномены используются без указания источника как в прямой речи, несобственно-прямой речи, так и в авторской:

Мать перебирала кандидатуры. Вика чувствовала себя в ситуации, многократно описанной в классической литературе. С одной стороны, *«душа ждала кого-нибудь»*, с другой – она слишком хорошо знала мать и совсем не была уверена в том, что ей выберут что-то подходящее (*О. Рой. Эдельвейсы для Евы*).

И вот я стою, смотрю на удаляющуюся в сторону Московского вокзала дородную фигуру Кольки Никонова в добротном пальто с бобровым, барским, *серебрящимся морозной пылью воротником* (*Н. Сорбатская. Литературная рабыня: будни и праздники*).

Сигналами интертекстуальности могут служить кавычки, курсив, но часто и они отсутствуют.

Опознание интертекстуальных ссылок для читателя может стать увлекательной игрой, своего рода разгадыванием кроссворда, сложность которого может варьироваться в очень широких пределах – от безошибочного распознавания до сложных интеллектуальных усилий, направленных на то, чтобы уловить в тексте «интертекстуальное эхо».

Пессимистический взгляд на проблему сохранения культурной памяти, определяющей адекватное восприятие текстов, представлен в работе С. и Г. Хазагеровых: «Главная проблема нашей сегодняшней жизни не техническая отсталость, а гуманитарное оскудение – то, что персонаж Булгакова назвал разрухой в мозгах. Мы пожинаяем плоды этой разрухи – бедность языка, бедность мысли, бедность кругозора» [Хазагерова, Хазагеров 2005]. Однако авторы современной беллетристики, ощущая «горизонт ожидания читателя», помогают ему освоить культурное пространство, стремятся создать у него чувство интеллектуального комфорта.

Литература

- Генис А.* Уроки чтения. Камасутра книжника. – М., 2013.
- Генис А.* Шесть пальцев. Пушгоры. – М., 2009.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. 3-е изд. – М., 2003.
- Кузьмина Н.А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. – Омск, 2009.
- Норман Б.Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. – Екатеринбург; Москва, 2017.
- Хазагеров Г., Хазагерова С.* Культура-1, культура-2 и гуманитарная культура // Знамя. 2005. № 3.
- Черняк В.Д., Носова Е.П.* С дядей Стёпой в голове: детское чтение в ассоциативном тезаурусе // Языковая личность: аспекты изучения сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. – Москва, 2017. – С. 360-372.
- Черняк В. Д., Черняк М.А.* Речевой жанр «напоминание» в современной массовой литературе // Жанры речи. 2013. № 1–2. – С. 133–138.

REFERENCES

- Genis A. Uroki chteniya. Kamasutra knizhnika. – M., 2013.
- Genis A. Shest' pal'cev. Pushgory. – M., 2009.
- Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 3-e izd. – M., 2003.
- Kuz'mina N.A. Intertekst: tema s variacijami. Fenomeny kul'tury i yazyka v intertekstual'noj interpretacii. Omsk, 2009.

Norman B.Yu. Pragmatischenkij potencial ruskoj leksiki i grammatiki.– Ekaterinburg; Moskva, 2017.

Hazagerov G., Hazagerova S. Kul'tura-1, kul'tura-2 i gumanitarnaya kul'tura // Znamya. 2005. № 3.

Chernyak V.D., Nosova E.P. S dyadej Styopoj v golove: detskoe chtenie v associativnom tezauruse // Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya sbornik nauchnyh statej pamyati chlena-korrespondenta RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova. Moskva, 2017.

Chernyak V. D., Chernyak M.A. Rechevoj zhanr «napominanie» v sovreemnoj massovoj literature // Zhanry rechi. 2013. № 1–2. – S. 133–138.

©Черняк В.Д., 2020

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. В.О., 1-ая Линия, 52.

E-mail: vdcher@yandex.ru

СНernyak Valentina Daniilovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia).

Электронный научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Серия

«Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»

Сетевой адрес серии журнала:

http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=121&Itemid=339

Издатель: ФГБОУ ВО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281

E-mail: linguacreativ@list.ru

Тел.: (343) 235-76-66; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 4 раз в год

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:

электронный научный журнал. 2020. № 2

Серия *«Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*

(Вып. 29)